

**НОВЫЙ
Журнал**

149

**THE NEW
REVIEW**

THE
NEW REVIEW
Новый Журнал

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 до 1975 редактор Роман Гуль

*С 1975 по 1976 редакция Р. Гуль (главный редактор), Г. Андреев,
Л. Ржевский*

Сорок первый год издания

РЕДАКЦИЯ: РОМАН ГУЛЬ И Е. Л. МАГЕРОВСКИЙ
СЕКРЕТАРЬ: ЗОЯ ЮРЬЕВА

NEW REVIEW. DECEMBER 1982

Quarterly No. 149

2700 Broadway, New York, N. Y. 10025

Subscription Price \$24 — for one year

Publisher New Review Inc.

Second Class Mail postage paid
at New York, N. Y.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Р. Гуль</i> — "Новому Журналу" 40 лет	5
<i>И. Елагин</i> — Стихи	14
<i>В. Писарев</i> — Кизиловое дерево	16
<i>М. Волкова</i> — Стихи	36
<i>Ю. Кротков</i> — Арест	37
<i>Н. Вулич</i> — Картинки с выставки	74
<i>Н. Натова</i> — Образ маски и маскарада в поэзии А. Блока	77
<i>Ю. Иваск</i> — Стихи	90
<i>С. Голлербах</i> — Дмитрий Меринов	91

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>Л. Иванова</i> — Воспоминания о Вяч. Иванове	100
<i>Письма Б. Зайцева И. и В. Бунным</i> (публ. Милицы Грин)	127
<i>С. Пушкарев</i> — О русской эмиграции в Праге	150
<i>М. Гольдштейн</i> — Мемуары 20-летнего музыканта	164

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

<i>В. Пирожкова</i> — Легенды о Сталине	188
<i>И. Мацкевич</i> — Существует ли еще Россия?	200
<i>Н. Первушин</i> — Последний защитник русского крестьянства	221
<i>Ю. Фельштинский</i> — Большевики и рабочий вопрос (1917-18) ...	235
<i>С. Рафальский</i> — Класс творческой мысли	250

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:

<i>Н. Рыжков-Карр</i> — Недоставленная телеграмма	274
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

<i>Е. Кандыба-Фоксскрофт</i> — С. А. Коновалов	276
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ:

<i>Ю. Иваск</i> — Вольфганг Казак — Поэт-переводчик Конст. Богатырев	280
<i>В. Шапиль</i> — Размышления над путешественницей-книгой	282
<i>Книжи для отзыва</i>	287

"НОВОМУ ЖУРНАЛУ" 40 ЛЕТ

"Новый Журнал" существует в Нью Йорке уже 40 лет. Это небывалый срок для эмигрантского "толстого" журнала. Но это естественно, ибо и созданная в бывлой России тоталитарная империя — явление в новой истории небывалое.

"Новый Журнал" расходуется в 36 странах, хоть тираж его и невелик. Я редактирую журнал почти 25 лет. Как же создался этот русский свободный журнал? Когда Гитлер, поддержанный тогда Сталиным ("дружба спаянная кровью") занял свободную Францию, парижский русский толстый журнал "Современные Записки" прекратился и многие его сотрудники приплыли новыми эмигрантами в Соединенные Штаты.

Здесь у постоянных сотрудников "Современных Записок" — у М. О. Цетлина и М. А. Алданова возникла мысль о продолжении издания русского свободного толстого журнала, то есть, о продолжении "Современных Записок". Об этом в 1941 году из Нью Йорка Марк Александрович Алданов писал И. А. Бунину во Францию: — "Толстый журнал будет почти наверное... можно будет выпустить книги две, а потом будет видно". Так, в 1942 году в Нью Йорке на частные эмигрантские деньги стал издаваться свободный русский толстый журнал — "Новый Журнал". Никаких субсидий и дотаций со стороны не было. Конечно, тогда Цетлин и Алданов не могли себе представить, что их "Новый Журнал" просуществует 40 лет и будет издано не "две книги", а вот уже 148 книг. Сейчас я готовлю 150-ю. Если к этим 150-ти книгам "Нового Журнала" прибавить 70 книг "Современ-

Вступление к беседе о "Новом Журнале", произнесенное в Kennan Institute for Advanced Russian Studies (Smithsonian Institution Bldg.) в Вашингтоне 17 ноября 1982 года. Радиостанция "Голос Америки" транслировала в СССР передачу о сороколетии "Нового Журнала". Радиостанция "Свобода" передала в СССР интервью с редактором Р. Б. Гулем о сороколетии "Нового Журнала".

ных Записок”, ибо “Новый Журнал” явился их продолжением, то надо признать, что 220 книг свободного русского толстого журнала, изданного русскими эмигрантами, это — серьезный вклад в русскую культуру.

В редакционной статье первой книги “Нового Журнала” задачи его определялись так: — “Наше издание, начинающееся в небывалое катастрофическое время — единственный русский толстый журнал во всем мире вне пределов Советского Союза. Это увеличивает нашу ответственность и возлагает на нас обязанность, которой не имели прежние журналы: мы считаем своим долгом открыть страницы “Нового Журнала” писателям разных направлений, — разумеется, в известных пределах: люди, сочувствующие национал-социалистам и большевикам у нас писать не могут”.

Так было сказано 40 лет тому назад, так остается и теперь: люди, сочувствующие идеям, убивающим свободное творчество, не могут быть сотрудниками “Нового Журнала”. И в то же время я хочу подчеркнуть, что на протяжении всех 40 лет редакция “Нового Журнала” давала и дает возможность высказаться всем, кому дорога свободная русская культура. Мы исповедуем принцип самой широкой терпимости ко всякому инакомыслию — политическому, мировоззренческому, к разным литературным направлениям, вкусам, школам, даже модам. Исключались всегда и исключаются поныне только сторонники тоталитарных идеологий, то есть, сторонники массовой антикультуры. 62 года тому назад государственный секретарь в администрации президента Вудро Вилсона Колби так писал американскому послу в Лондоне Дэвису: “Правительство США разделяет *отвращение цивилизованного мира к тирании, которая ныне господствует в России...*”. Вот, в течение 62 лет мы и сохраняем это “отвращение”, и оно помогает нам, порой в очень трудных условиях, продолжать издание нашего журнала, посвященного русской свободе. К сожалению, в наши дни на Западе многие либералы-демократы это “отвращение” утеряли. Кстати, один из бывших редакторов “Нового Журнала”, М. А. Алданов, автор многих замечательных романов и политических эссе очень хорошо — по-моему — говорил о взаимоотношениях Свободного Мира и Советского Союза, используя название знаменитой

драмы Шиллера: — “Отношения между Европой и Советской Россией — трагикомедия коварства и любви”. И о капиталистическом строе Алданов добавлял: — “Поистине, должна быть какая-то внутренняя сила в капиталистическом мире, если его еще не погубила граничащая с чудесным глупость нынешних его руководителей”.

Но основатели “Нового Журнала” — Цетлин и Алданов — недолго были его редакторами. В 1945 году смерть прервала работу М. О. Цетлина над 11-й книгой журнала. До последней минуты, уже тяжело больной, в постели, Цетлин все еще редактировал рукописи, читал корректуру. И один из ближайших его друзей говорил: “Если бы М. О. отказался от этой своей работы, он, вероятно, умер бы раньше: только эта работа его и поддерживала”.

Алданов отошел от редакторства после выхода четвертой книги. Вскоре он уехал в Европу. И в 1945 году единоличным редактором “Нового Журнала” стал профессор Гарвардского Университета Михаил Михайлович Карпович. По своему характеру Карпович был схож с Цетлиным и Алдановым. Та же мягкость и такт в обращении со всеми людьми, то же джентльменство, внутреннее отталкивание от всякой резкости и любовь к англо-саксонскому компромиссу. Политически Карпович был “русским либералом”, “рышарем свободы и законности”. Этот тип людей, к сожалению, бесповоротно ушел из российской современности. Большевицкая революция уничтожила таких людей начисто.

Став с книги 11-й единоличным редактором, Карпович счел нужным еще раз определить задачи “Нового Журнала”. И определил их так: — “На страницах нашего журнала нет и не может быть места для отрицателей свободы и проповедников нетерпимости, как нет его и для сторонников соглашательства с ними, но в этих широких пределах журнал наш предоставляет своим сотрудникам полную возможность высказывать самые разнообразные общественно-политические, философские и эстетические взгляды. Стремясь по мере наших сил и возможностей откликаться на политическую злобу дня, мы не хотим, однако, целиком уходить в злободневность, памятуя о том, что поддержание культурной традиции и признание автономии культуры

являются необходимым условием духовного здоровья — и одним из могущественных средств в борьбе против тоталитарного варварства. На этих путях мы остаемся верны тому духу, в котором "Новый Журнал" был задуман".

Конечно, мягкость и терпимость Карповича, как редактора, были не безграничны. Там, где Михаил Михайлович считал нужным он бывал тверд, хоть и мягок по форме. Приведу такой пример. В "Новом Журнале" мы печатали роман Алданова "Бред". Алданов — маститый автор и рукописи его редактированию, разумеется, не подлежали. Но вот в присланном очередном отрывке у Алданова одно действующее лицо, американский полковник, ультра-американски произносит известную фразу Юлия Цезаря — *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил) — винай, вайдай, вайсай. Прочтя это, Карпович расстроился и говорит мне: — "Ну, нет, эту пиллюлю я проглотить не могу. И зачем Марку Александровичу это понадобилось? Не понимаю. Во-первых интеллигентные американцы так не говорят, в этом я уж могу его заверить. Это нехороший, вульгарный гротеск, и его надо опустить, я напишу об этом Марку Александровичу". Михаил Михайлович написал Алданову и это ультра-американское преображение фразы римского полководца было вычеркнуто из романа.

С другой стороны Михаил Михайлович был очень заботлив в отношении сотрудников журнала. Расскажу один случай, который может быть даже интересен исторически. Нам прислал свои воспоминания о 1917-1918 годах доктор Иван Иванович Манухин. Манухин — известный врач, ученый, много лет работал в Пастеровском Институте в Париже. Политически Манухин был человеком левого лагеря, дружил с Максимом Горьким, был хорош с многими членами Временного Правительства. И в своих воспоминаниях он рассказывает, как следственная комиссия Временного Правительства послала его в Петропавловскую крепость, в Трубецкой бастион, освидетельствовать заключенных там царских министров, из которых многие жаловались на разные недомогания. Манухин с удовольствием согласился, ибо, как он пишет, "хотел хотя бы врачебной помощью облегчить тяжелое положение этих несчастных монархистов". Он поехал и состоянием одного заключенного —

бывшего директора Департамента полиции Белецкого Манухин был потрясен потому, что Белецкий оказался заключен в абсолютно темный карцер, очень тесный, так что он не мог встать и сидел в этом карцере на хлебе и на воде. В крепости Манухин узнал, что такое заключение предписано Белецкому по “личному распоряжению Керенского”. Манухин возмущился. Поехал к представителям Временного Правительства и заявил, что если немедленно Белецкого не освободят из карцера, то он отказывается от своей работы в Петропавловской крепости. Белецкого, разумеется, тут же перевели из карцера в обычную камеру.

Но упоминание Манухиным факта, что в темный карцер Белецкий был посажен по “личному распоряжению Керенского” поставило редактора Карповича в тяжелое положение. Не напечатать воспоминания Манухина нельзя, воспоминания очень интересны. Но напечатать “о личном распоряжении Керенского” — тоже нельзя: — Керенский был сотрудник “Нового Журнала” и Карпович был очень дружен с Керенским. Он знал, что упоминание о таком “личном распоряжении” чрезвычайно расстроит Керенского. Керенский был очень импульсивный человек; к тому же в эмиграции Керенского и без того травили с разных сторон. Как же тут быть? Пришлось Карповичу писать длинное письмо доктору Манухину о том, что произойдет с Керенским, если оставить в воспоминаниях это его “личное распоряжение”. Но все уладилось. Манухин понял и Карповича, как редактора и друга Керенского, понял и возможность тяжелой реакции Керенского. И “личное распоряжение” было в воспоминаниях опущено. Кстати, я А. Ф. Керенского знал довольно хорошо и могу засвидетельствовать, что жестоким человеком он совершенно не был. Вероятно, это “личное распоряжение” было каким-то случайным демагогическим жестом для “революционной демократии”, о котором и сам Керенский, наверное, забыл.

В 1959 году Михаил Михайлович Карпович скончался. Это была большая потеря для журнала. С 1959 года я редактирую “Новый Журнал”, это почти четверть века. Я всегда очень жалел, что и основатели “Нового Журнала”, Цетлин и Алданов, и Карпович не дожили до того времени, когда “Новый Журнал” стал проникать в Советский Союз и находить там друзей, и

когда мы начали получать рукописи из Советского Союза. Началось это с романа Пастернака "Доктор Живаго", пробившего окно в Европу. По-русски за рубежом впервые отрывок из этого романа был напечатан в "Новом Журнале". Потом с одного научного конгресса, через известного русского слависта мы получили привет от Анны Андреевны Ахматовой, причем вместе с приветом Ахматова просила передать, что в своей очерке о Гумилеве, его свояченица, жена его старшего брата, "много напутала и наврала". Так мы узнали, что Анна Ахматова читает "Новый Журнал". А если читает она, то, вероятно, читают и другие советские писатели из элиты? Вскоре пришло другое известие, что приехавший в Лондон прозаик Парфенов получил от кого-то в Лондоне "Новый Журнал" — весь тогдашний комплект — и, как нам передавали, запершись в номере гостиницы, читал день и ночь. Парфенову журнал понравился, он хвалил многое, особенно стихи Ивана Елагина, и увез с собой в Москву книги "Нового Журнала". Потом от одного американского профессора, побывавшего в Москве, мы узнали, что директор самого известного в Москве высшего учебного заведения (я умышленно не называю какого) аккуратно читает "Новый Журнал", о котором отозвался весьма хвалебно, отметив особенно "прекрасный русский язык". Дальше, от литератора француза русского происхождения, ездившего в Москву, мы узнали, что он видел "Новый Журнал", когда был в редакции "Нового Мира". И на его недоуменный вопрос — "Разве вы получаете этот эмигрантский журнал?" — последовал несмущенный ответ — "Мы следим за *всей* русской литературой". Но когда он взял в руки этот "Новый Журнал", то почувствовал, что из него какие-то статьи вырезаны. Потом один видный деятель советской культуры (имени не называю), встретившись с известным американским профессором в Европе, за завтраком, в разговоре о советских "толстых" журналах, вдруг сказал своему американскому коллеге: "Но больше всего я люблю нью-йоркский 'Новый Журнал' ". Американец так и ахнул. И вернувшись в Америку, конечно, сообщил нам об этом, желая нас обрадовать. И, разумеется, обрадовал.

Наряду с такими конспиративными и полуконспиративными отзывами и приветами мы убедились твердо, что в

писательской и ученой элите в Сов. Союзе "Новый Журнал" знают. В этом убеждали и ссылки на наш журнал, которые стали появляться во время "оттепели" в "Литературной газете", в "Огоньке", в "Литературе и Жизни", в "Литературном Наследстве". Но особенно порадовали нас многочисленные ссылки на "Новый Журнал" в книге известного ученого-слависта академика Виктора Владимировича Виноградова — "Проблема авторства и теория стилей". В ней Виноградов ссылается на "Новый Журнал" много раз: и на статью Леонида Сабанеева о музыке Стравинского, и на статью Юрия Иваска о поэзии Баратынского, а больше всего Виноградов делает ссылок на две статьи о творчестве Достоевского — проф. Николая Трубецкого и проф. Ростислава Плетнева.

Правда, как известно, за "оттепелью" пришли "заморозки", и ссылки на "Новый Журнал" в советской печати прекратились. Но мы начали получать из Советского Союза рукописи, что было лучше всяких "ссылок". Самым большим подарком для "Нового Журнала" была объемистая рукопись Варлама Шаламова — "Колымские рассказы". Произошло это так. Один известный американский профессор-славист как-то позвонил мне по телефону и сказал, что был в Москве и привез большую рукопись для "Нового Журнала". Я поблагодарил и на другой день профессор привез мне на квартиру рукопись "Колымских рассказов". Это была очень большая рукопись, страниц в 600. Передавая ее, профессор сказал, что автор лично виделся с ним и просил взять его рукопись для опубликования в "Новом Журнале". Профессор спросил автора: — "А вы не боитесь ее опубликования на Западе?" — На что Шаламов ответил: — "Мы устали бояться...". Так, в "Новом Журнале" началось печатание "Колымских рассказов" Варлама Шаламова из номера в номер. Мы печатали Шаламова больше десяти лет и были первыми, кто открыл Западу этого замечательного писателя, взявшего своей темой — страшный и бесчеловечный ад Колымы. Когда рассказы Шаламова были почти все напечатаны в "Новом Журнале" я передал право на их издание отдельной книгой, приехавшему ко мне покойному Стипульковскому, руководителю издательства "Оверсиз Пабλικейшенс", в Лондоне, где они и вышли книгой.

Потом мы стали публиковать уже не только приходившие к нам (как мы всегда писали в примечаниях "с оказией") рукописи советских писателей, но и рукописи писателей, бежавших из Советского Союза — Анатолия Кузнецова, Юрия Кроткова, Аркадия Белинкова. В первом письме ко мне Аркадий Белинков писал: — "Из всех русских изданий за границей я лучше всего знал именно Ваш журнал... В Москве я прочитал по крайней мере половину вышедших номеров. Дело это не простое, но по своему положению... я имел доступ в Отдел специального хранения Библиотеки имени Ленина, а кроме того его привозили друзья из-за границы". И в другом письме ко мне Белинков писал — "все мы без меры обязаны существованию "Нового Журнала". Для меня, как редактора "Нового Журнала", это была большая моральная поддержка, ибо это было доказательство того, что издание *свободного* русского журнала за рубежом действительно нужно людям, живущим в тоталитарном Советском Союзе. Незадолго до Белинкова, тоже бежавшая на Запад Светлана Аллилуева из своего гонорара за первую ее книгу выделила пять тысяч долларов на поддержку "Нового Журнала".

Были ценные отзывы и других писателей-беглецов. Но особенно было ценно, полученное мной в 1970 году, письмо из Европы некоего анонима. Приведу его полностью: "Многоуважаемый г-н Гуть! Большое вам спасибо за ваш чудесный "Новый Журнал", который я получил от одного нового знакомого, эмигранта. Я приехал в Европу, как турист из СССР, уезжаю обратно и увожу журнал домой. Хотя я и член партии, но Ваш журнал произвел на меня ошеломляющее впечатление. Я поражен тем, что в эмиграции есть силы, которые нам близки по духу. Вам, конечно, странно, член партии и *близость духа?* (слова "близость духа" подчеркнуты автором). Но, поверьте, что это так. Партия это лишь *мертвый* (мертвый — подчеркнуто автором) символ для нас, для молодежи. Мы тоже люди и *добро* (добро — подчеркнуто автором) для нас ближе, чем позолоченный труп. Очень жалею, что остаюсь анонимом — вы должны мне простить и понять. *Читатель из СССР*" ("Читатель из СССР" подчеркнуто автором письма).

Было бы лицемерием, если б я не сказал, что такие отзывы о журнале давали и дают силы — в очень трудных условиях —

вести ”Новый Журнал”. Но это — наша посильная борьба с антикультурой большевизма, борьба за творческую свободу — а стало быть и политическую и гражданскую свободу человека. К насилью советской диктатуры мы остаемся непримиримы. Когда-то в 16 веке на съезде в Вормсе Мартин Лютер произнес знаменитую формулу непримиримости: ”Hier steh’ ich. Ich kann nicht anders” (”На этом стою. По другому не могу”). Так и мы: — ”по другому не можем”.

Роман Гуль

★

Сергею Голлербаху

Я забился за кулисы,
Я закрылся на крючок,
Раздражительный и лысый
Неудачник-старичок.

Самому непостижимо,
Как я старый стал и злой,
Как себе на щеки грима
Наложил я жирный слой.

Только в этот раз паршиво
Я усвоил роль свою,
И с отчаяния пиво
В одиночестве я пью.

Вот герольд уже на сцене
Встал с трубой, укрытый тьмой,
А по сцене бродят тени.
Очень скоро выход мой.

Как раздвинется завеса,
Трубы небо затрясут,
И тогда начнется пьеса
Под названием "Страшный суд".

Иван Елагин

Ничего не разберу!
Нанюхался кокаину?
И в Нью-Йорке на ветру
Я на набережной стыну.

Ветер со злобой
Треплет седые виски.
Как динозавры столпились вдали небоскребы.
Ветер с реки. Ветер с реки. Ветер с реки. Ветер с реки.

Нанюхался кокаину?
В наркотическом бреде
На рассвете по Берлину
Разбомбленному иду?

Воздуха удары
Сотрясают стены.
Взрывы-пожары. Взрывы-пожары. Взрывы-пожары. Взрывы-
пожары.
Сирены. Сирены. Сирены. Сирены. Сирены. Сирены. Сирены.

Нанюхался кокаину
Полночью вихревой?
Оголтело в котловину
Полетел вниз головой.

Закружился по спирали
И куда-то запропал.
А колеса все считали, считали, считали, считали,
Сколько стыков, сколько шпал, стыков и шпал, стыков и шпал,
стыков и шпал, стыков и шпал.

А может быть — все это — было — совсем по-иному —
Как море — огромное — необозримое — зло —
От дома — от дома — от дома — от дома — от дома — от дома
Меня отнесло — отнесло — отнесло — отнесло — отнесло.

Иван Елагин

КИЗИЛОВОЕ ДЕРЕВО

ИЗ ЖИЗНИ "ЛЮБИМЧИКА"

Ранней весной, когда воздух, еще совсем сырой и мглистый, цветет в горных лесах кизилковое дерево. Еще нет настоящего весеннего тепла, нередко заморозки, а ветви его усеяны мелким желтым цветом.

Существует старинное поверие, почему так рано цветет кизил.

Когда-то сидел под деревом старый дэв, любитель проказ, и терпеливо и настойчиво уговаривал дерево, чтобы оно расцвело, потому что уже давно пришла весна. Дерево долго не верило дэву, но потом все-таки испугалось, что может пропустить весну, и расцвело. Лукавый дэв обманул его: на дворе еще было совсем холодно. Но с тех пор самым первым расцветает в горах кизил.

А настоящая весна приходит позже. Тогда бело-розовой пеной покрываются черные изломанные ветви дикого абрикоса; в распадках гор распускаются маки-недотроги, теряющие лепестки от самого легкого прикосновения; зацветут стоящие стеной вдоль узких троп заросли барбариса, дикого граната и алычи, и в море молодой зелени утонет старый восточный город.

Расположенный на высокогорном плато и укрытый мощными крепостными стенами, город, словно хищная птица, навис над единственной дорогой, связывающей нагорье с долиной.

В этой автобиографической повести особенно ценно, что автор рассказывает не о т. н. "колонии малолетних преступников", а об обычном, ряловом советском детдоме. РЕД.

С тыла он надежно защищен глубоким ушьем, по дну которого бежит река. Узкие тропы, прихотливо блуждающие по крутым склонам, на неожиданных поворотах упираются в башни сторожевых крепостей. Башни эти, круглые или четырехгранные, своими стенами соединяются со скалами и перекрывают тропы. Иногда за башней начинается лабиринт пещер. Полы в пещерах выровнены, а стены укреплены каменной кладкой. Когда-то эти стены выдерживали многодневные осады разноплеменных врагов.

В истории города есть мрачные страницы. Еще и теперь на могильных плитах русского кладбища можно прочесть эпитафии капитанам и штабс-капитанам, погибшим в армяно-татарской резне 1905 года. А закопченные развалины, заросшие ежевикой, кричат о трагедии, когда большая часть армянского населения была вырезана, а армянские кварталы города сожжены...

Сейчас город отдан детдомовцам. В нем расположено восемь детских домов, две лесные школы, детский туберкулезный санаторий. Для такого маленького городка это слишком много. Восточный город засыпает рано, но после отбоя в детских домах толпы детдомовцев отправляются шататься по узким кривым улочкам, заставляя свирепеть собак, жителей и дежурных милиционеров.

1. Новички

Очередная партия новеньких прибыла в детдом вскоре после новогодних праздников. В это время в городе шли холодные дожди. Резкие порывы ветра скручивают струи дождя в тугие жгуты и в пыль разбивают их о крыши и стены домов. Дождь глухо стучит по ржавому железу, которым огорожены дворы местных жителей, и смывает с заборов похабные рисунки и надписи. Земля насыщена влагой до предела, и разбитые, бугристые мостовые покрыты большими грязными лужами. Грязь везде: в столовой, в спальнях, в учебных корпусах. В холодных, плохо протопленных помещениях стоит тяжкий дух мокрой псины.

Темными вечерами, забившись в укромные уголки, плачут в

детдоме малыши. За темными окнами — равнодушный дождь, а в классной комнате — крики и хохот старших ребят. Иногда сквозь хохот прорывается злой плач маленькой жертвы, и чуткое ухо слышит в нем ноты бессильной ненависти.

Это время тоскливых детских воспоминаний. Смутных, отрывочных воспоминаний о прежней, додетдомовской жизни. Это время, когда дети ясно понимают, что их мир — это темный, грязный угол, и что никому нет дела ни до их слез, ни до их недетской тоски и душевной муки...

Новенькие, ребята в возрасте от шести до шестнадцати лет, одетые в приютские костюмы, стояли в коридоре длинного двухэтажного здания. Среди них выделялись своими фантастическими лохмотьями три-четыре фигуры старших. За время не столь уже продолжительного путешествия от приюта до детдома старшие успели выменять приютские обноски на табак и водку. Уже только по одной манере держаться можно было узнать в них "настоящих босяков", долгое время бывших на воле и не собиравшихся здесь задерживаться. Они независимо оглядывались, весело скалили зубы и непринужденно пересыпали речь матом. В ответ на неуверенное замечание, проходившей мимо, воспитательницы один из них показал ей место пониже живота. Она поспешила скрыться.

— Город, куда вы едете, — говорили им в приюте, — сухой и чистый. Там всегда тепло, а фруктовые деревья растут прямо на улице, и фрукты можно есть даром.

Теперь, глядя на холодный, залитый водой двор, посередине которого высилась трибуна с грубо оструганным шестом без флага, ребята злились, что поверили взрослому.

— Если бы знать, можно было бы с дороги сбежать! В Крым иль в Ташкент, — послышался чей-то угрюмый голос.

— А что, в Крыму зимы не бывает или жратва на улице валяется? — насмешливо отозвался один из старших. И, ощупав пацана взглядом, подбодрил: "Не унывай, босяк! Надо же где-нибудь зимой перекантоваться. А вот придет весна — можно и в Крым съездить!" И, подмигнув, запел:

"Сука буду, не забуду этот паровоз

На котором я катался, чемоданы вез..."

В группах кончились классные занятия, и новичков плотной

толпой окружили старожилы.

— Кто из Баку? Из Дербента — есть? — посыпались вопросы.

— В Закаталах, в колонтайке*, был кто?

Один из новичков обнаружил среди старожиллов знакомого:

— Генка! Васильев! И ты тут? Ну, заживем!

— Тише, — оборвал его Генка, — я уже не Васильев, я — Проценко. Где это тебя взяли? Недолго же ты на воле побывал! А как тебя теперь звать?

— По старому зови, я фамилии не менял.

— Ага, значит, как был Кацаруба, так и остался? Ну, друг, мы с тобой здесь надолго зазимуем.

— Да брось ты парашу пускать*, — обиделся Кацаруба. — Придет весна...

Детдомовцы весело захохотали, не дав ему закончить фразы.

— Чё вы? — вскинулся Кацаруба.

— Слушай, друг, — объяснил ему Генка причину смеха. — Отсюда путь — только в ремеслуху, ФЗО или в колонтайку. Смотри! Проволоки нет. Ворота открыты. Иди! Куда вот только иди? До станции — 100 километров.

— Не сто, а девяносто два, — поправил кто-то из толпы.

— Какая разница? Дорога — одна-единственная, по ней не пойдешь. Сцапают на первом повороте. Надо идти напрямик, через горы.

— Так в чем же дело? — спросил Кацаруба.

— Так ведь по горам надо уметь ходить! Не по всякой тропе пойдешь. На тропках чабаны-педерасты сидят. И грабят, и убить могут. Были случаи!..

— Так что? Драпануть нельзя? — поскучил Кацаруба.

— Можно! — успокоил его Генка. — Трудно, но можно. Подумать надо.

— А ты умеешь думать? — насмешливо спросил Генку

*"Колонтайка" — колония (жаргон).

*"Парашу пускать" — обманывать, сплетничать (жаргон).

сосед Кацарубы, до этого молчавший и внимательно слушавший разговор старых друзей.

— Хм., Это что еще за рыбий глаз в разговор лезет? — удивился Генка. Среди тюрков, чаще всего — кареглазых брюнетов, встречается тип людей, у которых волосы — не черного цвета, а чуть светлее: напоминают окраской графит. У таких "светлых брюнетов" и глаза — не темные, но и не серые, не голубые, а льдистые. Проценко-Васильев точно подметил особенность внешности новенького, и это грозило тем, что кличка прилипнет.

Новенький холодно посмотрел на обидчика и, едва разлепля толстые губы, лениво осведомился:

— Зубики у тебя все целые?

— Брось, брось, Генка, — вмешался Кацаруба, — это мой дружок. Хороший пацан! Настоящий босьяк! Фамилия у него редкая — Мамедов. И имя тоже — Мамед.

Ребята засмеялись: в Азербайджане "Мамедов" — все равно, что в России — Иванов.

Генка, видимо не желая обострять обстановку, умело перевел разговор. Повернулся к группе младших ребят и спросил:

— А это что за публика?

— Да вроде все "чистые", — отозвался Кацаруба. — А если особо интересуешься, есть тут один — по-моему, из "любимчиков". — Кацаруба кивнул на белобрысого тошего пацана.

Проценко внимательно осмотрел мальчишку с ног до головы и с издевкой в голосе спросил:

— Ну, ты, рахит! "Права" знаешь?

Мальчишка поднял на него печальные глаза и неожиданно для всех произнес:

— Знаю.

— Ты смотри, — удивился Генка, — знает! Какой босьяк! Может ты и на воле был?

И все услышали тихий ответ: Был...

— Да это же Славка Соловьев, — вмешался вдруг в разговор конопатый мальчишка. — Я его знаю. Вместе в одном приюте были. Он знает, все знает!

Что знает? — оторопело спросил Проценко.

— "Права" знает, — тараторил конопатый. — И должен

был! И долг отдал! И шмон прошел! На шмоне попался, но никого не продал.

— Так по роже видно, что "любимчик", — возразил Кацаруба.

— Ну и что? Ну и что, что "любимчик"? — продолжал тараторить конопатый. — Не сука, не активист, и вообще, мы с ним еще в приюте хотели быть напарниками. А потом он заболел, в больницу попал, а меня увезли. Ну чего ты молчишь, Славка? Ты что, не помнишь меня?

— Конечно, помню, — улыбнулся Славка, — ты — Пан, Витька Панов.

2. Приют

Да, это был Витька Панов, с которым Славка встретился этим летом в приюте. В приют Славка попал после того, как его сняла с поезда железнодорожная милиция. Едва поезд остановился, как высокие фигуры в синих галифе и белых гимнастерках, придерживая левыми руками шапки, бросились к собачьим ящикам, полезли на крыши и под вагоны: шла облава на беспризорных. Их набралось в этом поезде несколько десятков. Грязных и голодных, их привели в детскую комнату дорожного отдела милиции. Прогнав пленников через душ, им вернули из дезкамеры их горячие, скомканные и жесткие обноски, которые жали, кололи и царапали тело. Затем беспризорников погрузили в бортовую машину и отправили в приют. Машина с ребятами и двумя милиционерами в кузове, проехав на предельной скорости через пригороды, вырвалась за город. В одном месте, преодолевая крутой подъем, она замедлила ход. С обоих бортов грузовика посыпались беспризорники. Оставшуюся часть "груза" удалось довести благополучно. Через четверть часа машина подъехала к городскому приюту. Охранник в синей форме, с кобурой на поясе, открыл грузные, обитые листовым железом ворота, и машина въехала во двор приюта.

Двор представлял собой неправильный пятиугольник, ограниченный несколькими трехэтажными зданиями и кирпичным забором. На уровне человеческого роста и выше забор был обмазан толстым слоем желтой глины, из которой торчали

осколки стекла, ржавые гвозди и куски полосового железа. Над забором на железных трубах — колючая проволока.

Посередине двора — серый, залитый асфальтом плац, на котором проводятся утренние и вечерние поверки. В часы поверки все обитатели приюта выстраиваются в каре, в середине которого стоят начальник приюта, или, как его называют ребята, "начальничек", и его заместитель по культурно-воспитательной работе.

Воспитатели с кусками мела в руках, согнувшись, быстро пробегают перед строем ребят. Мелом пишут цифры на башмаках воспитанников. Кончив пробежку, воспитатель подходит к начальству и докладывает, сколько ребят присутствует на поверке. Если счет не сходится, то делается перекличка по фамилиям.

Подготовка к поверке принимает порой драматический характер. Не у всех ребят есть обувь. Одни променяли ее на еду, другие проиграли в карты, у третьих ее просто украли. Но на поверке надо быть в башмаках, на носках которых воспитатель пишет порядковый номер. Незадолго до поверки неудачники осаждают тех, у кого могут оказаться лишние башмаки:

— Кока! Хитук! Займите башмаки на время!

— 50 грамм хлеба! И не в столовой, а вынесешь! — ставит условие Кока или Хитук.

За завтраком, обедом и ужином ребята получают хлебную пайку весом в 200 граммов. Надо отделить четверть пайки и при этом не отщипнуть ни крошки (начнешь шипать — не остановишься!). Затем этот кусок надо еще вынести, пройдя через обыск у дверей столовой.

Условия — нелегкие, но и положение — безвыходное, и многие берут башмаки напрокат.

Вправо от плаца — канцелярия, перед которой разбит чахлый скверик, огороженный завалившимся штакетником. Влево — спортивная площадка и низенькие каморки подсобных помещений.

Здания, в которых расположены столовая, спальни, клуб и комнаты игр и отдыха, тоже выкрашены в желтый цвет. Окна затянуты решетками, поверх которых наброшена частая проволочная сетка, поржавевшая от непогоды. Из-за этой сетки в

самые ясные дни в комнатах стоит полумрак.

Приют — это перевалочный пункт, где идет сортировка беспризорников. Здесь в одну кучу согнаны и малыши, попавшие в приют прямо из дому, и беспризорники со стажем, иногда бежавшие из колоний, и несовершеннолетние члены воровских шайк, взятые во время облавы. Большие месяца в приюте не задерживаются: уходят в детские дома, в трудовые колонии, а то и прямо под следствие.

Те, кому грозило следствие, нередко пытались бежать. Существовало два способа побега. Первый — через забор — технически был прост, но не всегда удавался. Второй способ — через уборную: выгребная яма соединялась с системой других таких же ям и имела узкий выход за пределы приюта.

И в том, и в другом случаях беглецы нуждались в сменной одежде. В первом случае надевали несколько пиджаков, чтобы не порвать живот, во втором необходимо было переодеться после путешествия по канализации. Одежду крали или отнимали у других ребят.

Здесь, во дворе приюта, Славка и встретился с Паном.

3. Пан

Славка вышел из канцелярии начальника приюта, где были записаны его анкетные данные, и вдруг заметил, что в левой половине двора, за гимнастическими снарядами, судя по беготне и крикам, происходит что-то необычное.

Мгновение спустя мимо Славки промчался коренастый мальчишка, чуть старше его, с веселым конопатым лицом. Нос и губы у мальчишки были вымазаны чем-то серым. Он проскочил было мимо, но вдруг резко остановился, развернулся, бросил на Славку удивленный взгляд и спросил:

— Ты чего, псих, стоишь? Не слышишь — шухор! А ну, рви отсюда! — и, схватив за руку ошеломленного Славку, потащил его за собой в помещение младшей группы. Проскочив комнату, где стояли кожаные изрезанные кресла (морская трава из-под их обивки пошла на курево), он затащил его под лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь, переведя дыхание, конопатый наскоро объяснил причину переполоха:

— Пацаны склад с отрубями разгромили. На кухне сейчас орут, что свиньям ничего не осталось. Хочешь попробовать? На!

И он протянул Славке горсть отрубей. Славка попробовал из любопытства, но ему не понравилось.

— Не нравится, — кивнул Славке его новый знакомый. — Не оголодал еще. И пайку еще не отнимали. Сразу видно, из новеньких. Звать как? Клички еще нет? А моя кличка — "Пан".

Конопатый не говорил, а тараторил, в пол-уха слушая ответы.

— Ты чего это стоял? Не видел разве, что все разбегаются?

— А чего мне бежать? Я ничего плохого не делал, — ответил Славка.

— Чудак! Что из того, что ты ничего не делал? Воспитатель поймает — сначала побьет, а потом уже разбираться начнет, что ты делал, а чего не делал. Да еще выпытывать начнет, кто сделал.

— Ну и что? Я же все равно не знаю, кто что делал.

— Хм! Ты что, идиотик? Как будто ему надо действительно знать, кто что делал. Ему надо, чтобы ты сознался. А правда это или нет, ему, знаешь, это — до какого места?

Тут Пан с видимым удовольствием, в рифму, наплел столько ругательств, что у Славки дрогнули в улыбке губы — так смешно ругался Пан. Однако недоумение его не рассеялось, и он спросил:

— Что же я ему могу сказать, если я на самом деле ничего не знаю?

— Очень просто. Будут тебя бить до тех пор, пока не скажешь и про то, что было, и про то, чего не было.

Пан вдруг осекся и, помолчав, спросил:

— Подожди, ты "права"* знаешь?

— Нет. Какие права? — удивился Славка.

— Ну так — слушай. Ты теперь никогда ничего не видишь и не знаешь. Будет воспитатель бить и спрашивать о чем-нибудь — говори: "не знаю". А скажешь на кого-нибудь — станешь "сукой", и тогда уже бить тебя все будут.

*"Права" — свод правил уличной жизни, воровской "закон".

— Кто — все?

— Ну — все! Что тут непонятного? И пацаны, и воспитатели. К примеру, кто-то что-то украл. Воспитатель строит группу и спрашивает: "Кто украл?" Все молчат. Тогда он начинает всех бить. Снимет ремень и идет вдоль строя. Опять все молчат. После этого он выбирает человек пять - десять, заводит в канцелярию и продолжает бить дальше. Кто-нибудь не выдерживает — и выдает. Значит, он теперь — "сука". Какая у него теперь жизнь? Пацаны делают ему темную и бьют, и издеваются, и отобрать могут все, что им понравится. А жаловаться — нельзя! Опять бить будут. В следующий раз, если что случится, воспитатель знает, кого надо спрашивать. Отберет сук, побьет их, они опять продадут пацанов. А пацаны их опять бьют... И так все время.

Славка остолбенел от ужаса. Он спросил у Пана:

— А почему ж они не убегут?

Пан удивленно, с каким-то подозрением посмотрел на Славку и, раздельно произнося слова, отчеканил:

— Так им и надо!

И, перейдя на прежний тон, объяснил Славке:

— Сукам ставят на лицо мушку. Берут иголку, макают в тушь и метят. И куда бы он ни убежал, все равно все будут знать, что он сука, и бить будут. А если даже и нет мушки, пацаны и так всё знают. Попадет он в какой-нибудь детдом и скажет, что он, мол, настоящий босьяк. А через полгода или год узнают, что он сука, и за то, что обманул, — еще хуже будет. Нет, если спрашивают, кто ты, то честно говори: сука — так сука! забоженный* — так забоженный. Тут уж ничего не сделаешь! Понятно?

— Понятно! — испуганно ответил Славка.

— Ничего тебе пока не понятно, — возразил Пан. — Но скоро поймешь. Держись возле меня, в случае чего — подскажу. Тут одному жить нельзя — пропадешь. Обязательно друг нужен. Да, чего ж это мы здесь сидим? Шухор то уж, наверно, кончился. Пойдем, на колесе посидим.

И Пан потащил Славку тем же путем во двор. Здесь, к удивлению Славки, никакого колеса не оказалось. Пан сел прямо

*"Забоженный" — нарушивший свое слово (жаргон).

на асфальт, прислонившись спиной к штaketнику. Несколько минут он сидел с закрытыми глазами, подставив лицо солнцу. Затем открыл глаза и, обернувшись, вырвал из-за штaketника какой-то пыльный лист. Дунув на лист с обеих сторон и повозив его об штаны, Пан протянул его Славке:

— На, ешь! Не бойся — есть можно.

Славка осторожно сжевал лист. Травa — как травa.

Пана, видимо, разморило на солнце — говорил он уже медленней и не так внятно, как раньше.

— Здесь многие трав не знают, потому и растет нетронутая. А я знаю штук пятьдесят съедобных трав. Пастушья сумка, лопух, спорыш, козлобородник... Их не все знают! Знают там — щавель, барбарис, калачики... Ну, это всем известно. Вот попадем куда-нибудь в детдом, да и пойдем за травami... Только соль нужна: без соли травy невкусные.

— А где они растут? На лугу?

— Чудак! — лениво отозвался Пан. — Почему обязательно на лугу или в лесу? Можно и на клумбе найти. Знаешь, есть такие цветы: настурции? Тоже есть можно. Только вот здесь культурно-воспитательная работа плохо поставлена. Не сажают цветов. Одна только самодеятельность. Тебя тоже запишут. Повяжут пионерский галстук на шею, и на пирамиде будешь стоять, на самом верху, под пионерским салютом.

Пан снова замолчал, и Славка решил задать ему вопрос:

— Послушай, а где же колесо?

Пан очнулся от дрёмы и засмеялся:

— А я "колесом" солнце называю. "Посидеть на колесе" — это значит погреться на солнышке. Я думаю, что солнце — это большое колесо. Оно крутится, и небо крутится, и звезды, ну как будто — большие часы.

Ну да! — удивился Славка. — Никакого колеса на небе нет. А солнце — это просто большая звезда.

А ты откуда знаешь?

Знаю, в книжке читал.

Читать любишь?

Люблю!

Пан внимательно посмотрел на Славку и сказал:

— Ты из любимчиков, бить тебя будут.

КИЗИЛОВОЕ ДЕРЕВО

— Почему? — спросил Славка.

— Так! — Пан пожал плечом. — Просто так. Ни за что. Любимчиков всегда бьют.

4. Славка

— Ты как в приют попал? — спросил однажды Пан.

— Как? — переспросил Славка. — Из дому ушел. Плохо там было. Я и ушел.

Славка задумался. Он опять вспомнил жаркий летний день и шумную разноязычную базарную площадь. Он стоит, прислонившись к глинобитной стене. В руках у него кисть винограда и чурек — пахучая пшеничная лепешка. Это неожиданное богатство купил ему так редко баловавший его отец. Сейчас отец отошел в сторону по каким-то делам, строго наказав Славке ждать его, не сходя с места.

Они появились неожиданно: два грязных, оборванных беспризорника. Наскакивая, как воробьи, они отвлекали его внимание и пытались вырвать еду из рук. Тогда он не знал, как нужна была им эта еда. Спрятав чурек за спину, он закричал. Появился отец, и беспризорники, не дожидаясь его окрика, скрылись.

Мог ли тогда Славка предположить, что пройдет какое-то время, и он будет таким же жалким и голодным, как они?

...Новая жизнь начиналась с погони. Славка бежит по мелко-водью, с трудом выдирая ноги из топкого дна, раздвигая изрезанными руками жесткие стебли. Пограничный отряд — где-то позади, но рядом, совсем рядом по берегу бежит огромная овчарка. Убегать — бессмысленно. Рано или поздно он должен выйти на берег — и там неминуемо встретится с собакой.

...Хохот и крутой мат на заставе по поводу задержанного "нарушителя". Крепкая ругань одного из преследователей, разорвавшего во время погони гимнастерку и шаровары, и неподдельный интерес других: "Послушай! Как это тебе удалось пройти через две заставы?"

Ночью Славка снова убежал от пограничников. Рассвет едва занимался, внизу метались солдаты и собаки, а он лез без остановки по головокружительной круче. На этот раз его уже не

поймали.

Потом он встретил группу беспризорников. Какое-то мгновение они стояли, рассматривая Славку. Потом один из них подошел к нему и бесцеремонно обшарил его карманы. На обыск Славка не реагировал. Глаза его были прикованы к буханкам хлеба, зажатым под рваным и грязным рукавом.

— Две буханки! — пронеслось в его голове. — Целые — значит, краденые, но это — неважно...

Важно было то, что грязная рука, разломав буханку, протягивала ему кусок хлеба. И, приняв этот кусок с жадностью и благодарностью, Славка с чувством стыда вспомнил сцену на базаре.

Беспризорники предложили ему идти с ними. Славка послушно пошел, с облегчением подумав, что будет теперь уже не один. Вскоре он потерял ориентировку и временами не помнил, куда и зачем идет. Он тащился сзади, качаясь от слабости и еще не зная, что болен. Потом они каким-то образом оказались в вагоне, и Славка снова остался в одиночестве. Он лежал на полу вагона, под нижней полкой, где немилосердно кусались клопы, и видел лишь корзины и ноги пассажиров.

От той ночи в памяти остались еще крики: "Грабят!" — и железное хлопанье дверей. Он понял, что грабили те, кто накормил его хлебом, и что пассажиры, не прибегая к помощи милиции, сбросили грабивших под откос. У Славки похолодело в животе, и громко застучало сердце: он подумал, что, если люди видели его в той компании, то и его могут, вот так же, на полном ходу, выбросить из поезда...

— А потом? — спросил Пан. — Что было потом?

— Попал в больницу, к малярикам. Хины наелся до отвала. Но там тоже не долго был. Перевели в дизентерийную. Без трусов ходил.

— Как — без трусов? — удивился Пан.

— А так. Нянькам чтобы не стирать, да и мы все равно до уборной не добежали, не успевали... Вот штаны и трусы и отобрали. Ходили в майках или в рубашках, без трусов.

Ну и что?

А, ничего. Удрал я из больницы.

Без трусов! — радостно расхохотался Пан.

— Не... — улыбнулся Славка. — Я там с парнем одним подружился. Федей звали. Он был вроде немного: плохо разговаривал. Мы с ним вместе ушли. Он достал одежду. Украл, наверно.

— А приют?

— А что — приют? Облава была. Он ушел, а я попался.

— Ну и ну! — покачал головой Пан. — Интересно! Если не заливаешь, конечно.

А что мне врать-то? — удивился Славка. — Все так и было.

Ну, ладно. Пошли обедать, — сказал Пан. — Слышишь, кричат: "Малыши-карандаши, лопать!" Маленькие в первую смену едят. Потом — бабский корпус. Старшие пацаны — последними. А после обеда кино будет.

— Какое кино? — поинтересовался Славка.

— Шикарная картина. "Путевка в жизнь" называется. Про то, как хулиганы сук режут.

И, поднимаясь, Пан затянул жалостливую воровскую песню:

"Лечите, ох, лечите! Мне жизнь не дорога,

Я дрался с хулиганом, но дрался без ножа..."

Выбор фильмов был небогатый, и они часто повторялись. Чаше других по приютам и детдомам шли два фильма: "Сын полка" и "Путевка в жизнь", оба — о детях-сиротах. Видимо, воспитатели рассчитывали на определенное педагогическое воздействие этих картин, однако эффект получался обратный. Ребята с интересом ждали сцены убийства Мустафы.

— Так ему, суке, и надо! — шло обсуждение кинокартины после сеанса. Попутно при этом вспоминались кровавые расправы хулиганов с активом в различных тюрьмах и колониях и употреблялись леденящие кровь выражения: "шамбо" и "кол забить".*

Славка никак не мог до конца поверить в эти рассказы, но все равно, в душе оставалось саднящее чувство — смесь отвращения и ужаса.

*"Шамбо", "кол забить" — способы расправы хулиганов, при которых жертву топили в уборной или забивали ей палку в задний проход.

В тот год Славке "везло" на болезни. Когда Пан с группой ребят покидал приют, Славка опять метался в бреду. Сорок суток ушло на скарлатину, затем обнаружилось какое-то осложнение. На дворе уже стояла поздняя осень. Больница была переполнена пострадавшими от землетрясения в Ашхабаде.

Славку перевели в палату для выздоравливающих. Палата была против морга, и дети видели, как несколько раз на день туда носили умерших. В перерывах между чтениями книги о похождениях деревянной куклы, мальчишки и девчонки с увлечением слушали разговоры взрослых о врачах-вредителях, окопавшихся в больницах и отравляющих советских больных. Это были жутковатые, но таинственно-интересные рассказы... Да, больные, действительно, умирали часто. И это казалось им подтверждением разговоров о врачах-убийцах.

5. Напарашники

Славка вышел из больницы в декабре, и вот теперь, в детдоме, судьба снова свела его с Паном. Весело отбив первые наскоки блатных на Славку, Пан предложил ему стать напарашником.

Старшие ребята, называвшие себя "босьяками" или "настоящими пацанами", пользовались в детдоме неограниченными правами. Они измывались над слабыми, затравливали непокорных. Возле них всегда крутились ребята помоложе — "шестерки". Подрастая, "шестерки" занимали места своих наставников.

На самых низких ступенях блатной иерархии были нарушители "прав", доносчики — "суки", "активисты", отнимающие пайку у слабых и маленьких, и "мочники", крадущие у своих. Это были ребята, совсем бесправные. Их могли беспричинно избить, оскорблять, отобрать любую вещь — сопротивляться они не смели. В случае протеста, даже слабого, следовала жестокая расправа. Были еще "забоженные", всеми презируемые и гонимые: их слову не верили и ни в какую компанию не принимали. Были также "заигранные", т. е. проигравшиеся, и "задолженные" — рабы своих кредиторов. Остальные детдомовцы назывались "чистыми пацанами". "Чистые пацаны" "прав" не нарушали, но из-за своей физической слабости и по малолетству

постоянно были объектом злых шуток и издевательства со стороны блатных. У слабого мальчишки тоже могли все отнять. Неприкосновенными считались только пайка и казенная одежда.

Согласно детдомовским правилам, каждый пацан жил "сам по себе": никто не имел права вступить за другого, вмешаться в драку, добиваться справедливости, если это не касалось его лично. Детдомовское правило гласило: "один на один!" Исключение из него делалось только для братьев и напарашников. Трудно сказать, как возникло это неуклюжее название: подразумевалось ли, что "напарашники" — это близкие друзья, так сказать, сидевшие на одной параше, или это было просто искаженное "напарники"? Важно, что напарашничество, существовавшее только между "чистыми пацанами", давало возможность этим ребятам выжить в жестоких условиях уголовной среды.

Пацаны, почувствовавшие друг к другу симпатию, в присутствии других детдомовцев и обязательно при двух "свидетелях" (все сделки и соглашения в детдоме требовали как минимум двух "свидетелей") объявляли себя напарашниками. После этого они получали право вступаться друг за друга. Напарашники должны были делиться между собой всем, что достанут на стороне. Они не имели права давать какие-нибудь обещания или быть свидетелями без согласия своих друзей.

Среди старших, из-за постоянного соперничества за власть и глубоко укоренившегося звериного инстинкта, да и просто из-за возможности постоять за себя в одиночку, напарашничество было развито слабее, чем среди младших.

Как правило, число напарашников было небольшое: от двух до пяти человек. Однако "правами" оно не ограничивалось, и в наиболее мрачные времена разгула блатных несколько групп напарашников объединялись. Поэтому в "смутные времена" разгулявшийся верзила, вздумавший обижать малыша, мог встретить отпор десяти-пятнадцати человек сразу. С изменением обстановки такой союз распадался на мелкие группы, где связующим началом были только личные симпатии.

Обычно в напарашниках ходили по много лет.

6. Зима

Шли последние дни 195... года. Зима выдалась необычная. С середины декабря неожиданно задул горячий юго-восточный ветер. Он ломал ветви деревьев, звенел плохо пригнанными оконными стеклами, грохотал наполовину сорванным кровельным железом. Рассвет вставал в лохматых багровых тучах, бешено несущихся по небу. Верхние и нижние слои туч пронеслись с различной скоростью, и это почему-то вызывало у Славки острое чувство неустойчивости окружающего мира.

Затем ураган стих. Из далекого Приуралья и закаспийских пустынь на нагорье хлынула масса морозного воздуха. Пошел снег. Глубокие сугробы засыпали горные тропы и единственную дорогу, убегающую в теплую долину. Из-за снега невозможно было выбраться в лес, и на базарной площади городка перестали появляться высокие горцы в огромных панахах, пригоняющие ишаков с большими вязанками дров или хвороста для топки и с колючим кустарником для заборов. Город остался без дров. Детдомовцы, одетые в хлопчатобумажные костюмы, простые носки и полуразбитые туфли, постоянно обмороживались. В изоляторах не хватало кроватей, на полу лежали ребята с гноящимися ранами на ногах и опухшими негибавшими пальцами рук.

В эти дни допоздна длились заседания в школах, детских домах и районо. Где-то была обнаружена поленница дров. После горячих споров и взаимных упреков решили отдать ее пятому детдому, в котором было много младших детей.

Поздним вечером группа ребят была поднята по тревоге и "брошена на дрова". В темноте зимнего вечера, по узкой тропинке, пробитой в глубоком снегу, тянется цепочка малышей. Обычная картина детдомовской жизни, где действует неписаный закон "справедливости": раз пайка всем — одна, то и нагрузка для всех должна быть одинакова. Поэтому все дрова поделены поровну. И старшим, и младшим досталось по два полена. Старшие ребята, устроив дрова на плече, весело толкаясь и оглашая воздух выкриками, давно ушли вперед. На дороге остались малыши и воспитатель. Скользя и спотыкаясь, ползут ребята по дороге. Слабые руки прижимают к груди тяжелые, неуклюжие

поленья. Поленья не хотят лежать ровно: то они норовят пырнуть пацана куда-то в бок, то вдруг лягут косым крестом и лезут в лицо, а то просто оказываются в сугробе.

— Эй, вы, маменькины сынки! Белоручки! — подбадривает их сзади воспитатель. Малыш вздрагивает, подхватывает полено и, прижавшись к нему щекой, семенит дальше.

Воинская часть отпустила детдому из цейхгаузов телогрейки и огромные трехпалые рукавицы. На городской базе Смешторга наскребли партию уродливых, но теплых комбинезонов, в которые надо было влезать через поперечный разрез на спине.

Телогрейки, или, как их называли ребята, "куфайки", отдали старшим, комбинезоны — младшим. Разрез на спине породил множество шуток и циничных острот. Старшие дразнили младших, те плакали и не хотели надевать комбинезоны. Раздраженные педагоги раздавали комбинезоны вместе с подзатыльниками.

7. Пайка или не пайка?

После продолжительных переговоров между дирекцией детдома и главным врачом санатория решено было, что санаторий примет на зимнее время группу ребят из детдома. В детдоме это известие встретили радостным волнением. Мечтой каждого стало побывать в санатории. В санатории не бьют, а в случае чего — просто отчисляют. Там нет трудового воспитания, а вместо него — мертвый час. А самое главное — там пять раз в день едят! Кроме обычных завтраков, обедов и ужинов, там есть еще полдник и какой-то "ленч".

В питании детдомовцев животные белки были представлены мороженой и соленой рыбой. Среди воспитанников были ребята, которые еще никогда не пробовали колбасы. В санатории же, как было известно, колбаса и сардели входили в основное меню. И пайка хлеба там была восьмисотграммовая, против детдомовской в шестьсот граммов.

Сейчас, окружив буржуйку, на которой смрадно чадит ржавая селедка (ее выпрашивали в местной тюрьме), ребята обсуждают волнующую новость.

— Сначала возьмут тех, у кого пирке положительное, — слышится авторитетный голос.

— Закрой хлебoreзку! — обрывают его. — Воспитатель сказал — маленьких и слабеньких. Значит, доходяг будут брать в первую очередь. А тех, кто был, брать не будут, хоть и пирке у них.

— Как не будут? А если болен! — возмущается обладатель положительного пирке.

— Дурак! У них план путевок на больных уже вышел. Ты что, не знаешь, сколько там домашняков?* А нас берут так, вроде шефской помощи. И вообще, ты уже был, ну и не гавкай! Другие пусть побудут. Справедливость должна быть.

— При чем тут твоя дурацкая справедливость? Санаторий для больных, а не для здоровых!

— Молчи, а то по шее получишь! Больных! Здоровых! Санаторий должен быть для всех.

Ребята весело следят за перепалкой. Все отлично понимают, что хотя внешне спор и принимает форму борьбы идей, но истинным побудительным мотивом его служит колбаса, ибо одна сторона вкус ее уже узнала, а другая — еще нет.

— Заткнитесь оба! — зло обрывает спорящих один из старших ребят, по кличке "Муха", и после короткой паузы презрительно бросает: "Фикстула!"

"Фикстула" — слово, трудно переводимое на обычный язык. Самое приблизительное его значение — хвостун, фанфарон. Однако есть у него особый смысл, понятный только в уголовной среде: "фикстула" — это человек, незаслуженно претендующий на более высокую ступень в иерархии уголовников, чем та, которую он занимает. Есть у блатных поговорка: "Всякий фикстула урку из себя корчит!". Муха злится не зря: младшие полезли, как говорится, "поперед батька в пекло": нарушив "права", они начали обсуждать вопрос раньше, чем босяки.

Настоящий блатной, то есть олицетворение торжествующего хама, Муха обладает удивительным свойством: окружающим становится зябко и страшно от одного его присут-

*"Домашняки" — ребята, имеющие родителей и живущие дома.

ствия. Сейчас он круто останавливает "отвлеченную дискуссию" и поднимает вопрос "юридического" характера: распространяются ли "права" на санаторскую пайку? Спорят долго, перебирая запутанные пункты детдомовского кодекса.

Если все санаторские 800 граммов хлеба рассматривать тоже как пайку, то на двухсотграммовый излишек посягать никто не имеет права. Если же на этот излишек "права" не распространяются, то старшие пацаны обманом, угрозой или силой могут его отнять.

После жарких споров решено, что вся санаторская пайка тоже считается неприкосновенной, однако, если напарашник желает поделиться едой с другом, то имеет на это право.

Бывали случаи, когда набивались в напарашники к тому, кто попадал в санаторий, в надежде подкормиться возле счастливого. После того, как пацан покидал санаторий, его "друг" порывал с ним всякие отношения. Это была форма вымогательства, и разоблачение ее грозило виновнику тем, что его могли объявить "активистом". Угроза такого обвинения существовала и в случае искренних отношений, когда мальчишка выносил из столовой кусочек сыру или сардельку ожидавшему за воротами санатория приятелю. Время от времени таких друзей вызывали и снимали с них допрос: добровольно ли отдается еда, как долго они ходят в напарашниках, собираются ли дружить и дальше. Если ответы удовлетворяли блатной "трибунал", друзей отпускали с миром.

(Продолжение следует)

В. Писарев

*

Нет, не вымостят площадь в аду
Отраженьями наших намерений!
И чем дальше иду
Тем я в этом уверенней.

Их, быть может, расстелют потом
Руки добрые, бестелесные
Неоконченным пестрым ковром
Перед дверью небесною.

И познав до конца благодать
Вечной жизни с ее просторами,
Будет кто-нибудь все же вздыхать
Над земными узорами...

*

Не страшно то, что нет продленья срокам,
Но страшно знать, что в нас источник зла!
Спешим, горим и будто ненароком
Чужую жизнь попутно жжем до тла.

Рвем без нужды, без ненависти любим,
На крик души бредем едва-едва
И часто тем, кого сильнее любим,
Мы говорим жестокие слова.

Неумолим закон судьбы железный,
Пошады нет ни телу, ни уму...
О, если бы дойти до края бездны,
Не причинив страданья никому!

Мария Волкова

АРЕСТ

НОЧЬ

1.

Так уж у нас принято. Традиция, основанная на опыте полу-столетия как-никак. Словом, если в Переделкино поздно ночью в какой-либо из дач писателей во всех окнах горит электрический свет, то поселковый люд знает, что либо данный писатель празднует свой славный юбилей, либо к нему в гости пожаловали могучие "рыцари революции", "отпрыски" Феликса Дзержинского, Лаврентия Берия и всех этих, как один остряк выразился, "орангутангов" Гос. безопасности.

На даче Кутырева-Светозара электрический свет горел во всех окнах до самого утра. Андрей, в полосатой пижаме, сидел в кабинете, на шее у него виднелись горчичники, прикрытые мохнатым полотенцем, штаны пижамы были закатаны по колено, а ноги опущены в таз с горячей водой. Он изредка стонал, явно преувеличивая свое болезненное состояние. Неподалеку, на диване примостился Рошаль, периодически, когда это было возможно, "клевавший" носом.

Стенные часы в углу показывали три часа ночи. Обыск был в разгаре. Всё вокруг было перевернуто вверх дном. То же самое было в комнатах Марии Петровны и Ирины. Шубин действовал и на половине Светозара. Ему помогали Локтев и Рыбкин. Лейтенант уже давно снял пыльник, оставшись в военном кителе с золотыми погонами. Рыбкин работал неряшливо: беря в руки книги, он перелистывал их, но не клал обратно на полку, а швырял на пол, что явно не нравилось Шубину и последний

бросал на Рыбкина сердитые взгляды, но ничего не говорил. Локтев же, ловкий в движениях, опустившись на корточки, выстукивал некоторые места паркета в комнате Ирины. Рядом на четвереньках ползал пьяный Банин.

— Вот, товарищ лейфтенант, было это в 1938-м, — язык монтера заплетался. — Так же мы выстукивали в одной московской фатере, я тогда жил на Таганке, ну и... нашли, ей-ей, нашли... Под паркетом нашли гайку, большую гайку, вот чтоб я сдох, товарищ лейфтенант. Отвернули ее, гайку-то, а в фатере этажом ниже люстра с потолка ка-ак звиз-да-нется! Давай, товарищ лейфтенант, я тебе подсоблю.

Ирина, облокотившись о рояль, очевидно на взводе (она успела выпить еще вина, после появления "гостей") рассмеялась.

— Камбала, — сказала она, — а ты бы сдох, а?

— Э нет, птишка, я не сдохну. Они меня все тут камбалой называют. А за что, лейфтенант? А за то, что у меня один глаз. А второй я потерял на производстве. Пятилетку в четыре года осуществлял. Вот чего. Только им на то наплевать. И они забывают, ползучие гады, что у меня сын Герой Советского Союза, а жена — Мать Героиня! Во-о-о! Во-о-о чего!

— Значит вас зовут Фердинанд, — Ирина уставилась на Локтева, делая ему "глазки". — Красивое имя. Фер-ди-нанд. Не русское, конечно. Немецкое что ли? А зубы у вас свои? Ну-ка, сделайте так, — она оскалила зубы.

— Пожалуйста, гражданочка, — Локтев улыбнулся и показал ей зубы.

Каскад! Вы голливудовский герой!

— И говорили тогда, товарищ лейфтенант, — продолжал Банин, — что люстра-то этажом ниже по черепу кого-то ка-ак звиз-да-нула. Вот чтоб я сдох.

А ты, Камбала, сдохни.

— Э нет, птишка, не сдохну.

— Ах да, я вспомнила. Кажется у Шиллера в одной из его трагедий есть герой — Фердинанд, — Ирина отошла от рояля и, пошатываясь, остановилась посередине комнаты.

— Это в трагедии "Коварство и Любовь", гражданочка, — не глядя на Ирину, бросил Локтев.

— А вы театрал.

— И говорили еще, что люстра та... — начал было Банин. Локтев остановил его:

Вы бы отдохнули, товарищ понятой.

Я ж хочу подсобить, товарищ лейфтенант...

Я обойдусь без вас в данный момент.

Как хотишь.

Значит, вы по театрам ходите, Фердинанд? — опять спросила Ирина.

— Хожу, гражданочка.

Банин поднялся на ноги и схватился за спинку кресла. Выйдя на террасу, он налил стакан коньяку и медленно, глоточками, выпил, после чего сплюнул, скривил лицо и почему-то сказал: "Ух, собака!"

— А вы, Федя, "люксовый чекист", — не унималась Ирина. Сколько языков знаете?

— Три, гражданочка.

— Европейских конечно. Азиатские — тарабарщина. Что, учились, небось, в Институте Международных Отношений? — и после кивка Локтева, она добавила: — Мы из ВГИК'а к вам на студенческие вечера иногда ходим. Смычка, так сказать. Да, в ИМО одни "сынки", сынки министров, секретарей ЦК и прочей нашей знати. Кто-то назвал их "сливочными кадетиками". А женаты, Федя?

— Женат, гражданочка, — ответил Локтев, продолжая выстукивать паркет.

На дочери какого-нибудь высокого сов- парт. туза, да?

— Мой тесть — министр транспортного машиностроения.

— Ух ты! Номенклатура орг. бюро ЦК. Не меньше. А вы, Федя, разговорчивы. Я таких люблю.

— Отчего же не побеседовать с "интеллектуальной" барышней, — иронически заметил Локтев.

Это обидело Ирину и она перешла на другой тон.

— Барышня это хуже, чем фифа. А я не барышня и не фифа. Я баруха. Слушай, чувак, давай кирнем, а? Хотя я и косая, но давай...

— Пардон, мадамзель, но в служебное время не пью. А в свободное — только коньяк "Юбилейный".

— С лимончиком, посыпанным сахарной пылью, небось?

Вижу птицу, Элитник с головы до пяток. Даже ногти лаком покрываешь. Слушай, чувак, а чего это тебя в каботажное плавание пустили? С тремя европейскими языками-то? Ты бы за кордон махнул. В Америку, например. Там жизнь — шик.

Всему свой час.

Стажируют?

Стажируют, фифа.

Я тебе сказала, что я не фифа. Не оскорбляй меня. Я баруха, чувиха, Мессалина, или просто б.... Но не фифа. Понял, ты, социалистический герой. Советский Джеймс Бонд! — и услышав из соседней комнаты стон отца, она повысила голос и спросила: — Что, папа, виски стучат?

В ответ раздался голос Рошала:

— У него уши горят. Уши.

Возвратившись в комнату Ирины, Банин остановился перед Локтевым:

— Я так разумею, товарищ лейфтенант, понятой должен наблюдать, чтобы все по закону было. А ежели который артачится, такого в кутузку, мать его за ногу. Так, товарищ лейфтенант, или не так?

— Так, товарищ понятой.

Банин обратился к Ирине:

Вот и изучай, пташка, изучай.

— Да вот видишь, Камбала, отвергает меня этот Кларк Гейбл. Назвал меня фифой. А я ненавижу это слово. Фифа это все равно что говнючка. А я совсем нет, — и теперь она уже говорила Локтеву. — Знала я одного чекиста, тоже из "сливочных кадетиков". Он хотел завербовать меня в посольскую "можно-герл". В гостиницу "Националь" водил. Собирался с каким-то консулом познакомить, кажется, африканцем. А потом оказалось, что того в больницу уложили с хроническим сифилисом. Когда я отказалась, чекистик свез меня на агентурную квартиру в Столешниковом переулке и мы с ним перепихнулись. Он чистенький был. А я чистеньким не отказываю. Так что ты, Федя, имеешь шансик.

— Гражданка Кутырева, вы мешаете мне работать, — нахмурившись, сказал Локтев.

— Работать? — Ирина вызывающе рассмеялась. — Ах ты,

ассенизатор наманикюренный!

2.

Войдя в кабинет Кутырева, Банин взглянул на Андрея Алексеевича и с сатанинским выражением лица, сказал:

— А-а-а-а, отец, доигрался, мать твою за ногу. Мы вас всех теперича, листократов чертовых, в козлиный рог скрутанем. Сосете вы нашу кровушку. Гниды вы на теле голодного пролетарского работяги.

Кутырев вытаращил глаза.

— Опомнись, Камбала. Мы же с тобой в шашки от случая к случаю поигрывали. Какой же я "листократ"?

— В тартарары вас всех! — рявкнул Банин. — И книги ваши все сжечь к чертовой бабушке. Сжечь и всё тут!

— Чепчик, знаешь, что Банин предлагает? Он предлагает аутодафе, — заметил Рошаль.

На пороге комнаты появился Рыбкин.

— Товарищ понятой, повышать голос не рекомендуется. Уже ночь. Люди вокруг спят... Вы лучше бы прогулялись.

Подойдя к Банину, он прикоснулся к его локтю.

— Не трожь меня! — огрызнулся тот. — Я кто? Я люмпень, чтоб я сдох. По всем признакам и параграфам. Я гордость имею, пролетарскую, производственную, монтерскую. А монтер у нас не последний человек. Без него "лампочка Ильича" гореть не будет. Не будет и всё тут. Кто у нас в СССР хозяин? Кто? — он ударил себя кулаком в грудь. — Я! Это все мое! Потому что я — народ! Я есть народ! Во-о чего! А ты, кагебист, мой слуга, потому что ты слуга народа, потому что ты прослойка, или куда вас, кагебистов, приписывают? В ИТР что ли?

Камбала, ты пьян, — сказал Кутырев.

Это ты, ты, отец, пьян. И ты гад!

Камбала...

Товарищ понятой, а вы и правда того, выпимши, видать. А это понятому не положено, — Рыбкин мрачно добавил. — За это мы вас можем подвергнуть наказанию.

— Нет, не можешь! У меня сын Герой Советского Союза, а жена — Мать Героиня. С орденом. Так что ты того, кагебист, не загибай...

Рыбкин перебил его:

— Да что ты заладил, кагебист да кагебист. У меня звание есть. Я подполковник Гос. безопасности.

— Слушай, подполковник, знаешь чего у меня теперича на сердце лежит? Прежде партбилет лежал. А теперича он сам по себе, подполковник, а сердце само по себе. Вот чего, подполковник. А почему так? А потому, подполковник, что снова мы к буржуям вернулись, к толстобрюхим.

Кутырев застонал:

— Уши! Уши горят!

— Нам, подполковник, вождь надобен! — вдруг произнес Банин. Настоящий! Как Сталин был. При Сталине, подполковник, не то было. Порядок был. Хотя он сам, Соссиф Виссарионович, буржуев и завел, новых, советских, с дачами, пайками и персоналками. А только Сталин, подполковник, каждый год цены понижал. Понижал. Хоша только и на соль да на спички, а все же. Нет, я на Соссифа Виссарионовича не в претензии. Он моей бабе "Мать-героиню" дал. Дал, подполковник.

Ты, Банин, культовый отрыг, — сказал Рошаль.

— Нам вождь надобен, подполковник! — закричал Банин.

— Тише, товарищ понятой. Заладил, подполковник да подполковник. Я сам знаю, что я подполковник, — сердито произнес Рыбкин, однако, он, вероятно, внутренне согласившись с Баниным, сбавил тон.

— Долой поселковых магнатов! — поощренный этим, воскликнул монтер. — Смотри на этого еврейчика, подполковник, на Арона Рошалья. У него же в доме золота, брильянтов, хрусталя полно. Вот где обыскивать надо. Вот где залежи!

— Довольно, товарищ понятой! строже произнес Рыбкин.

А ты изучай, подполковник, изучай.

— Доехали, — Рошаль не без испуга заморгал глазами. — Банин, ты жи забыл, что у меня на пальцах — кольца. Что с ними делать?

— И кольца забрать надо! Банин закричал во всю ивановскую: — Чья это диктатура?! Если пролетарская, тогда бей жидов по мордам и спасай родину!

Из коридора послышался внушительный голос Шубина:

— Товарищ Рыбкин, отправьте понятого на свежий воздух.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

Банин струсил и, утратив прыть, стал тише воды — ниже травы.

— Как хошь, как хошь... — он протянул Рыбкину обе руки, словно тот собирался надеть на них наручники.

— Давай, выкатывайся на прогулку, забулдыга, подталкивая Банина в спину, Рыбкин почти дружески вывел его на террасу и там спихнул по лестнице во двор, сказав: — Проветрись, забулдыга, а тогда возвращайся, понял?

— Ну, слышал Арон? — Кутырев глубоко вздохнул. — Вот она — реальность. Да ведь Банина как-будто бы подменили. Другой человек...

— Ему скучно без погромов.

— Банин — понятой. И ты — понятой. Невероятно, но факт. Ты, ты, Ароша, понятой у меня в доме, во время обыска и ареста моей книги. Разве это не "Тысяча и одна ночь"? И разве это не черт знает что?

Откровенно? Слава Богу, что не наоборот.

— То есть как это?

— От суммы и тюрьмы зарока нет. Могло ведь быть, что ты бы был понятым у меня в доме. Что нет?

— Да, это ты прав.

— Чепчик, я подумал, что лучше Рошаль, чем какая-либо сволочь. Э-э? Они схватили меня в халате. Кретин, я же вступил в КПСС в прошлом году. Разве в этом случае откажешься? У меня кандидатский стаж, Эта стерва, моя молодая жена, Эльвира, заставила. Для биографии нашего малютки. Они там наверху считают, что я надёжный, потому что я пишу смешные и беззубые комедии. А я...

Кутырев перебил его:

— Ах, Арон, обойдемся без откровений. Они мне уже набили оскомину. И не забывай, что тут рядом с нами — эти, кагебисты, как их называет Банин.

— Ты хочешь сказать "Несгибаемые Феликсы"?

— Они.

Рошаль понизил голос и оглянулся по сторонам:

— Чепчик, как я понимаю, КГБ ищет вторую копию твоего романа. Или она в доме или ее в доме нет?

— Видишь ли, Ароша... — Кутырев тоже огляделся по сторонам и затем перешел на шепот: — Я не знаю. Я... я не знаю...

Не темни, бычок!

— Серьезно... не знаю, Ароша. Веришь?

— Нет, не верю, но скажу, ты молодец. Тебя тожи подменили. Посмотрите на этот характер! Человек с характером! Поздравляю! Э-э? — Рошаль засмеялся.

В комнату вошла Ирина. Она приблизилась к Рошально и, не раздумывая, села ему на колени.

Кажется мы идем ко дну, дядька Ароша.

— Или нет? — произнес Рошаль и осторожно обнял ее.

— Эта дача напоминает мне "Титаник", ночью, в океане, с массой огней в иллюминаторах... красивое погружение в воду...

— Ира! Ты опять того... зачем эти глупости? — возмутился Кутырев.

— Не бузи, папунчик! Это последняя пьяная ночь. Коньяк в бутылках иссяк, последние капли вылизал Банин, да и вино на исходе. Завтра все мы опять превратимся в нормальных советских трудящихся. "Гомо-советикус". И ты будешь среди нас, ведь тебя в тюрьму еще не забирают. И, наверное, не заберут. Ты не страшен им. Но вот твоя книга... Завтра я поеду на лекцию во ВГИК, где наш истматик...

— Астматик?

— Да, и астматик. Истматик и астматик, Юлий Юльевич Скорпионов, будет повторять свою классическую фразу: "Капитализм является виртуозом в деле эксплуатации рабочих масс". Завтра все мы, дорогие советские патриоты, с новой силой запоем нашу боевую песню:

Ни кочегары мы, ни плотники,

Ни инженеры, ни врачи,

Оперативные работники,

Мы — стукачи, мы — стукачи!

Она поднялась на ноги и замаршировала на одном месте, широко размахивая руками.

Перестань! — крикнул Кутырев.

— Ох, какая деваха! — зачмокал губами Рошаль, — Ты

лучше скажи мне, ципа, где Тенгиз Таварджиладзе? Он же был с тобой...

— Был да... сплыл. Барашек тоже ведь "Гомо-советикус", но с кавказскими особенностями. Вообще он кажется того... я думаю, он и на этот раз все же сдрейфил. Сбежал наверное. Он непостоянен. С одной стороны... — Ирина подошла к отцу и сказала ему на ухо. — Он же прочитал твой роман и... и вроде бы прозрел. Он сказал мне, что отправил его с надежным человеком в горы Сванетии...

— Тс-с-с-с, помолчи, — перебил Кутырев.

— А с другой стороны, увидя чекистов, он невольно произнес свое "Вах-вах-вах", которое ничем не отличается от твоего "Пам-пам-пам", папа.

— Иди спать!

— Не хочу... Ха-ха! "Как живете, караси? Ничего себе, мерси!"

— А я говорю тебе: иди спать! Не кривляйся, Ирина. Пора спать. Скоро утро. Скоро петухи запоют.

Петухи? Какие петухи? В Переделкино петухов нет, папа.

А я? — сострил Рошаль.

Ирина, иди спать!

О'кей ...О'кей, папунчик, я пойду спать. Между прочим, это совсем неплохая идея. Хорошо, папунчик, твоя дочурка пойдет бай-байкать, — вдруг совсем по-детски, нежно и послушно проговорила Ирина и вышла из комнаты.

— Секреты? Э-э? — Рошаль подморгнул Кутыреву. — Ты растешь в моих глазах, чепчик. Я не в обиде. Наоборот, я говорю: тебе надо, надо иметь секреты. У тебя такая ситуация, что без секретов — ты пропал.

— Ах, Ароша, дочь моя — это клубок противоречий, вздора и... пороков. Трудно представить себе существо более несчастное. И болтает, болтает столько лишнего.

Рошаль закурил и сказал:

— Язычки развязались у всех. Что нет? И я болтаю много лишнего. Это последствие "Оттепели". При Сталине я не болтал так много. Впрочем, болтать-болтаю, а пишу все же комедии под общим названием "Лижу зад", давно уже научился показывать нашу уникальную модель коммунизма в розовом свете.

Зато давно разучился быть самим собой... Э-э?

— Ароша, ты как и Клара, не упускаешь случая, чтобы не подпихнуть нашу эпоху. Вы что против Советской власти что ли? Выходит, вы против. А почему? И как это случилось? Ведь в "Рыжем Коте", Арон, ты выступал так рьяно за, — за Советскую власть. Я имею в виду то, что ты делал это искренно, от всего сердца. Почему же теперь...

— Почему-почему? — злобно перебил Рошаль. — Потому что... потому что во времена "Рыжего Кота" у меня не было, например, этой стервы, моей молодой жены, которая, между нами, девочками, говоря, когда эти грачи пришли за мной, обрадовалась и с пафосом заявила: "Быть понятым — большая честь!"

— А, пожалуйста, не отшучивайся. Ответь на мой вопрос: "Почему?"

— Что, почему? Понравилось: почему? А почему теперь, не во времена "Рыжего Кота", некоторые писатели пишут "за" Советскую власть, а получается "против"? Тоже, знаешь ли, вопросик.

В кабинет Кутырева вошла Мария Петровна. Она остановилась напротив Рошалья, пристально посмотрела на него и неожиданно, странно улыбнувшись, театрально сказала:

— Мы — дети солнца!

— Что-о? — Рошаль чуть не поперхнулся.

Мария Петровна, ничего больше не сказав, вышла в коридор.

— Мы — дети солнца, — повторил Кутырев и невольно рассмеялся.

— А что Маша, уже совсем того... свихнулась? — спросил Рошаль.

— Она давно живет за облаками. В другом мире. Я ей завидую. Ведь так хорошо: говори всё, что тебе взбредет на ум, все, что угодно. Ирина как-то заметила, что жизнь в абсурде — это привилегия для избранных.

— Умно. А у Маши ведь еще есть Бог, э-э?

— Бог, Бог! — сердито воскликнул Кутырев. — Что Маша? Ты, Арон, лучше спроси, а что Клара? Где Клара? Она... она улетучилась еще до появления чекистов, или как ты их назвал...

грачей. Пам-пам-пам... Мне теперь наплевать на... на литературу, да, да, на литературу и, конечно, на политику, и уж безусловно на боженьку. И меня мало интересует то, что происходит с Машей. Меня волнует одно: что с Кларой? Где Клара? Арон, она ж последняя ниточка, которая связывает меня с этим осязаемым миром. Она еще тот огонек, который освещает мне его. Потеряй я Клару, и я... банкрот. Полный банкрот! Ароша, я ведь старик.

— Перестань! Какой ты старик! Но в твоём возрасте увлекаться всерьёз женщиной... это немного опасно. Это даже очень опасно, Андрюха. Но ты не дури. Не перегибай палки. Ты должен держаться. Не забывай, что ты герой. Ты написал несозвучный роман.

— А, чепуха. Причём тут роман? Я же люблю Клару...

Через порог кабинета переступил Рыбкин.

— Товарищ подполковник, — обратился к нему Рошаль, — разрешите спросить?

— Спрашивайте, — буркнул тот и, достав из кармана брюк резиновый мешочек с табаком, извлек из него щепотку и начал нюхать ее.

— Скажите, пожалуйста, почему вы в звании подполковника, а работаете, извините, шофером? Я интересуюсь как комедиограф. Познаю жизнь. Или это тайна?

— Нет, тайны тут нет, — чихнув, ответил Рыбкин. — Подполковника мне дал лично товарищ Сталин. Я прослужил у него в охране 23 года. Вozил на "Пакарде" один день вoждя, а другой его тень.

Рыбкин еще раз чихнул.

Будьте здоровеньки, товарищ подполковник. Тень?

— Тень. Чучело. Словом, куклу из воску.

— Это что жи для того, чтобы злоумышленники, то есть агенты с Уоллстрита, не знали в которого стрелять.

— Точно, товарищ понятой, — и Рыбкин опять чихнул.

— Будьте здоровеньки, товарищ подполковник, — повернувшись к Кутыреву, Рошаль добавил. — Вот если я выведу в пьесе образ чекиста, нюхающего табак, Главлит пьесу зарежет.

Скажут: неправдоподобно?

— Скажут: контрреволюция!

— Да ну тебя, Ароша...

— Ну а как начали Сталина из мавзолея выволакивать, — продолжал Рыбкин, — так меня в провинцию перевели. А год назад в Москву вернули. Вот шофером определили на оперативку. Хорошо, что в партии оставили и звание подполковника не отобрали. Нет, я не жалуюсь.

— Скажите, пожалуйста, а что... нового чучела или тени пока не предвидится... или как, по-вашему? Э-э?

Кто его знает, — Рыбкин почесал затылок.

— Кр-кр-кр-кр... — вдруг выдал Кутырев.

— Вы это чего? — вопросительно взглянул на него Рыбкин. Каркаете? Или протестуете?

— Нет, нет, — сразу вступился за Андрея Рошаль. — У него жи мигрень. А у меня вот, смотрите, ладони постоянно красные. Так сказать, революционные. Что нет?

В голосе Рыбкина зазвучала нота поучения:

— Меня хоть режь, а я прямо в глаза говорю: Сталин был отец. Монтер Банин, понятой то есть, прав. Сталин был вождя. А над ним поглумились. И хватит уже. Поглумились и будет. Время его опять в мавзолей положить. Пусть рядом с Лениным там покоится.

— Вы считаете? — Рошаль пожевал губами. — А ЦК КПСС считает, что он злоупотреблял властью и уничтожил слишком много народа. Вы что против ЦК?

— Не... я не против...

— Скажите, пожалуйста, товарищ подполковник, а это правда, что один майор КГБ, который занимался у Сталина пробой пищи, то есть первым принимал все то, что готовилось для вождя, после смерти последнего был уволен, изгнан почему-то из органов Гос. безопасности и тоже, как и вы, товарищ подполковник, был выслан из Москвы. Где-то в Коломне он устроился директором небольшого ресторана треста "Общественное Питание": Обпит; и через полгода этот майор сыграл в ящик, умерев от катара желудка, регулярно обедая в своем ресторане. Было такое, товарищ подполковник, или это выдумка?

— Было. Фамилия этого майора Кашин, но мы его называли Шашлыковским. Вождя любил шашлыки, и Кашин при Сталине почти каждый день ел шашлыки.

— Интересно, — заметил Кутырев.

С террасы вошел Ланской. Рыбкин преградил ему дорогу.

— Вы кто будете, гражданин?

— Да ты что, приятель, не узнал что ли? — вытянув правую руку кверху, актер "по-ленински" выкрикнул. — Да здоровствует Октябрьская революция, товарищи!

А, теперь узнал.

Ну, то-то.

Актер, где Клара? И где Евгений?

Мы с Женькой, Андрей Алексеевич, обошли весь поселок. Безрезультатно. Клара как в воду канула. Я думаю, она уехала в Москву. Вот Евгений и звонит в Москву. Он на телефонной станции. В Баковке.

— Господи!

— Кстати... а где академик в кружевах? — поинтересовался Рошаль. — Я соскучился по ее коленкам.

Она явно драпанула. Под шумок, — сказал актер.

И она? — Рошаль рассмеялся.

Как это произошло? — спросил Кутырев.

Не знаю. Только заглянул я в мезонин, а там ни "Мисс интеграл", ни ее чемодана, ни ее веера, ни бинокля. Нота бене.

— Ох, Нина Аркадьевна, Нина Аркадьевна, — вздохнул Андрей Алексеевич, — а я на нее рассчитывал, Арон. Она ведь утверждала, что все это для отвода глаз, для китайцев, для раскосых, для Мао, как бы инсценировочка. Она утверждала, что наши новые владыки за мосты и мирное сосуществование с цивилизованным Западом.

— На инсценировочку все это не смахивает, — произнес Рошаль. — А что касается мирного сосуществования с цивилизованным Западом, то парикмахер Фимка из Дома Литераторов рассказал мне такой анекдот: раввин отдал своих детей русскому попу для обучения русскому языку, а через два года, когда приехал за детьми, обнаружил, что они ни слова по-русски, зато поп бегло говорил по-еврейски. Аналогичная ситуация. Мосты. Мосты. Пусть они их строят, но я первым по ним не пойду.

— Сказано гениально! — Ланской восторженно захохотал.

— Еврей кого хошь обдурит, — без улыбки заметил Рыбкин.

— Это же игра, — добавил Рошаль. — Кто кого перехитрит. Люди с "высокими идеями" людей безо всяких идей или наоборот, э-э?

— Ты Спиноза, Арон, — сердито проговорил Кутырев. — А на улице уже глубокая ночь. Скоро начнет светать. А Клары все нет.

Теперь в кабинет заглянула Клавдия Васильевна.

— Принести еще горячей воды, Андрей Алексеевич?

— Нет, спасибо, достаточно.

— Может быть... борщу?

— К черту борщ!

— Ну как хотите.

Незаметно подмигнув Клавдии Васильевне, Ланской сказал:

— Я бы вот пропустил стаканчик винца.

— Против вина и я не возражаю, присоединился Кутырев.

— Видели? Он лечит мигрень кахетинским, — не выдержал Рошаль. — А может быть товарищ подполковник хочет вина, э-э?

— На работе не пью, — заученно и лаконично ответил Рыбкин и вышел в коридор.

— Фуу-у, — облегченно вздохнул Рошаль. — Без представителей КГБ я чувствую себя лучше. Даже если представители и нюхают табак.

— Кажется там в одном бочонке еще кое-что осталось, — проговорила Клавдия Васильевна и направилась на террасу.

В то же самое время в комнате появился Шубин, с тетрадью в руках. Не обращая внимания на то, что Кутырев снял с шеи полотенце и горчичники и вынул из таза ноги, начав вытирать их, он обратился к нему:

— Чудесные, чудесные записи, Андрей Алексеевич. Вот ваш отчет о творческой командировке на Волгу в 1948 году. Бугуруслан. Нефть. И Плес с монастырями. Я поклонник вашего таланта, Андрей Алексеевич. А ваш исторический роман "Ермак" это поистине монументальное полотно...

Спасибо, — сдержанно произнес Кутырев.

Вы действительно наш советский исторический классик.

Вот именно, — подхватил Рошаль. — Он классик. И за

эту классику, между прочим, товарищ полковник, его на фронте наградили орденом Красной Звезды. Вы спросите как так? А очень даже просто. Редактор фронтовой газеты, куда в штат зачислили Кутырева, узнав о том, что он автор "Ермака" первым делом представил его к ордену, хотя Андрей еще и не нюхал пороха. А вскоре в первом эшелоне была образована рота имени Ермака. Правильно, чепчик?

— Пам-пам-пам... — скромно опустив голову, произнес Кутырев.

— Вот и сидел бы себе спокойненько на "Ермаке", — продолжал Рошаль. — Так нет, потянуло на современность.

Вы любите книги, товарищ Шубин? — перебил Андрей.

— О да, у меня дома библиотека в 2000 томов.

— Ого!

Рошаль философски многозначительно прокомментировал:

— Библиофил, библиоман, книголюб. Э-э?

Шубин сел на стул и стал перелистывать страницы тетради. Ланской, приблизившись к нему, сказал:

— Товарищ полковник, вот смотрю я на вас и все думаю: а не вы ли брали меня в 1947-м? Тот чекист тоже имел две ямочки под глазами, — и он повернулся к Кутыреву: — Знаете от чего? Когда он выводил заключенных из камеры на расстрел, они, раздобыв где-то ржавые гвозди, набросились на него и хотели выколоть ему глаза. Промахнулись.

— Сюжетец, — осторожно заметил Рошаль.

— История моих ямочек — иная, — сухо произнес Шубин.

Клавдия Васильевна внесла на подносе два стакана с вином. Андрей Алексеевич взял один, Ланской — другой.

— За кого же вы собираетесь выпить? — оживился Рошаль. — За Мольера что ли? Э-э?

— За современность, Ароша! — почему-то бодро воскликнул Кутырев и залпом осушил стакан.

— А я выпью за наших славных чекистов! — сказал Ланской и тоже залпом осушил свой стакан и потом добавил, кивнув Клавдии Васильевне: — Спасибо, бовина.

3.

К Кутыреву поспешно вошел Светозар. Он уже сменил

концертный костюм на спортивные брюки и куртку, лицо его вытянулось и побледнело, но он продолжал жевать свой "чуингам"; глаза тревожно бегали по сторонам.

— Что, Клара не возвращалась?

— Нет... — ответил Ланской.

— Где она? Где она, Евгений? — настойчивым тоном спросил Кутырев.

— Это меня и интересует. Где она? Где она, Андрей Алексеевич? Я обзвонил всех знакомых в Москве...

— Вы должны знать где она! — категорически произнес Андрей.

Почему я должен, а вы нет?

— Потому что вы... вы муж.

— А вы... кто? — и не договорив, Светозар повернулся к Шубину: — Между прочим, товарищ полковник, не вы ли брали моего отца, — он кивнул в сторону Гнедыха, — в 1937 году в Архангельском, под Москвой? Мне было тогда семь лет, но в памяти остался грузный дядя с двумя ямочками под глазами.

— Нет, история моих ямок — иная, — опять сухо ответил Шубин.

— Евгений, так позвоните в милицию, наконец, — потребовал Кутырев.

— Зачем? — Светозар ухмыльнулся. — Вам мало... этих "блюстителей порядка"?

— Мало ли что случилось с Кларой?

— Вы думаете, милиция найдет ее. О'кей, я позвоню в милицию. Актер, пойдем со мной. Тебе здесь делать нечего.

После ухода Светозара и Ланского, а вслед за ними и Клавдии Васильевны, Шубин обратился к Андрею:

— Итак, вы не хотите сообщить мне где находится вторая копия вашего романа "Годы и Люди"?

— Да ведь я вам сказал, я... я не знаю где она. Она была в шкафу, но ее там не оказалось, так что... сколько раз вы будете задавать мне один и тот же вопрос? Я вам отдал все черновики, все варианты и наброски.

Тут Рошаль понял, что ему следует уронить голову на грудь и похрапеть так, как похрапывал Гнедых в своем кресле на колесиках, что он и сделал, прикинувшись дремлющим. Шубин

тем временем продолжал с прищуром смотреть на Кутырева:

— Упрямитесь! А я, честно говоря, устал.

— Неужели? — На губах у Андрея проскользнула наивная улыбка.

— Да, я устал, Андрей Алексеевич, устал. Чего грех таить...

— Шубин достал из кармана маленькую бутылочку, открыл ее и высыпал на ладонь две таблетки. — Хотите попробовать?

Что это?

— Раньше я держался на морфине, а теперь...

— А, "стимулятор"? Нет, благодарю, я этого не употребляю.

— "Стимулятор"? Забавно звучит, — Шубин покривился. — Без этого "стимулятора" я уже на операцию не выезжаю. И еще астма проклятая меня сопровождает по пятам. Я больной человек, Андрей Алексеевич, инвалид, сталинский инвалид, рухлядь, скоро отдам концы.

— Вы небось принимали участие в процессах Зиновьева-Каменева-Бухарина?

— И прочих, — Шубин проглотил обе таблетки: — А-а-а-а, а, хорошо, очень хорошо.

Действует так сразу?

— Мгновенно. Хотите попробовать?

— Нет, спасибо. Значит вы того... обязаны Сталину здоровьем?

Я ему всем обязан. И взлеты и падения — всё дело рук вождя.

Пам-пам-пам. Вы что... любили вождя?

Кто любит вождей, Андрей Алексеевич? Но вождям это и не надо. Вождей боятся. И это вождям надо.

Ну а... Антон Романович, кажется вас зовут так...

Так.

Антон Романович, ну а что же... что же будет?

Вы о чем?

О будущем страны.

Хорошо. Очень хорошо.

Будет очень хорошо?

Нет, "стимулятор" действует хорошо.

А... ну а насчет будущего страны как?

— В будущем нас ждет "Дольче вита". Разве это обыск, Андрей Алексеевич? Это уже "Дольче вита". Прежде было: восемь-десять часов тотального молчания. А теперь на операции вот можно с подследственным и поговорить. Либерализм. Впрочем, вас даже не назовешь "подследственным", вы, скорее автор "подследственной книги". Вот как. Так что в будущем нас ждет "Дольче вита". Хорошо. Очень хорошо. Вы спрашиваете, Андрей Алексеевич, что будет? А я вот сам был трижды арестован в бурные сталинские годы, работая над этими Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, и дважды ссылался в отдаленные края. Как-то уцелел. Сам не знаю как. Наверное потому, что я все же солдат. Я лщу себя надеждой, что история назовет меня солдатом революции. На работе слушаюсь команды. Иногда сомневаюсь в ее справедливости. Знаете, что меня спасает? Вот "стимулятор" и... и книги... мои 2000 томов. Я буду с вами откровенным. Я захожу к себе в библиотеку, закрываю двери на ключ и начинаю разглядывать свидетельства человеческой культуры.

Прекрасно.

Да, да, да...

И мой новый роман в том числе?

Боюсь, что нет... книги книгам рознь... — Шубин рассмеялся.

— Вы думаете, что даже тщательно переплетенная ложь — выглядит убедительно.

— Порой, да.

— Товарищ полковник, я очень благодарен вам за откровенность, и поэтому хочу задать еще один, очень важный вопрос, самый важный, наиважнейший, так сказать: может ли случиться, по-вашему, что опять... опять начнутся массовые аресты, как было при Сталине? Может ли случиться, что опять честные окажутся на Колыме, а остальные — здесь?

— А разве у нас еще остались честные? — пошутил Шубин. — Дорогой пациент, всё зависит от вас самих. Наша диктатура умная диктатура. Попусту мы отныне проливать кровь не будем. Но нам нужно послушание. Так что я думаю, что обойдется без крайностей. Я думаю, что все ограничится профилактическими мерами. Этого пока достаточно. Ведь инерция страха, созданная Сталиным, все еще велика.

— Безусловно. Пам-пам-пам...

— Дорогой Андрей Алексеевич, поймите, что такие как вы, естественно, должны находиться под постоянным наблюдением. Вы же интеллигенция. А она обычно начинает заварухи. Это долг КГБ смотреть за вами, чтобы вы в определенный момент не споткнулись, и помочь вам. У вас тут на даче свилось гнездышко. А мы занимаемся изучением гнезд. Мы птицеловы. Признаюсь, я читал ваш новый роман. И не для огласки, неофициально, скажу, что он мне понравился. Он написан искренне, кровью души, как бы. В нем много субъективной правды, но, увы, мы еще не доросли до субъективной правды. Время для нее еще не пришло. Кроме того, в вашей книге вы все же часто выступаете против самого себя, против хорошего советского человека, против собственных патриотических чувств и ратуете за право каждого думать по-своему, то есть за западный плюрализм. Плюрализм же, диалектически судя, это антикоммунизм.

— Да, да, вы правы. Мы об этом уже договорились в ЦК, с Сусликовым. Больше того, я признал, что я недооценивал организационную роль нашей партии. А это тоже серьезная ошибка. Да, да, вы правы... Но я хотел бы спросить, Антон Романович, а что... Евгений Светозар находится с вами в тесном контакте? Он ваш секретный агент или как?

Шубин громко рассмеялся.

Ну вы и чудак, Андрей Алексеевич! Вот чудак!

— Почему?

— Да как же можно задавать такие вопросы? Это же государственная тайна.

— Ах да, конечно, конечно. Извините. И вы хотите сказать, что мне не следует подозревать его в этом?

Кого?

— Светозара?

— Институт кооптированных работников органов Гос. безопасности, Андрей Алексеевич, велик и разнообразен. Безусловно у нас есть и сексоты высшего класса. И многие из них окружают вас.

Неужели?

— Честно говоря, некоторые, рапортуя нам, даже не встре-

чаются с офицерами КГБ вроде меня; некоторые очень шепетильны и капризны. Некоторые предпочитают встречаться, ну скажем, с первым секретарем МГК КПСС Моревым, или даже с самим Сусликовым, это вместо представителя КГБ. Понимаете? Ведь о встрече с Моревым или Сусликовым можно не утаивать. А они, Морев и Сусликов, потом уже информируют нас.

— Тонко.

— Кроме того, бывает... да, да, бывает, что некоторые кооптированные высшего класса работают на нас и против нас одновременно. Понимаете? Чужая душа потемки, Андрей Алексеевич, и ваша душа потемки, и моя... — и вдруг почти шепотом Шубин добавил. — Я лично рекомендую вам в первую очередь опасаться вашего поселкового монтера, этого пьяницу Банина. Он крупный специалист по звукоподслушиванию.

— Да что вы? Камбала?

— Тише, не повышайте голоса. У каждого кустика, говорят, своя акустика. Ну а теперь, дорогой Андрей Алексеевич, когда мы с вами так сблизились, признавайтесь: где вторая копия романа? Долг платежом красен. И сопротивляться бессмысленно. Мы же все равно найдем ее, вытащим из-под земли. Ведь мы специалисты в этой области.

— Я повторяю, не знаю...

— В таком случае мне остается допросить вашего литературного секретаря — Клару Ильмас.

— Нет, нет, не трогайте ее. Она тут ни при чем. Да и она, как видите, исчезла.

— Это как раз и представляется мне весьма интересным. И примечательным. Может быть, она унесла вторую копию с собой?

Да нет, что вы!

— Хорошо, мы, пока суть да дело, будем продолжать обыск. До рассвета осталось еще часа два.

Шубин встал и вышел в коридор, а оттуда направился на половину Светозара.

— Арон! — позвал Кутырев.

Рошаль открыл один глаз, как сторожевая собака, потом второй.

— Что? Хочешь гантели?

— Нет.

— Или жи, может быть, после милой беседы с представителем КГБ тебя потянуло к токарному станку, э-э? Производственник.

— Слушай, а что если они... арестуют Клару?

— Они могут. Они все могут. Но кажется они нынче стараются арестовывать не людей, а книги, чепчик. Скоро они дойдут до идиотизма и начнут арестовывать дома, деревья, мебель, камни, а потом будут арестовывать целые города или районы... Они все могут.

— Новые времена? — Кутырев энергично завертел языком за обеими щеками.

— Профилактические меры. Как тебе понравилось это выражение? Выраженьице. Перл! Э-э? А что, нет? Перл! — Рошаль зевнул во весь рот.

Ароша, не будь однобоким!

Ты хочешь сказать, что лучше быть кривобоким?

Я хочу сказать, что ты только иронизируешь, хохмишь по адресу властей. А жить без властей мы не умеем. Так в чем же смысл? Да, Шубин, Антон Романович, полковник КГБ, но ведь и он человек.

— Человек? Ты думаешь он действительно человек?

— Да пойми же, в каждом из нас, даже в представителях органов Гос. безопасности есть что-то... позитивное. Разве ты не заметил какие у него страдальческие глаза, а кожа на щеках... пергамент, и столько морщин. Он напоминает мне своим лицом знаменитую Рембрандтовскую старуху...

— Эй, бычок, а кого тебе лицом напоминает Иосиф Виссарионович Сталин, э-э?

— Ароша, будь объективным. У Шубина астма, он принимает какие-то таблетки. Он больной человек...

Да, в наших литературных кругах до сих пор бытует побасенка о гуманных чекистах, об этих самых славных отпрысках Феликса Дзержинского, верного ученика великого Ленина, которые де не лишены человечности, которые де умеют страдать, умеют сочувствовать горю другого, которые подвержены сомнениям, рефлексии, которые даже умеют подсмеиваться над самим собой и которые де не превратились в террористических робо-

тов. Это все равно, что воспевать добрых палачей. Но, конечно, страна наша велика и масштабы работы КГБ гигантские. Армия советских "разведчиков" миллионна. Наверное среди них найдутся два-три добряка-чудака. Я слышал, что в прошлом были даже такие, кто не выдерживали идеологической нагрузки и стрелялись. Слышал я и о таких, хотя и не уверен в достоверности таких слухов. Может быть, были и слабые среди них, которые сходили с ума. Это более вероятно. Подобной работенки ведь нервы не выдерживают. Мне рассказывали даже о двух чекистах-эстетах, писавших стихи и сочинявших музыку. И все же я лично никак не могу относиться к "рычагам" советской диктатуры с симпатией. Если в этом смысле Рошаль был одноклассником, то и я одноклассник. Слишком много было пролито крови. Тут нет места жалости. Да и трудно мне представить себе, что кто-либо из этих силовых "гуманистов" мог думать. Впрочем, в этом отношении они мало чем отличаются от остальных, от всего народа. Увы, это печально, но это так. Народ наш давным давно перестал думать. Тем не менее, я как-то особенно не люблю все, что связано с КГБ. Если бы можно было модернизировать Советскую власть, то я считаю, что первым делом следовало бы упразднить всех "железных Феликсов" с их карающим пролетарским мечом, который превратил страну просто в бойню. Нет, я не могу скрыть своего презрения к Шубину, несмотря на его астму и прочие беды, и даже несмотря на украшение его жизни — 2000 томов книг. Нельзя же, отрубив человеку голову, лить после этого слезы или читать наизусть письмо Татьяны из "Евгения Онегина". Что же касается Фердинанда, молодого чекиста с наманикюренными ногтями и с тремя европейскими языками, то таких я бы собственноручно давил как клопов, хотя знаю, что они при этом испускают отвратительный запах. Ну а о Рыбкине многого не скажешь. Это чурбан оловянный, уцелевший со времен Салтыкова-Щедрина, гражданин города Глухова.

4.

Во двор дачи с просеки Лермонтова въехал черный лимузин Фадейкина-Пырькова. Шофер быстро выскочил из него и открыл дверцу с противоположной стороны машины. Иван, как всегда, был встельку пьян, но он еще держался на ногах, а под мышкой у него было что-то длинное, завернутое в бумагу. Он вылез на-

ружу и оттолкнул от себя шофера; потом заковылял по тропинке в сторону дачи.

На террасе его встретил Кутырев.

— Ваня?

— Привет, Андрюха. Что у тебя тут делается? Еду, понимаешь ли, к себе, смотрю в твоих окнах свет, а время того, позднее, скоро и день начнет заниматься; так что тут у тебя происходит?

У меня гости, Иван.

Какие гости?

КГБ.

А...

Приехали с арестом.

Тебя забирают?

Нет, приехали забрать не меня, а мой роман.

А... ну и правильно. Воспитательное мероприятие.

Одобряю.

— Они конфисковали все варианты и наброски, все черновики. И им нужны все, все копии романа.

— Ну и правильно, Андрюха. Ты не протестуй. Ты лучше помогай нашим героическим чекистам. Им надо помогать прочесывать авгиевы конюшни. Понял? А твой роман, конечно, подлежит тотальному изъятию. Не перечь. Понял?

Из дома вышел Рыбкин:

— Гражданин, вы кто будете? — хмуро обратился он к Фадейкину-Пырькову.

— Цыц ты! — рявкнул на него Иван. — Ты с кем разговариваешь? Руки по швам. Я член ЦК, а во время войны был генералом. А ты кто?

— Я подполковник Рыбкин.

— Ну и уймись, Рыбкин. Я тебя на десять голов выше, понимаешь? И заруби у себя на носу, что прошли те времена, когда органы Гос. безопасности контролировали историю, понимаешь? Прошли времена батьки Берия и его гангстеров. Так что ты — цыц!

Окрик Ивана подействовал; Рыбкин помялся на одном месте и потом вернулся в дом.

— Ты из Москвы? — спросил Кутырев.

— Да, знаешь ли. И куча новостей. Куча! Можешь меня поздравить. Это во-первых. Своя рубаша ведь ближе к телу, как гласит народный фольклор.

— С чем поздравить-то?

— С орденом Ленина. Третий по счету. Скоро некуда будет их вешать. Грудь-то у меня не богатырская, — Фадейкин-Пырьков повалился на диван. — Указ Президиума Верховного Совета СССР уже подписан. "За выдающиеся заслуги в развитии советской литературы и т. д." Завтра прочитаешь в "Правде".

— Поздравляю. От всего сердца.

— Спасибо. Ты ведь дальше "Знака Почета" не шагнул, сукин сын... Завидуешь небось.

Как не завидовать.

А что этот... как его... Гнедых что ли, он еще не подох? — заметя в кресле комбрига, поинтересовался Иван.

Да нет, дышит.

А ты почему на похороны Латышева не приехал, скотина? Ах да, ты же рыбу у плотины ловил. Вся Москва озадачена: "Кутырев ловит в мутной воде рыбу". Штамп, понимаешь ли. Стало быть, ты в опале.

— Хочешь выпить?

— Нет, я утром дался игле. Нельзя. Утром меня в Кремлевской больнице кололи. И подписал я документ о том, что, мол, знаю, что если после укола выпью хоть 100 граммов водки, то мне — хана, смерти не миновать. Ну а вечером, по случаю награждения орденом Ленина, махнул я в Сандуновские бани, с группой моих дружков, ну и мы, значит, по цоколю плавательного бассейна расставили десять поллитровых, а в воду вывалили рыбные консервы "шпроты". Пили, значит, "Столичную", в чем мама родила, и потом ныряли в бассейн за рыбешкой — закусить.

Вот это здорово!

И вот жив, как видишь.

Так выпей еще.

Нет, нельзя. Я же документ подписал... — и Иван рассмехался. — Теперь так, — продолжал Фадейкин-Пырьков, — в среду в "Литературной газете" появится статья о твоём новом романе. Полный разнос. Я читал гранки. Критик Сурок выдал на

гора. И аффффрапированно, и эпппатированно, и узззурпированно, и все такое. Полные штаны иностранных слов. Он нашел у тебя в стиле и конгломерат угрюмого скептицизма и бесшабашный империалистический нигилизм. Он даже австрийского психо-жидочка Кафку вспомнил и какого-то фашиствующего натуралиста-выскочку Дюдро. Эр-р-удит, чертова бестия. У Сурка на воротах дачи, между прочим, висит надпись: "Во дворе злая собака". А кто-то взял да и приписал: "И беспринципная". Теперь так, Андрюха: в пятницу состоится секретариат ССП. Будет стоять твой вопрос. Поступит предложение исключить тебя из нашего союза. Не бойся, не исключим. Я выступлю против. Это все уже отрепетировано. Сусликов ведь за то, чтобы тебя только припугнуть, чтобы было поучительно для других.

Кутырев поморщился, задвигал языком за щеками и потом спросил:

— Иван, а разве Сурок читал мой роман?

— Нет. Но он же специалист по писанию рецензий на романы, которые он не читал.

— Как же так?

— А разве это важно? Тут ведь дело в идеологии, а не в содержании твоего романа... — в зрачках Ивана вспыхнула искра насмешки.

— Пам-пам-пам...

По тропинке к террасе быстро приблизились Светозар и Ланской. Андрей, заметив их, позабыл о Фадейкине-Пырькове и двинулся навстречу Евгению.

— Ну что? Позвонили в милицию?

— Позвонил. Я дозвонился до главного дежурного в центральном управлении.

— Ну?

— Ничего определенного. Это же гигантская бюрократическая машина.

Светозар махнул рукой.

— Клару поставили на учет, — сказал Ланской. — Они обещали проверить во всех моргах столицы и области.

— Иван Александрович? — Евгений удивленно взглянул на Ивана.

— А, это ты, Светозар. Это хорошо, что ты тут, хлыщ, —

сказал Фадейкин-Пырьков. Мне надо сообщить тебе пренеприятную новость. Имей в виду, что ты в Париж не летишь.

— То есть как это не лечу?

— А так, не летишь и всё. Иностранная комиссия ССП послала телеграмму устроителям форума о том, что у тебя неожиданно открылась... грыжа.

— Вот это номер! — Ланской разинул рот, точно его стукнули бутылкой по голове.

Да вы что... какая грыжа? У меня нет грыжи... — запротестовал Светозар.

— Завтра получишь официальное письмо из ССП, — спокойно заявил Фадейкин-Пырьков.

— Не валяйте дурака, Иван Александрович! — вспыхнул Евгений.

— Что-что? — Иван приподнялся на диване. — Цыц, глиста!

— Товарищ ген. сек., вы не имеете права отменять мою поездку во Францию! Я буду жаловаться в ЦК! — Светозар повысил голос.

Это указание Политбюро ЦК. Что, выкусил?

— Немыслимо... нет, нет... за что?

— И еще, паразит, ты отставлен от Ленинской премии. Тоже по звонку Сусликова.

Но за что? За что, в конце-концов?

— Сам подумай, Труфальдино!

— Опять инсинуации? Опять травля? Нет, я не Труфальдино, я поэт, я независимый поэт с мировым именем. Не-ет, я вам не мальчишка!

— Ты червь, вот ты кто! — Фадейкин-Пырьков с удовольствием захохотал.

Светозар, поначалу явно растерялся, затем последовал по пути, подсказанному интуицией, и, размахивая во все стороны своими длинными руками, начал кричать о том, что у него заслуженная репутация, что никто не имеет права распускать о нем дурные слухи, что минуло время, когда людей оговаривали ни за что ни про что, что сталинские кошмары канули в Лету, что теперь СССР живет по-ленински и что Светозар достоин Ленин-

ской премии, потому что он высоко несет знамя ленинизма.

— Я не позволю! Это издевательство над личностью! Это произвол! Товарищ Сусликов не пригласил меня к себе, не поговорил со мной, не предъявил обвинений. Где это видано? Надо выслушать обе стороны. Обе.

— Ах ты, сукин сын! Он протестует. Против кого ты протестуешь? — Иван опять захохотал, затрясшись всем телом. — Ну тогда я покажу тебе где раки зимуют! Я тебе сейчас дам кузькину мать, гнида ты проклятая! — Фадейкин-Пырьков развернул сверток, достал гипсовую руку, такую же, какая была у Куца в ЦК. — Видал? Это мне по спец. заказу сделали, — и надев гипсовую руку на свою правую руку, он начал стучать ею по столу. — Я тебе дам по мордам, гнида долговязая! Вот, видишь — это рука пролетарской веры и она дотянется до твоей гнусной хари!

Светозар побледнел как полотно.

— Вы не смеете...

— Это кто тебе сказал, что я не смею! Я все смею! Смею!

На шум перебранки из дому вышли Шубин и Локтев, а за ними, из кухни, вышла Клавдия Васильевна.

— Что такое? — спросил Шубин, нахмурившись.

— Да вот учу их, учу уму-разуму наших инженеров человеческих душ, — сказал Фадейкин-Пырьков.

— Здравствуйте, Иван Александрович, — произнес Шубин.

— Ты кто? А, полковник Шубин собственной персоной. Здорово. Ого, Андрюха, тобой занимается наш шеф. Шубин ведь постоянно курирует ССП. Он наш "покровитель" в КГБ, — и Иван опять засмеялся. — Привет, Шубин. Хозяйничаешь? Ну давай, давай...

— Вы что... друзья? — спросил Кутырев.

— Почти... — ответил Фадейкин-Пырьков. — Он же любитель литературы. Шубин. Он сам пишет стихи...

— Бросил, — заметил Шубин.

В это время к террасе приблизился Тенгиз Таваркिलाдзе.

Никто не обратил внимания на то, что вслед за лимузином ген.сека ССП во двор дачи въехало такси и из него вылез Тенгиз, который, затем, уверенной походкой направился к террасе. Он был в прежней белой черкеске с газырями, с кинжалом у

пояса и в папаше. В руках он держал синюю папку с рукописью. Судя по внешнему виду, грузинский прозаик был трезв, но в глазах его можно было заметить какой-то странный, не свойственный в нормальных условиях, блеск. Поднявшись на террасу, не считаясь с разговором между Фадейкиным-Пырьковым, Шубиным и Кутыревым, он торжественно положил папку на обеденный стол и громко сказал:

— Товарищ полковник КГБ, я принес вам то, что вы ищите! Пожалуйста, генацвале. Так что вы теперь можете прекратить обыск и не беспокоить этих мирных и тихих людей. Вы же ищете преступную рукопись. Вот она! Честно говоря, я уже был во Внуково, в аэропорту, я уже купил билет на самолет, чтобы лететь в Тбилиси, домой, но в последний момент я почувствовал, что не выполнил своего гражданского долга. Да, да, своего гражданского долга, генацвале. Так что я оставил чемодан в камере хранения, взял такси и вот я перед вами.

— Тенгиз, что это за рукопись? О чем вы говорите? — взволнованно произнес Кутырев.

— Не беспокойтесь, Андрей Алексеевич, я теперь уже умею разбираться в рукописях и отличать вредную от полезной... — улыбнувшись, сказал Таварджиладзе.

— Что это вторая копия романа "Годы и Люди"? — быстро проговорил Шубин и, взяв папку, открыл ее.

Фадейкин-Пырьков сердито посмотрел на Тенгиза.

— Ты, собственно, кто?

Таварджиладзе также посмотрел на Ивана и с вызовом спросил:

А ты, собственно, кто?

— Я? Я... Фадейкин-Пырьков. Ген. сек. Маршал.

— Если ты Фадейкин-Пырьков, ген. сек, то отдай долг. Двести рублей, маршал.

На лице Таварджиладзе начался нервный тик.

— Да я тебя впервые вижу. Ты что? Который долг? Иди к черту...

Шубин, просмотрев рукопись, положил папку обратно на стол.

— Нет, это не ваша рукопись, Андрей Алексеевич. Это роман Тенгиза Таварджиладзе в переводе на русский, озаглавлен-

ный "Мои друзья".

— Пам-пам-пам...

— Ну да, "Мои друзья". В переводе Андрея Кутырева. А вы что думали, товарищ полковник? — спросил Тавардклидзе.

— Я думал... нет, я не думал, что вы принесете мне ваш роман. Зачем он мне?

— Этот роман был моим, товарищ полковник, теперь он ваш. Ваш.

— Грузинские штучки?

— Почему штучки, батоно? Вы же ищете преступный роман. Вот один из них. В нем неправда выдается за правду. Разве это не преступно? А вообще их у нас очень, очень много, почти все. Берите, батоно, не ошибетесь.

— Да он же чокнутый? Без царька в голове! — захрипел Фадейкин-Пырьков. — Разве ты не видишь, Шубин. В тюрьму его!

— Князь, опомнись! Не лезь на рожон! — вмешался Светозар.

А Ланской, подойдя к Клавдии Васильевне, взял ее за руку и негромко сказал:

Бовина, дело дрянь.

— Бово, я боюсь этого... — она указала на Ивана.

— Шубин, где "черный ворон"? — закричал Фадейкин-Пырьков.

— "Черный ворон" пока в гараже, Иван Александрович. Не будем торопиться. В психушках же вакантных мест полным-полно, — рассудительно ответил полковник.

И опять никто в этой перепалке не обратил внимания на то, что к даче подъехало еще одно такси, из которого вылезла Клара. Она выглядела так, точно ее только что выпустили из больницы, после тяжелой болезни. Похудела, черты лица обреза-лись, глаза наполовину были мутны и под ними резкие темные круги. В ту минуту, когда она приблизилась к террасе и подня-лась на нее, в доме зазвучала скрипка — это Мария Петровна играла свое что-то странное, несвязное и режущее слух.

Кутырев и Светозар, увидя Клару, почти одновременно воскликнули:

— Клара?! Где ты была?

— Женя, пойдй заплати таксисту, спокойно сказала Клара.

— Да, да, конечно... но что с тобой?

— Об этом потом.

Светозар быстро направился к машине.

— Боже, как ты выглядишь! Что случилось? — с тревогой в голосе спросил Кутырев.

Клара остановила взгляд на Шубине и Локтеве.

— Что тут происходит?

— Политзанятие, Рахиль, — вызывающе бросил Фадейкин-Пырьков.

— Я не вас спрашиваю, Иван Каинович, — резко бросила Клара.

— Змея! — рявкнул Фадейкин-Пырьков и взяв Локтева подруку, повел его в дом. — Пойдем-ка, парень, я тебе покажу тут все закоулки. Надо всё, всё проверить как следует.

Они ушли в дом.

— Это обыск, Клара, — сказал Кутырев.

Шубин прищурил глаза:

Гражданка Ильмас?

— Да, я Ильмас.

— Я полковник КГБ Шубин. Поскольку вы являетесь литературным секретарем писателя Кутырева, может быть, вам известно где находится вторая копия романа "Годы и люди"?

— Полковник Шубин? Отчего мне знакомо ваше лицо? — внимательно вглядываясь в него, Клара продолжала: — Не вы ли... не вы ли брали моего отца в 1937 году? Я тогда была ребенком, но я помню... вот эти ямочки под глазами...

Вы не ответили на мой вопрос, — сухо произнес Шубин.

Нет, это вы не ответили на мой.

Тут я задаю вопросы. А вы отвечаете.

Я не подследственная.

И тем не менее...

Вас интересует вторая копия романа "Годы и Люди"? Но почему именно вторая?

— Потому что первая и третья у нас. Нам не хватает второй.

— Ах, вот что... Клара озадаченно взглянула на

Кутырева.

Да, нам не хватает второй копии, — подчеркнул Шубин.

— Я... я не знаю где она... — произнес Андрей.

— И я... не знаю... — повторила за ним Клара.

Светозар возвратился на террасу.

— Клара, так что же с тобой случилось? Почему ты так бледна? Ты больна?

— Это не важно, Евгений. Важно другое. Очень важно: скажи мне где третья копия романа Кутырева, которую я тебе дала.

А? Что?

Где третья копия?

Я прочитал ее и я... она у меня...

Нет, она у них, на Лубянке. Полковник Шубин может это подтвердить. Он только что сказал, что первая и третья копии романа у них.

Да ты что, Клара? Это вздор.

Она у них, лирик, — мрачно проговорил Кутырев.

Этого не может быть...

Значит ты,, ты передал ее им? — Клара до крови закусила губу, дожидаясь ответа мужа.

— Вы с ума сошли!

— Каким образом она могла попасть к ним? Не сотрудничает ли ты с органами Гос. безопасности, Светозар? — решительно произнесла Клара. — Не входит ли это в секретные обязанности ведущего поэта нашей эпохи?

— Вздор! Чепуха! Абсурд! — закричал Евгений. — Я спрятал рукопись, я спрятал ее до отлета в Париж. На всякий случай...

Он стремительно направился к креслу на колесиках, в котором сидел его отец; бесцеремонно, как мешок с рухлядью, приподнял его и открыл под ним сиденье, начав свободной рукой ощупывать образовавшееся там пространство.

— Нашел? — спросила Клара.

— Нет... ее тут нет... — в голосе его появилась нота отчаяния.

Наступила тяжелая пауза. Никто не решался нарушить ее. Клара не отрывала глаз от Светозара. Кутырев же смотрел себе

Ю. КРОТКОВ

под ноги.

Ну так где же третья копия романа? — четко спросила Клара.

Пам-пам-пам...

Ее тут нет, — сказал Евгений и, швырнув отца обратно в кресло, добавил. — Что же это такое? Я сам положил туда рукопись. На террасе никого не было. Батяка не мог сболтнуть об этом. Я придумал этот... сейф; я решил, что никому не придет в голову лезть под сиденье... — и вдруг выйдя на середину террасы, повысив голос, он твердо и даже торжественно заявил, обращаясь к Шубину. — Это официально, товарищ полковник. Для КГБ и для ЦК КПСС. Можете передать это лично Михаилу Сусликову. Клара Ильмас, моя жена и литературный секретарь писателя Кутырева, вот его, дала мне недавно для прочтения третью копию романа Кутырева "Годы и Люди". Я же... прочитав его, я по собственной инициативе, я подчеркиваю это, по собственной инициативе решил взять эту рукопись с собой в Париж. Да, я решил сделать это потому, что, к сожалению, у нас в стране его напечатать нельзя. А я за роман Кутырева. Да, да, я за! И я с гордостью могу сказать, что я за каждое правдивое, от души сказанное слово. Художественное слово должно жить вне зависимости от идеологии. Оно вечно, оно над идеологией и жизнью. Оно отражает вселенную. Так что я официально повторяю, что я собирался взять рукопись романа Кутырева с собой в Париж с тем, чтобы передать ее там в руки западных издателей. Но какая-то сволочь, я повторяю, какая-то сволочь выкрала эту третью копию и передала ее в руки КГБ!

Светозар гордо поднял голову, потом демонстративно снял с гвоздя висевшее на стене ружье Кутырева, взвел курки и, сойдя с террасы, направился в глубину сада.

Клавдия Васильевна до боли сжала руку Ланского.

— Что с тобой, утя?

Она не выдержала и зашептала ему на ухо:

— Сволочь это я, бово. Это я выкрала рукопись. Я проследила Светозара. Я... я передала ее офицеру КГБ... они давно уже держат меня на крючке.... они сделали мне прописку в Москве... вот я и должна отрабатывать... Я тоже курва, Ленин.

Ланской зажал ей рот и, уводя ее в дом, по дороге сказал:

— Мы с тобой пара пятак, бовина.

Шубин, покосившись на Клару, покачал головой.

— Боюсь, что нам с вами, гражданка Ильмас, придется все же познакомиться поближе и в самое ближайшее время.

Звуки скрипки в доме оборвались.

— Что вы имеете в виду, Антон Романович? — спросил Кутырев.

— Органы Гос. безопасности никогда не останавливаются на полдороге, Андрей Алексеевич.

На террасу вышла Мария Петровна со смычком в руке. Невидящими глазами она обвела всех присутствующих и задержалась на Шубине. Подойдя к нему вплотную, она начала разглядывать его лицо и руки.

— Ты, что Маша?

— Я вспомнила! — встрепелась она. — Это вы, полковник, вы брали моего Гришутку!

Коротким и стремительным жестом, она взмахнула смычком и ударила Шубина по лицу раз, другой, третий.

— Маша! Что ты делаешь? Маша! — закричал Кутырев.

— Он злодей! Он сын тьмы! — с пафосом прокричала Мария Петровна и, ничего не добавив, вернулась к себе в комнату.

Шубин носовым платком отер с лица кровь.

— Антон Романович, извините ее... моя жена... она невменяемая... Вам бы пройти в ванную комнату...

— Она права, — ухмыльнулся Шубин. — Я "сын тьмы". — И пошел в дом.

5.

Кутырев растерянно посмотрел на Клару.

А все же... где ты была?

Какое это имеет значение?

Клара ты... ты не в себе...

Я была глупой и все же... верила людям...

В том числе и мне?

И вам.

Пам-пам-пам.

О, какая путаница! Как все подло...

Ты думаешь, что Евгений разыграл сейчас водевиль?

— Я этого не исключаю.

— Нет, я в это не верю. Нет, нет, навряд ли он сотрудничает с КГБ. Ведь его полет в Париж отменен и он отставлен от Ленинской премии. Об этом сказал Фадейкин-Пырьков. И это его достаточно смелое и официальное заявление. Он ведь бросил вызов властям. Шубин непременно доложит о заявлении Сусликову и это дойдет до "таракана", а у того рука не дрогнет...

— Андрей Алексеевич, где вторая копия романа? — спросила Клара.

— В Сванетии, — понизив голос, ответил Кутырев. — Клара... — вдруг взволнованно проговорил он, — скажи мне, Клара, одно, главное... ты меня все еще любишь? Клара, я больше не виню тебя в том, что ты без моего разрешения передала копию романа Евгению и хотела, чтоб он взял ее с собой в Париж. Все это, конечно, странно и так запутанно. Ты права, это запутанно. Но как в КГБ об этом узнали? Кто выкрал копию? Много вопросов без ответов. Да все это не так уж важно, по сравнению с главным... ты меня любишь?

Помедлив, прямо глядя Кутыреву в глаза, Клара спокойно и холодно ответила:

— Нет, Андрей Алексеевич, я вас не люблю. И, вероятно, я никогда вас не любила. Вероятно, я была чуть влюблена в ваш роман.

Кутырев посмотрел на Клару и вдруг понял, что то, что связывало его с ней — навсегда утрачено. Он вздрогнул, медленно опустился на стул и склонил голову на руки. На секунду Андрей почувствовал глубокую боль в сердце от мысли, что любви-то между ними и не было, то есть она была односторонняя — исходящая лишь от него. И в эту секунду он даже возненавидел Клару, увидев в ней врага, обманувшую его женщину. Но только на секунду.

А из сада в этот момент донеслись два глухих выстрела. В ответ на них сразу откликнулся лаем соседский "Чертик". На террасу торопливо вышли Шубин, Локтев, Рыбкин, а за ними, уже неторопливо, сначала Фадейкин-Пырьков, потом протирающий сонные глаза Рошаль.

Какая это скотина палит в такой час? — возмутился Иван.

— Что? Разве стрелять в неурочное время воспрещено? пожал плечами Арон.

Спустя немного из сада пьяной походкой и с пьяной улыбкой приковылял Банин. Он добрался до террасы и заплетающимся языком сказал:

— Так ведь это... поэт Светозар... как ни есть выстрелил в себя, ну да, из нее, из двустволки, значить...

— Да ну? Вот здорово! — произнес Фадейкин-Пырьков. — Это с чего же он? С Парижа что ли? Или с Ленинской премии?

— Жив? — спросил Шубин.

— А как же, жив, конечно, — смеялся Банин. — Да он ведь из этого, ну, как его... ну патроны-то были с ДДТ, а не с дробью... ну порошок, который... ну, для клопов и чтобы клубнику опылять, значит...

— Вот шукура! — захохотал Иван. — Грехи решил искупить. Не-ет, холера тебе в бок. Маловато! Тут ДДТ не отделаешься, брендмайор!

— Каждый стреляется по-своему, — чмокнув губами, протянул Рошаль.

— Замолчи, Шолом-Алейхем! — прикрикнул на него Фадейкин-Пырьков. — Как ты сюда попал, собственно?

— Я понятой, товарищ маршал, — лъстиво ответил Арон.

— Слушай, как тебя... Банин, монтер, а ну дай-ка этому хлыщу, этому великому поэту Светозару, мой "Штеер", он бьет без осечки... пусть он теперь попробует застрелиться по-настоящему.

Иван извлек из бокового кармана пистолет и протянул его Банину.

Тот растерялся и заюлил.

— Шпалер? Это не по моей части. Уволь, отец.

Кутырев поднял голову, посмотрел на окружающих так, точно он их никогда не видал, снял с головы "чепчик", а с шеи мохнатое полотенце, и вместо Банина взял у Фадейкина-Пырькова пистолет.

— Это верно, Иван, уж если стреляться так стреляться. А Евгений, я думаю, знал, что мое ружье было с патронами ДДТ. Давай-ка я суну ему твой "Штеер".

— Валяй, Андрюха. Нам давно уже пора избавиться от этой

Светлой Зари, черт бы его проглотил.

Кутырев, мурлыча мотив "Марсельезы", пошел в сад, сопровождаемый тревожным взглядом Клары.

— Честно говоря, товарищ полковник, все это мне не очень нравится, — сказал Рошаль.

— Заткни глотку, сионист! — прикрикнул на него Фадейкин-Пырьков.

Но теперь Арон не посчитался с высоким положением Ивана и в свою очередь прикрикнул на него:

Сам заткни пасть, троглодит!

— Но, но, но, ты полегче на поворотах, еврейский Мольер.

— Напрасно вы дали оружие Кутыреву, Иван Александрович, — поморщился Шубин.

— А ты меня не учи, я уже твоему напарнику сказал: я член ЦК. Меня учить нечего. Я других учу. Понял? И не забывай, что у меня три ордена Ленина.

Не хурма... — заметил Рошаль.

— Чего ты сказал, подстрекатель?

— Пить надо меньше, слух будет лучше, — отпарировал Рошаль.

— Ну ты того, не завирайся. Я игле дался. Умереть могу, если выпью хоть сто граммов... — и Иван рассмеялся.

— Фердинанд! Сходите в сад за Кутыревым! — скомандовал Шубин.

— А зачем? — Локтев и не двинулся.

— Я приказал вам пойти в сад, за Кутыревым! — повысил тон Шубин, и когда лейтенант все же направился в сад, добавил: — Сын зам. министра, разве с ним сработаешься...

На террасе снова появилась Мария Петровна. Как только она переступила порог, Гнедых встрепенулся, как бы выйдя из состояния дремоты, приподнялся в кресле, вздернул руку вверх, и прохрипел свое обычное: — Вперед! За родину! — И повалялся обратно в кресло на колесиках.

Мария Петровна быстро подошла к нему, точно заметив что-то необычное. Наклонилась над комбригом и приложила к его груди ухо, затем подняла одну его руку и опустила — рука упала, как плеть.

— Он больше не дышет, — сказала Мария Петровна, —

Комбриг Гнедых мертв.

— А разве он прежде был жив? — со смехом произнес Фадейкин-Пырьков.

Мария Петровна рассердилась.

— Твоя душа, Иван, давно мертва. Это правда, хотя тело твое еще движется.

— Молчи, дура! — рявкнул Фадейкин-Пырьков.

Из сада совсем неподалеку раздался сухой выстрел, никак не напоминавший предыдущие два; выстрел был значительно резче, сильнее, короче. И опять вслед за выстрелом залаяла соседская собака.

Клара вздрогнула.

6.

Как нетрудно догадаться, это застрелился Андрей Кутырев. И застрелился по-настоящему. Выстрелил себе в висок и скончался тут же, упав, как подкошенный. Локтев, приблизившись к нему, пытался вырвать у него из руки "Штеер", но Андрей, изловчившись, отбежал в сторону на два-три шага и нажал на спуск пистолета, дулом направленного в голову.

Итак, Андрей Алексеевич покончил жизнь самоубийством и об этой катастрофе в течение двух-трех недель шептались в литературных кругах Москвы. Высказывались самые различные догадки. Основная заключалась в том, что он нажал на спуск пистолета из-за того, что КГБ приехало к нему на дачу, чтобы арестовать его роман. Конечно, это была капля, которая переполнила чашу. Конечно, и это сыграло свою роль. Но я думаю, что этот факт не являлся решающим.

Как мне ни тяжело признать, но Кутырева убила Клара. И, стреляя в себя, Кутырев наказывал ее. А может, наоборот, может быть он хотел выстрелом обелить себя, вернуть себя в ряды смелых и бескомпромиссных, покинув ряды манипуляторов, приспособленцев и скоморохов.

Юрий Кротков.

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Солдат к Таганрогу гнали,
зимою сорок второго...
Что никто не вернется знали,
но гнали —
все новых и новых...
Подло, преступно, тупо
на убой посланы были...
И росли штабелями трупы,
в ледяной братской могиле.
И таких Хирошим-Таганрогов
в той войне было много-много...

В истории разных осад
был один только он, — Ленинград,
что прожил девятьсот страшных дней,
с миллионами страшных теней,
с миллионами медленных страшных смертей.
И он смотрит на нас,
и сейчас,
миллионами мертвых, измученных
глаз...

Неужели, кто видел воочию
Освенцим, и Дахау, и прочее,
не кричит во сне, и не стонет,
если, — даже теперь, — вспомнит?...
— Как тянулись смертников массы,
как тянуло горелым мясом...

... Синенький скромный платочек,
— со стольких раздавленных плеч...
Что ж нам принес Пикассо голубочек?!
Сколько ни жить,
а не забыть нам,
нет, не забыть нам...
Н е т! Н е з а б ы т ь н а м!!!
Памятных ялтинских встреч!

Колыма, Магадан, Сахалин...
Там со смертью
один на один,
и лютее всех северных стуж
крестный путь
миллионов
невинно замученных
душ.
Эшелоны вагонов-гробов
день и ночь,
день и ночь
везут новых рабов...
Мчится, мчится железный конек!
Вьется, вьется веселый дымок!

Впрочем,
и не подумал никто
вмешаться,
и делами
чужими
заняться.
Ведь на то
у двадцатого века
есть
Хартия Прав Человека!

Ввиду же
сего вопроса серьезности
и большого значения,
заседает
в 3200-й раз,
и разбирает буки-аз,
комиссия по делам
всеобщего разоружения.

Кровавых боен
итог один —
расцвел махровый
мешанин.

И человечество, против чаяния,
пошло по пути одичания...
— Что так повернет истории телега,
предупреждал, впрочем, еще Ортега!

И — ни мудрецам, ни поэтам,
не нужны уж, ни тайны, ни веры...
Давно забыто про это,
в современной пещере.
Вот, только топот чугунный
явственней стал, чем раньше,
и, из грядущих,
гунны
стали
днем настоящим...

Но —
час расплаты
за всё
придет:
и за преступленье,
и за тупую,
сытую,
равнодушную
лень
целого поколения.
И никого
не укроет
безучастия тихая сень...
Уж зреет, зреет
для взрыва
день,
уже навис он,
зловещей тенью,
над миром, выросшим
на преступленье!

Н. Вулич

ОБРАЗ МАСКИ И МАСКАРАДА В ПОЭЗИИ А. БЛОКА

И я люблю сей мир ужасный:
За ним сквозит мне мир иной,
Обетованный и прекрасный,
И человечески-простой.

А. Блок (1910-11)

Образы маски, персонажей карнавала и итальянского театра *Commedia dell'Arte* неоднократно появляются в творчестве Блока. Следует напомнить, что маски, маскарад, буффонада были чрезвычайно популярны в начале 20-го века. Образы масок и маскарада также характерны для творчества Андрея Белого: достаточно вспомнить о "красном домино" Николая Аблеухова в романе "Петербург". Музыкальные пантомимы с образами Коммеди дель Арте ставились В. Эм. Мейерхольдом — "Шарф Коломбины" по Шницлеру, 1910 г., А. Я. Таировым — "Покрывало Пьеретты" Шницлера, 1913 г. В 1912-25 гг. выходил в Москве журнал "Маски", посвященный театральному искусству. А. Н. Вертинский с 1914-го года выступал со своими песенками в костюме и гриме Пьеро.

Поэт и историк литературы Модест Людвигович Гофман писал в 1908 году о Блоке, как о "крупной стихийно-поэтической" силе: — "Но тщетно старались бы мы выявить лик творчества А. Блока — нам удастся выявить только *маски* творчества поэта, ибо Блок поэт *масок*". Гофман обратил внимание на быстроту переходов Блока от одного настроения и одной темы к другому, от звучания одной мелодии к другой.

В октябре 1919 года Блок писал о "тайном скрытом смысле трагедии 'Отелло'": задача артиста и постановщика обнаружить этот тайный смысл, угадать его значение. Так и своим произведениям Блок придавал скрытый смысл, часто выраженный образом маски, маскарада, двойника, издевающегося над поэтом. Смерть, постигшая Леонида Андреева, видится Блоку в виде "последней гостьи в черной маске", пришедшей к одинокому писателю, как пишет Блок, "всегда обращенному лицом в

провал черного окна, которое выходит в сторону островов и Финляндии, в сырую ночь, в осенний ливень", который оба они любили одной любовью. Это черное окно, через которое вошла смерть, — часть реального пейзажа, окружавшего Л. Андреева. Из окон его огромной гостиной открывался вид на острова и Финляндию: гнетущая прозаическая картина, хлещущий ливень и мокрая ночь превратились в поэтическом воображении Блока в мокрую, черную даль хаоса иного мира.

Это вечное ощущение других миров, присутствующих где-то вблизи и грозящих затопить и изменить реальность, пронизывает почти все творчество Блока. И мир и люди двойственны. Искусство для Блока было средством проникнуть в сущность объектов и явлений, приподнять покрывало, скрывающее таинственность вселенной, снять маску с человека, разгадать значение этой маски и прикрываемого ею лица, найти путь к соединению противоречий. В этом отношении характерен набросок его письма к Наталии Николаевне Скворцовой, с которой в это время он хотел прекратить связь: в "Дневнике" от 29 марта 1912 года Блок пишет: "Сегодня отвечая Н. Н. Скворцовой, что "все не так, слова ее — покров, не знаю, над чем. Мир прекрасен и в отчаянии — противоречия в этом нет". Блок также пишет, что для него жизнь есть соединение противоречий — "соединение гармонии и буйства, и порядка и беспорядка". Здесь ярко выражена амбивалентность Блоковского мироощущения. О своей двойственности поэт говорит уже в 1902 году, в стихотворении "Люблю высокие соборы, / Душой смиряясь, посещать":

Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.

Образы масок появляются в поэзии Блока уже в 1902 году. В стихотворении "Свет в окошке шатался" появляется арлекин в бело-красном наряде: он только что покинул "шутовской маскарад" — "Там лицо укрывали / В разноцветную ложь". Арлекин наблюдал, как "Он — мечом деревянным / Начертал письма / Восхищенная странным, / потуплялась Она". Арлекин не верит ее чувствам и хохочет над обеими масками. В стихотворении

"Явился он на стройном бале" (Октябрь 1902 г.) уже разыгрывается драма трех: "звнящий Арлекин" бежит за "бледной Коломбиной",

А там — в углу — под образами,
В толпе, мятушейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро".

В цикле "Распутья" ("Двойник", июль 1903 г.) Коломбина, идеальная девушка "розовей навечерий" и "ослепительней дня", манит поэта. Себя же он видит слагающим ей песни "в наряде шута-Арлекина" — юного, нежно ей преданного брата с лукавым, смеющимся взглядом. Но юный Арлекин уже видит своего двойника — дряхлого Арлекина, тоже в "звнящем наряде шутов", но другим, кажущимся сгорбленным нищим "с сумой и клюкой" — старик не отпускает молодого Арлекина и глумится над ним и над всем. Образ традиционного Арлекина здесь уже изменен: он не беззаботен и весел как персонаж *Commedia dell'Arte* ему скучно и душно. Он, глядящий в голубое окно розовой Коломбины, не может избежать смертельного сплетения со своим двойником — нищим старым Арлекином. Через год, в мае 1904 г., в стихотворении "В час, когда пьянеют нарциссы / И театр в закатном огне", поэт появляется в виде паяца; он знает, что он обречен на гибель:

Я, паяц, у блестящей рампы
Возникаю в открытый люк.
Это — бездна смотрит сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паук.

Но среди своих кривляний на сцене, паяц слышит как "в тени последней кулисы / Кто-то плачет, жалея меня". Может быть, это Арлекин, "забывший о роли"?

Скрытая измена, предательство, несущее смерть, воплотились уже в раннем периоде творчества (апрель-сентябрь 1902 г.) в образе маскированного Иуды, появившегося в Рождественскую ночь, когда впервые "Звезда-предвестница возшла": "Среди толпы возник Иуда / В холодной маске на коне". И он уже глумился над чудом: "И на губах Искарота / Улыбку видели

гонцы". ("Был вечер поздний и багровый").

Во "Второй Книге Стихов" (1904-08) амбивалентный характер масок выступает еще ярче. В стихотворении "Балаганчик" (Июль 1905 г., цикл "Разные стихотворения"), послужившем основой для драмы "Балаганчик", представление театра марионеток воспринимается по-разному зрителями мальчиком и девочкой. Мальчик видит веселую игру и верит, что страшный черт, схвативший карапузика, не погубит его: стекает не кровь, а клюквенный сок. Мальчик также верит, что карапузика освободит королева и ее свита, приближающиеся с факелами. Но девочка услышала адскую музыку и увидела адскую свиту, которая не может сопровождать светлую королеву:

Королева — та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита.

Вдруг всё изменилось: нет ни королевы, ни рыцарей; страсти и страдания оказались ненастоящими, ирония автора превратила всё в буффонаду, подчеркнутую криком паяца: "Помогите! / Истекаю я клюквенным соком! / Забинтован тряпичей! / На голове моей — картонный шлем! / А в руке — деревянный меч!" Дети не выдержали крушения своих иллюзий и заплакали.

Подобная, но еще более глубокая ирония пронизывает лирическую драму "Балаганчик". Восприятие мира как маскарадного кружения усиливается в 1906-07 гг., и произведения этих лет особенно богаты образами масок: "Балаганчик" — апрель 1906 г., "Незнакомка" — апрель 1906, "Незнакомка" (драма) — ноябрь 1906, "Балаган" — ноябрь 1906, "Снежная маска" — январь 1907, "Фаина" — 1907 г.

В статье "Безвременье", написанной в октябре 1906 года ("Золотое Руно", 1906, №№ 11 и 12), Блок пишет: "Наша действительность проходит в красном свете", все мчатся и мечутся, как бы подхваченные вьюгой в призрачном маскараде: "Зажженные со всех концов, мы кружимся в воздухе, как несчастные маски, застигнутые врасплох мстительным шутом у Эдгара По. Но мы, дети века, боремся с этим головокружением. Какая-то дьявольская живучесть помогает нам гореть и не сгорать".

В "Балаганчике", пьесе, вызвавшей столько различных толкований, реальная история любви трех юных душ скрывает в

себе и древнюю легенду о невозможной верности чистой любви, и карнавальное действо знаменитого "треугольника" Коломбины, Пьеро и Арлекина, и воплощение скрытого смысла большой любви. Любовь — многозначна, она несет смерть или разочарование, крушение идеала. Она — также страсть, олицетворенная в красных и черных масках и плащах; она захватывает как вихрь, повергает в бред, заставляет забыть всё и губит всех:

"Он:

"Иду, покорен участи строгой,
О, вейся, плащ, огневой проводник!
Но трое пойдут зловещей дорогой:
Ты — и я — и мой двойник!"

Трагедия любви и разочарования может казаться посторонним смешной: трагедия и гротеск не далеки друг от друга. Так же может быть смешон для зрителей несчастный обманутый влюбленный Пьеро. Об этом он и скорбит, обращаясь к участникам маскарада, равнодушным к чужому горю — пляшущим и смеющимся маскам:

И вот, стою я, бледен лицом,
Но вам надо мной смеяться грешно,
Что делать! Она упала ничком...
Мне очень грустно. А вам смешно?

Как известно, Андрей Белый считал "Балаганчик" кощунством, он увидел в нем "горькие издевательства над своим прошлым" ("Воспоминания о Блоке", с. 366). Белый писал: "Я 'клюквенный сок' не прощал ему годы: 'скептическую иронию' над собою самим". Здесь следует принять во внимание свидетельство самого же Андрея Белого о пребывании Блока в Москве в 1904 году и о собраниях — "сидениях" друзей в квартире Блоков: — "Сидения перерывались шутками, импровизацией, шаржем: *ковер золотой*, аполлонов, был нужен; дурачились, изображая какими казались бы мы непосвященным; С. М. (Соловьев) начинал буффонаду: и мы появлялись в пародиях перед нами же сектою "блоковцев"; контуры секты выискивает трудолюбивый профессор культуры из XIII века...

Мы — хохотали... А. А. (Блок) провоцировал к продолжению пародии... Так С. М. Соловьев нам выщучивал собственную приподнятость чувств..."

Здесь уже заложен замысел и стиль "Балаганчика". Следует также напомнить, что в 1915 году Блок писал в своей Автобиографии: — "Лишь около 15 лет родились первые определенные мечтания о любви, и рядом — приступы отчаяния и иронии, которые нашли себе исход через много лет — в первом моем драматическом опыте ("Балаганчик", лирические сны)".

Необычайно тонкий музыкальный слух Блока сделал его способным различать в жизни прекрасное *не видимое* для других людей, но также сделал его чрезвычайно чувствительным к фальши и пошлости, к искажению первозданно-прекрасного. Экстаз перед образом красоты и горькая ирония при невозможности сохранения навечно этого образа характерна для всего творчества Блока. В статье "Ирония" (газета "Речь", 7 декабря 1908 года) дано объяснение самим поэтом трагической двойственности его восприятия мира, видения жизни как маскарада, вызывающего смех, за которым стоит боль. Ироническое отношение к миру Блок определял как результат потери чувства добра и зла, как разрушительную болезнь поколения: "Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа 'иронией'. Её проявления — приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается — буйством и кощунством". "Бес смеха" уничтожает всё: и любовь, и творчество, и жизнь. Блок, сам страдающий от разрушительной иронии, призывал зрителей: "Не слушайте нашего смеха, слушайте ту боль, которая за ним. Не верьте никому из нас, верьте тому, кто за нами".

В "Предисловии" к сборнику "Лирические драмы", написанному в августе 1907 года, Блок уже высказал эту же мысль. Он особенно настаивал на лирическом характере трех драм — "Балаганчика", "Короля на площади" и "Незнакомки", говоря о сложности переживаний, высказанных в лирике. Блок отметил, что все три драмы "связаны между собою единством основного типа и его стремлений", а также "объединены насмешливым тоном, который, быть может, роднит их с *романтизмом*, с тою 'трансцендентальной иронией', о которой говорили романтики".

Жертвами этой иронии стали и Пьеро, и Поэт в "Короле на площади", и другой Поэт, "размечтавшийся, захмелевший и прозевавший свою мечту" в "Незнакомке". Далее Блок пишет: "Все они ищут жизни прекрасной, свободной и светлой, которая одна может свалить с их слабых плеч непосильное бремя *лирических* сомнений и противоречий и разогнать назойливых и призрачных двойников..." "Коломбина — светлая невеста, которую только болезненное и дурацкое воображение Пьеро превратило в "картонную невесту..." Следует отметить, что уже в 1903 г. (апрель), в цикле "Распутья" была выражена идентичная мысль о боли, скрывающейся под шутовской маской:

Я был весь в пестрых лоскутках,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутях,
И рассказывал шуточные сказки...

Слушая паяца, "Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно..."

Премьера "Балаганчика" (напечатан впервые в начале апреля 1906 г. в альманахе "Факелы") состоялась 30 декабря 1906 года в театре Веры Федоровны Комиссаржевской, в постановке Вс. Эм. Мейерхольда, исполнявшего также роль Пьеро. Н. Н. Волохова с А. И. Зоновым исполняли роли третьей пары влюбленных. Мейерхольд и художник Сапунов воплотили наяву Блоковскую иронию, его смешение трагического и смешного в ярких балаганно-ярмарочных образах. Спектаклю была возвращена его былая театральность, яркость и эксцентричность комедийного действия итальянской Коммедиа дель Арте и пьес Мольера, амбивалентность сценического зрелища с его противоречивым сочетанием иллюзорности и реальности.

За месяц до постановки "Балаганчика" Блок пишет стихотворение "Балаган" (ноябрь 1906 г., "Разные стихотворения") с эпиграфом из пьесы Александра Дюма "Кин или Гений в беспутстве": но в центре картины из жизни бродячих актеров поставлены опять Арлекин, Коломбина и Пьеро. Их жалкий "полинялый балаган" — реальность, правда жизни, и сами они воплощают двойственность действительности, которой *не избежать*: "Актеры, правьте ремесло", призывает их поэт.

Блок увлекается театром Комиссаржевской, проводит много времени с актерами, что, так же как и поступление жены поэта Любови Дмитриевны на сцену, вызывает порицания Андрея Белого, видевшего в этом "предательство", выдачу тайны "мистерии": "...в 'сцене" я видел для жизни А. А. и Л. Д. лишь кулисы; и самое тяготение к подмосткам рассматривал, как болезненное извращение чистоты теургических устремлений недавнего прошлого" (А. Белый, "Воспоминания о Блоке", с. 493).

В этот же период Блок пишет вторую лирическую драму — "Незнакомка", как бы развивая тему стихотворений "Незнакомка" и "Там дамы шеголяют модами", написанных в апреле 1906 года. Среди трактирной пошлой повседневности, которая превращается в глазах поэта, "оглушенного и взволнованного вином, зарей" и встречей с Незнакомкой, в повседневность мистическую, он старается разгадать и узнать — кто же она, эта "непостижимая и единственная" женщина? Она не в маске, но лицо ее скрыто вуалью, через которую поэт видит или угадывает ее синие глаза, зовущие одинокого поэта в очарованную даль его романтической мечты. Фантастический реализм Блока, унаследованный им от Достоевского, достигает здесь наивысшего развития. Привокзальный ресторан станции "Озерки", мост, ведущий на Крестовский остров, пивная на углу Зелениной улицы, где бывал поэт, — всё это тесно переплелось с созданным поэтом миром. Поэт — *теург*, он обладает "тайным знанием" мира и образов, созданных его искусством: "Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло, наконец, *то*, что я (лично) называю *"Незнакомкой"*: красавица-кукла, синий призрак, земное чудо". Волшебный мир поэта, созданный его искусством, так же реален для него как и действительность.

Как видим, в статье "О современном состоянии русского символизма" Блок дал ясное объяснение своей "Незнакомке": "Незнакомка, Это вовсе не просто дама в черном платье со страусовыми перьями на шляпе, Это — дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового". И далее Блок продолжает объяснение созданного им образа, цитируя самого себя: "Шлейф, забрызганный звездами, / Синий, синий,

синий взор. / Меж землей и небесами / Вихрем поднятый костер". ("Земля в снегу", Разные стихотворения), а также стихотворения 1905 года: "Там, в ночной завывающей стуже / В поле звезд отыскал я кольцо / Вот лицо возникает из кружев... И над мигом свивая покровы, / Вся окутана звездами вьюг, / Уплываешь ты в сумрак снеговой, / Мой отвлека загаланный друг".

Создание искусства, романтическая мечта не могла быть узнана людьми, когда она сошла на землю в виде Марии и появилась в заснеженном Петербурге и в светском салоне. Незузнанная даже самим поэтом, она покинула людей и снова засияла яркой звездой.

Известно, что Блок возражал против утверждений, что "Прекрасная Дама" превратилась в "Незнакомку": "Это — венесантитезы" ("О современном состоянии русского символизма"), Мистического поэта "Прекрасной дамы" уже не было: "Ты в поля отошла без возврата" — так начал Блок "Вторую книгу стихов" (Вступление, 15 апреля 1905 года). "Розово-золотая атмосфера" (по выражению Андрея Белого, "Воспоминания"), в которой писались "Стихи о Прекрасной Даме", лазурь и голубой цвет уступили место серо-лилово-зеленым сумеркам: Блок делался другим; возникал "новый Блок" — поэт-романтик, ясно сознающий двойственность мира, но не оставляющий своей романтической мечты. Блок полностью захвачен стихией маскарада, тайной маски в черном, прообраз которой уже появился во второй паре влюбленных в "Балаганчике". В статье "Молнии искусства" (октябрь-ноябрь 1909 г.), говоря о двойственности старой и современной Италии, Блок писал: — "Всё — древний намек на что-то, давнее воспоминание, какой-то манящий обман. Все маски, а маски — все они кроют под собою что-то иное". И даже голубые ирисы во Флорентийском парке кажутся ему чьими-то масками.

В циклах "Снежная маска" и "Фаина" трансценденция реальности идет еще дальше. Было бы упрощением поэзии и поэтического таланта Блока сводить весь этот цикл только к биографическим фактам, как бы ни были часто убедительны сопоставления действительных событий со стихами. Безусловно, воспоминания артистки Валентины Петровны Веригиной пре-

красно воссоздают реальную атмосферу зимы 1906-07 годов, дружбу Блока с тремя актрисами, их совместную работу при постановке "Балаганчика" в театре Комиссаржевской. Дружеские беседы, вечера, проведенные среди друзей, поездки в рестораны после спектакля, прогулки по заснеженным улицам Петербурга и, наконец, чрезвычайно популярные в то время маскарады, как описанный Веригиной бал "бумажных дам" — всё это помогает понять то настроение и атмосферу, в которой находился Блок.

Воспоминания Наталии Николаевны Волоховой и жены Блока добавляют некоторые детали, помогающие понять эту атмосферу. Так, Любовь Дмитриевна Блок пишет, что эта зима была "какая-то жизнь вне жизни", все спутницы и спутники Блока были под властью "снежных чар" и были закружены пургой. ("Александр Блок в воспоминаниях современников", том I, Москва, "Художественная Литература", 1980, с. 178). Веригина также пишет, что в эту зиму, особенно после премьеры "Балаганчика", все близкие к Блоку "вступили в волшебный круг игры" и "блоковский хоровод" со Снежной Девой в центре "жил двойной жизнью: одной реальной, другой — в серебре блоковских метелей". Однако, несмотря на почти полную карнавализацию жизни, в стихах и в настроении поэта отсутствует один из основных элементов карнавального мироощущения и подлинного карнавала — беззаботный, облегчающий смех, веселый гротеск, который на период карнавала освобождает человека от всех норм необходимости, управляющей основными отношениями человека к окружающему его миру, и развенчивает всё враждебное и страшное в повседневности, превращая ее в забавную фантазмагорию. Маски Блока кружатся в трагическом маскараде и причиняют поэту страдание.

Поэт воплотил в "Снежной маске" и в "Фаине" двойственную сторону жизни — ее реалии и фантазии, маскарадное веселие с влюбленностью и снежным вином, но и с болью о том, что "ветер голубой" и снежная мгла увлекут всех в бездну. А пока не настал еще конечный холод, Он и Она предаются "сфере метелей" — они "в лунном круге" ("Голоса"), из которого поэту уже не выйти: "И опять метель, метель / Вьет, поет, кружит.../ Все — виденья, все — измены..." ("Фаина", "Заклятие огнем и мраком", "О, что мне закатный румянец") — поэт заморожен

маской и захвачен колдовской пляской: "О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска..."

Поэт старается угадать, *что* скрывается под маской, узнать — *кто* она: "А под маской было звездно". Он видит "В темной маске / Прорезь / Ярких глаз" ("Маски". "Сквозь винный хрусталь") и понимает, что значат "два луча", которые "струит его веселье": "То горят и дремлют маки / Злых очей". ("Прочь!") Облик поэта изменился — он сам теперь "Рыцарь с темными цепями / На стальных руках". Его тень, так же как тени королей с венцами, шутов с бубенцами и дам со шлейфами, пляшет на стене. Он вовлечен в игру, он слышит голос маски: "К нашим сказкам, милый рыцарь, / Приклоните слух..." ("Тени на стене"). Но вовлекиши рыцаря в сказку, маска, принимающая розы от других, насмехается над ним: "И сказала: 'Рыцарь, что ты? / Это — сны твоей дремоты.../ Что ты хочешь услышать?..' (Маски. "Насмешница"). Поэт слушает "страшную сказку", всё ему снится вновь и "Он сам рассказывает сказки, / Опершись на меч" ("Снежная маска", "Бледные сказанья"). Он без конца готов повторять рассказ о снежном маскараде, о своей обманутой любви, о Снежной Деве, змее и звезде: "Я какие хочешь сказки / Расскажу, / И какие хочешь маски / Приведу".

Маске сопутствуют метафоры звезды и змеи. Она воплощается в звезду, в комету и увлекает поэта в снежную вьюгу: он забывает всё и всех, опьяненный снежным вином: "И звезда за звездой / Понеслась, / Открывая / Вихрям звездным / Новые бездны". Поэт чувствует, что он летит "В пропасть черных звезд" вслед за маской: у нее на ее "тяжелозмейных волосах" "Трех-венечная тиара / Вкруг чела" и "На конце ботинки узкой / Дремлет тихая змея". Многоликая сущность маски постепенно разгадывается поэтом, ему уже ясна ее змеинная порода: "И рыжий сумрак глаз твоих / Таит змеиную неверность / И ночь преданий грозových". Поэт просит ее прекратить его страдания:

"Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши"

Поэт знает: исхода нет: "Весны не будет, и не надо / Крещеньем трстым будет — Смерть". Любовь к маске должна принести поэту гибель: видение Смерти появляется всё чаще:

"Вьюга строит белый крест...
И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть".

Но поэт уже не может освободиться: ему весело принять гибель от нее:

"Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!"

И далее: — "И взвился костер высокий / Над распятым на кресте". Маска принимает его жертву:

"В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!"

В последний момент он услышит ее голос: "Забудь", и увидит ее:

"Надо мною ты в синем своем покрывале,
С исцеляющим жалом — змея..."
(Фаина "За холмом отзвенели упругие латы")

В циклах "Снежная Маска" и "Фаина" — черно-синяя бездна, открывающаяся сквозь снежную метель, и погоня за маской с шлейфом черным ("И я провел безумный год / У шлейфа черного"), влекущей поэта к смерти, в ночь, "откуда возвращения нет". В этой маске Андрей Белый видел воплощение той, о которой Владимир Соловьев сказал: "Вся ты в огнях, как полярное пламя, / Темного Хаоса Светлая Дочь". Поиски идеала, мистическая любовь побеждаются страстью, кровью, обагрившей снега, гибелью, за которой ничто, пустота, черная мгла. И мир, воспринимаемый в таком аспекте — "Страшный мир".

Поэт-романтик, поэт-фантаст погибает в карнавальном ритуале, сгорает в снежном огне. Образ маски исчерпан и, хотя месяц, который уже в период "Распутий" (1902-1904 гг.) являлся поэту как "небесный Пьеро", который в момент смерти поэта

встанет как "красный паяц на юру" и затем часто наблюдавший за ним "с издевкой", "искривив свой рот", появляется опять в прежнем гротескном виде: "Вон месяц, как паяц, над кровлями громад / гримасу корчит мне..." Позднее Блок переходит к другим темам. Личное постепенно уступает место более общему, карнавализованная маскарадная фантастика сменяется размышлениями о родине, ее прошлом и будущем, о ходе истории, судьбе цивилизации.

Следует отметить, что в "Итальянских стихах" ("Книга Третья", 1909 год) образ маски и карнавала отсутствует; даже Венеция не вызывает ассоциаций с традиционными карнавальными картинками. Эти стихи полны упоением красотой — городов, Адриатического моря, старинных храмов и зданий, произведений искусства, девушек Равенны и Сполето, а также размышлениями о бренности человеческой жизни. Изумительные произведения искусства, накопленные старой Италией, не ценятся современной "обывательской чернью" — жизнь превращается в "уличный фарс", как пишет Блок в незаконченной книге своих итальянских впечатлений ("Молнии Искусства". Введение). Так вся действительность, вся жизнь, по Блоку, включает в себе двойную сущность — великое и мелочное, прекрасное и пошлое, живое и мертвое. Блок как бы иллюстрирует свою мысль упоминанием о масках, появившихся в центре Флоренции. Наблюдая движение толпы на улице Calzaioni, Блок увидел странную небольшую процессию: три человека в капюшонах, низко опущенных на лицо, спеша, везут черную двуколку, в которой угадывается тело мертвеца. У переднего в руках — факел; это "братья милосердия", которые быстро вкатывают повозку в ворота дома на углу улицы. Сцена эта производит впечатление какого-то жуткого карнавала, "странного представления", с целью скрыть истинный смысл происходящего. И цель художника и поэта для Блока — угадать, что скрывается за обманчивой внешностью, где настоящее и где подлинное?

Надежда Натова

УШЕДШИМ

Простите, если можете, простите
За втайне пожираемый чеснок,
За явный дым. Еще за ноги прыти,
За руки-хватки, за хромой стишок.

За синий снег и смуглую пшеницу,
За ржавый лес и русский долгунец,
За иззелена белую зарницу...
За то, что я жилец, а не мертвец.

Как дышится, как можется? — Иначе
Без очной ставки розы и пчелы,
Звезды и бездны... Или — наипаче...
Что мило вам?.. А вы еще милы.

Чем окормлю гостей? — Боровиками...
А вы давненько перестали есть.
Родные, неужели вы не с нами
В раю, нирване... или же: невесть...

Цепляешься за жизнь? А почему же
Хвалящий, на земле родился я?
Поэтому свидетельствую: — Хуже
Везде, где не было еще меня.

Юрий Иваск

ДИМИТРИЙ МЕРИНОВ

(1896-1971)

Русские художники в эмигрантском рассеянии — сколько мы видим разных судеб, счастливых — с грустным концом и грустных — со счастливым! Профессиональные удачи или неудачи каждого художника зависели не только от условий, в которые он попадал за границей, но и от того духовного запаса, который он принес с родины. Запас этот не заключается обязательно в верности каким-то русским традициям, а в той витальности, любознательности, восприимчивости к новому, которые отличали лучших творческих людей России.

Многие русские художники первой, пореволюционной эмиграции попали на Запад уже сложившимися мастерами — Бенуа, Добужинский, Гончарова, Ларионов, Анненков, Экстер и многие другие. Некоторые же только начали свою художественную жизнь на родине и главные годы всей творческой жизни прошли уже в эмиграции. Кем считать таких художников — русскими? Французами? Американцами? Ответ на это легок, если русский художник или совсем ассимилировался в стране, где жил, или, наоборот, продолжал оставаться русским по мироощущению и тематике. Однако, у большинства русских художников, начавших писать еще в России, но созревших на Западе, мы видим не только наложение двух культур, но и влияние разных современных течений искусства. Где уж тут искать "русскость"! Да и нужно ли? Все же, кажется мне, подобно тому, как человек, прекрасно изучивший иностранный язык, тем не менее говорит на нем с едва уловимым акцентом, так и русский художник на Западе часто сохраняет свой легкий русский акцент.

При каждой новой встрече с творчеством русского художника-эмигранта эта мысль утверждалась во мне все крепче и яснее. Такой новой "встречей" для меня было знакомство с творчеством скончавшегося в 1971 г. в Нью-Йорке русского художника Димитрия Меринова. Живя в одном городе, мы, к сожалению, не знали друг друга. Только через одиннадцать лет после его кончины, я имел удовольствие познакомиться с его работами, охватывающими почти 50 лет: с 20-х годов до конца его жизни. Вдова художника сохранила его ателье в Нью-Йорке. Там — большинство его работ. С любовью она составила и биографию мужа. Будучи австро-венгеркой по рождению и не владея русским (они говорили между собой по-французски), Роза Меринова записывала мысли мужа, относившиеся к искусству, и образ этого талантливого, ищущего, полного неистощимой энергии художника ей удалось воссоздать. Надо надеяться, что творчество его найдет оценку в форме монографии.

Димитрий Васильевич Меринов родился во Пскове в 1896 году. Отцу его принадлежал там большой магазин, где торговали мазутом, солью, соленой рыбой, табаком, чаем. Димитрий был младшим из трех братьев.

В реальном училище Димитрий учился далеко не блестяще. Трудности были не только в математике, физике, химии, но и в правописании. Зато рисовать он начал, по его словам, лет с пяти-шести. 16-ти лет поступил во Псковскую художественную школу, где рисовал с гипсов и занимался живописью и скульптурой. С 1914 по 1915-й год учился в Школе Поощрения Художеств в Петербурге (директором был Николай Рерих). Но война прервала обучение. В 1916-м году Меринов был мобилизован и попал в авиационную школу в Гатчине. Там, кстати, находился тогда и Сикорский, будущий знаменитый конструктор вертолетов в Америке. Летчиком Меринов не стал, но получил хорошую подготовку как авиационный механик. Несмотря на военные условия, он имел возможность заниматься искусством — рисовать портреты начальства. Неожиданно, в судьбе Меринова произошел крутой поворот. Зимой 1916-го года русское командование искало авиационных механиков, говорящих по-французски. Найдено было 14 человек, в числе их оказался и Меринов. Всех их вызвали в Петроград, переодели в штатское и по-

слали через Финляндию, Швецию и Англию во Францию работать на авиационной фабрике Испана-Сюиза, изготовлявшей моторы для русской авиации. Париж тех времен, говорил Меринов, был настоящим Парижем, а не тем, чем он стал в 30-е годы. Первое пребывание Меринова во Франции длилось год и ознаменовалось немаловажным событием. Димитрий Меринов выдержал с успехом приемный экзамен в École Nationale des Arts Décoratifs. В этой художественной школе он учился впоследствии, став эмигрантом в послевоенном Париже.

После конца войны и Брест-Литовского мира Димитрий Меринов на родину не вернулся.

Французский период жизни Д. Меринова продолжался с 1920-го по 1947-й год. Во время немецкой оккупации Мериновы переехали на юг Франции, в так называемую "свободную зону" правительства Виши. В 1947 году эмигрировали в Соединенные Штаты.

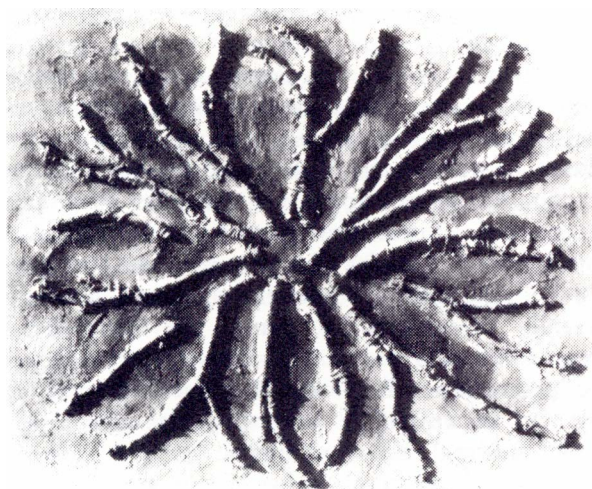
Остановимся на главных этапах творческого пути Димитрия Меринова во Франции. С 1920-го по 1926-й год он учился в École nationale des Arts Décoratifs, где ежегодно получал или первый или второй приз. Одновременно он усердно копировал старых мастеров в Лувре — Эль Греко, Зурбарана, итальянские примитивы, но также и Коро и импрессионистов. Как живописец, Димитрий Меринов принимал участие в групповых выставках Salon des Independants, Salon d'Automne, Salon des Tuileries. Критики Поль Фиранс, Морис Рейналь и Вальдемар Жорж хвалебно отзывались о его работах этого периода. Для заработка Меринов занимался резьбой по дереву. Он оказался прекрасным резчиком-скульптором и ему были поручены не только реставрационные работы в соборе г. Нуайон, разрушенном во время войны, но и заказы на декоративные барельефы для ратуши в г. Эрмон и для Ситэ Университэр в Париже.

Д. Меринов встречался, конечно, с многими художниками "русского Парижа", знал лично Гончарову и Ларионова, был другом Сергея Шаршуна, Ник. Исаева и др.

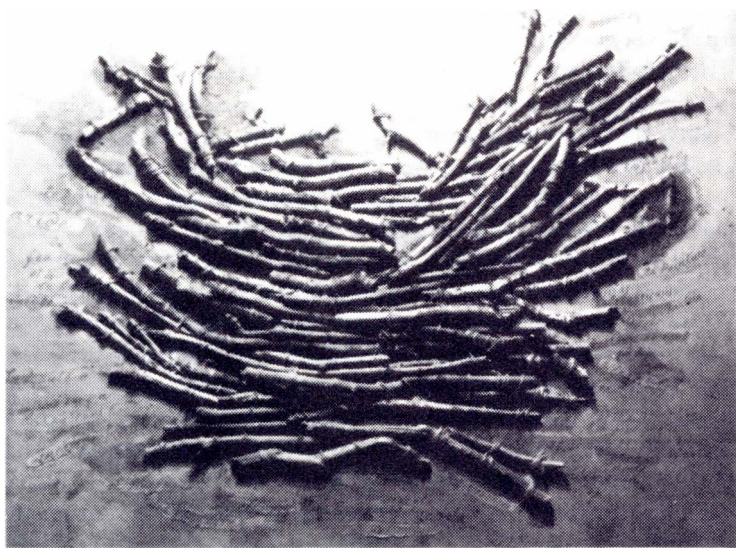
Что же представляет собой Меринов как художник? В его Нью-Йоркском ателье из общего числа работ сравнительно небольшое количество произведений французского периода его

жизни. Мы видим тут довольно разнородные вещи. В пейзажах маслом Меринов явно шел путями французских пост-импрессионистов. Небольшие полотна, крепко построенные, дисциплинированные, выдержанные в серо-зеленой гамме, показывают, что художник ни в коей мере не был простым подражателем, а мыслил и чувствовал "по-французски", но вполне индивидуально-свободно. Менее оригинальны работы, сделанные под влиянием де Кирико, а также гуаши, в которых чувствуется Пикассо и русское театральное искусство дягилевского периода. В резьбе по дереву (к сожалению, судить о ней можно лишь по фотографиям) Меринов проявил себя законченным мастером барельефа в стиле Ар Деко. И если его работы не имеют ярко выраженной стилистической индивидуальности, то чисто техническое их исполнение, например, использование углублений для создания свето-тени, поражает виртуозностью и формальной выдумкой. Димитрий Меринов несомненно принадлежал к тому типу людей, которых в России называли "умельцами". Им легко дается любая техника, они понимают любой стиль и без слепого копирования могут создать достаточно самобытные, самостоятельные произведения. Не создан ли был "русский ампи́р", как и многое другое в русском искусстве 18-го и 19-го веков, именно такими "умельцами"?

Если бы творческая жизнь Димитрия Меринова закончилась во Франции, то мы могли бы говорить только о таланте русского умельца, волею судьбы оказавшемся за границей и успешно работавшем в русле западно-европейского искусства с неизбежной долей русского "акцента". Но путь Меринова оказался более сложен. Прибыв в 1947-м году в Соединенные Штаты и поселившись в Нью-Йорке, художник в первые два года имел персональные выставки в известной галерее Фейгль. Затем наступил длительный период его добровольной изоляции. С 1949-го по 1960-й год Меринов работал в одиночестве и нигде не выставлял своих работ. Почему? Многие художники-эмигранты, попавшие из Европы в Америку, это прекрасно поймут. Причину можно назвать модным сейчас словом "культурный шок". Действительно, новоприбывшему многое в Америке чуждо. С одной стороны, эта сравнительно молодая еще страна не имеет вековых художественных традиций, и как раз к моменту при-

Димитрий Меринов. Композиция, 1964.

Димитрий Меринов. "Вот из чего состоит день", 1965.

бытия Меринова в Америку, находилась в некоем переходном периоде — нарождался американский абстрактный экспрессионизм. Молодежь не хотела идти — "на поводке у Европы" и основные усилия молодого поколения художников были положены на создание своего, американского искусства. Европейский художник, не имевший большого имени, не мог в тот период рассчитывать на успех и даже на возможность сразу же начать жить на художественные заработки. С другой стороны, природа Америки, ее столь отличный от Европы свет (об этом говорил в свое время Матисс), да и всё другое окружение — города, люди, ритм жизни и т. д. требуют времени для того, чтобы их как-то художественно осмыслить. С этим, повторяю, сталкивается каждый художник-эмигрант и для многих этот культурный шок бывает болезненным. Был он болезнен и для Дмитрия Меринова. Он не хотел, не мог жить на свой старый художественный "капитал", а нового еще не было. В записках его жены находим такой эпизод: как-то раз один из дельцов, рассматривая французские полотна художника, указал на некоторые, понравившиеся ему, и предложил Меринову работать в "этом стиле" — тогда, возможно, он попытается их как-то продвинуть. "Я этого не могу, — ответил художник, — я должен двигаться вперед".

И, действительно, Дмитрий Меринов в эти одиннадцать лет добровольной изоляции двигался вперед. Но он не старался как, увы, делают это многие, приспособиться к новому "климату" искусства, войти в русло новейшего американского искусства. Зарабатывая на жизнь рисунками для текстиля (он, "умелец", и это мог прекрасно делать), Меринов искал средств для изображения новой для него реальности. И в условиях для него уже второй по счету эмиграции это было не так легко.

Работа по текстилю позволяла художнику проводить три-четыре летних месяца в дачных местах Провинстаун и Саутхэмптон на берегу Атлантического океана. Там, среди дюн, воды и неба и создавалась его американская живопись, по характеру своему, кстати, шедшая вразрез со всеми популярными в то время течениями американского искусства.

Отличительной чертой его творчества этого последнего периода было увлечение фактурой. Сначала он использовал песок и ракушки, приклеивая их к холсту, затем перешел к тон-

ким веткам, которые туго пришивал к полотну. Фон и ветви он покрывал толстым слоем краски. Все его работы можно разделить по цвету на три группы — синюю, красную и золотую. Каждый цвет был результатом упорной работы над нюансами и оттенками каждого квадратного сантиметра полотна. Варьировалась и сама поверхность — то матовая, то глянцевитая. Ветви (количество их колеблется от 4-5-ти до 10-12-ти) расположены на полотне обычно вертикально или горизонтально, реже — по диагонали под разными углами наклона. Большинство картин не имеет названия, но некоторые снабжены надписями по-французски и по-английски, например, "Кредо" или "Вот из чего состоит день".

Что побуждает художника создавать такую объемную фактуру? Скорее всего желание какой-то физической осязаемости создаваемого им произведения. У Меринова оно, возможно, было усилено тем, что природа вокруг него была ему мало знакома и он стремился к ней физически приблизиться. Живописная иллюзорность была бы тут недостаточна. Но гадать не стоит. У художника всегда есть свои скрытые причины. Само по себе внесение объемных предметов в живопись не ново. В современном американском искусстве оно практиковалось художниками поп-арт, например, Робертом Раушенбергом. Но он пользовался "редимейд", т. е. изготовленными предметами — материей, металлическими изделиями. Фактурная живопись Меринова более естественна, сдержанна и никак не попадает под рубрику поп-арт. Скорее всего, мы можем найти в ней нечто архаическое, первобытное, отдаленно напоминающее какие-то плетения северо-американских индейцев. А может быть что-то языческо-славянское, от полян и древлян.

Во всяком случае интересно отметить, что за последние 2-3 года, с появлением в Америке и Европе нео-экспрессионизма, один из известнейших его представителей, молодой американец Джулиан Шнабель употребляет в своей живописи битые черепки посуды. Когда, рассматривая полотна Меринова, я упомянул имя Шнабеля, выяснилось, что Шнабелю показывали работы русского художника и он был от них в восторге. Искусство скончавшегося одиннадцать лет тому назад русского эмигранта вдруг "заговорило", зазвучало для молодого американца. Так случалось с работами многих художников, творивших вне и вне-

реди своего времени. Димитрий Меринов оставил после себя много записей, в которых он высказывает не столько свои мысли (никакой философии в них нет), сколько свое отношение к искусству, очень эмоциональное, лирическое. Некоторые записи похожи на стихотворения в прозе. Одно из них в свободном переводе с французского звучит так:

”Как хорошо писать
Это — путешествие
К счастливым берегам,
К вечной Цитере,
Где все есть истина,
Так как все есть иллюзия.
И сон, который тобой самим
Выбран и заказан —
Чистый райский сон розовых видений”.

В другом месте Меринов говорит: ”Я не хотел бы выставять свои картины, потому что они слишком личные, слишком интимные. Это — самый глубокий разговор с самим собой. И если бы это не звучало как богохульство, я сказал бы — это разговор с Богом”. И еще: ”Живопись — это Церемония, совершаемая в Одиночестве. Я хотел бы писать до последнего дня моей жизни”.

Это его желание почти исполнилось. После неожиданной операции, обнаружившей раковые опухоли, художник прожил недолго. В последние дни в госпитале он читал дневники Делякруа. По завещанию, тело было предано кремации и прах развеян на острове в штате Мейн, у океана.

Какую общую оценку можно дать творчеству Димитрия Меринова? Можно ли считать его русским художником? Несмотря на сильнейшее французское влияние, несмотря на самостоятельные творческие поиски вне каких-либо традиций, ”русский акцент”, о котором говорилось выше, в работах Меринова все же можно найти. Хочется тут обратиться к интереснейшей книге поэта Бенедикта Лившица ”Полутораглазый стрелец”, описывающей возникновение русского футуризма в бурные предреволюционные годы становления русского авангарда. В главе ”Мы и Запад” Лившиц приводит отрывки из своего доклада, прочитанного по случаю приезда в Россию вождя итальянских футуристов Маринетти. Лившиц, настроенный в те

времена весьма "евразийски", так определял особенности русского искусства по сравнению с европейским: "Наша сокровенная близость к матерьялу, наше исключительное чувствование его, наша прирожденная способность перевоплощения, устраняющая все посредствующие звенья между матерьялом и творцом — словом все то, что так верно и остро подмечают у нас европейцы и что для них всегда остается недоступным. Да, мы чувствуем матерьял даже в том состоянии, где его еще нарекают мировым существом и потому мы — единственные — можем строить и строим наше искусство на космических началах. Сквозь беглые формы нашего "сегодня", сквозь временные воплощения нашего "я" мы идем к истокам всякого искусства — к космосу".

Целиком ли справедлив этот гимн русскому искусству — вопрос в данном случае второстепенный. Но мне кажется, что Бенедикт Лившиц уловил несколько характерных черт, свойственных русским художникам (впрочем, не им только одним). Это, во-первых, чувство матерьяла, то самое чувство, которое и рождало русских умельцев во всякого рода ремеслах и искусствах. И Меринов обладал им. А во-вторых, тяга к космическим началам, т. е. к какому-то духовному откровению. К нему он тоже стремился во второй, американский период своего творчества, отвергая господствующие течения современного ему искусства. В этом и заключается его "русский акцент".

Трудно сказать, получит ли живопись Меринова достаточно высокую оценку в ближайшее или позднейшее время. Надо надеяться, что да. Но след, оставляемый художником в искусстве его времени не измеряется степенью его известности, а той цельностью и чистотой, которой он обладал как человек и как художник. Ибо его труд не дает искусству превратиться в коммерцию или моду. Мне кажется, что подобно тому, как существуют по всему миру памятники Неизвестному солдату, должны существовать также памятники мало известным художникам — в виде внимательного и бережного отношения к их творчеству и в благодарной памяти о них как о честных художниках-профессионалах.

Сергей Голлербах

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВЕ

МОСКВА*

Большим событием этого времени было появление в печати монументального труда Флоренского — "Столп и утверждение истины". О нем говорилось во всей культурной Москве. Вячеслав с Флоренским был давно дружен, еще с того времени, когда тот заходил на Башню будучи молоденьким студентом-математиком. В Москве они, конечно, видались, но не часто, т. к. Флоренский жил в Троице-Сергиевске, где был священником какого-то села на окраине посада. На меня книга Флоренского произвела огромное впечатление, даже повлияла на мою внутреннюю жизнь. Мне было очень трудно понимать ее, но все же я одолела весь том. Флоренского лично я помню, когда мы на святках поехали с Верой говеть и остановились на несколько дней в одном из скитов посада. 23 декабря мы, возвращаясь домой, зашли к Флоренскому. Домик, вроде избы, вокруг садик с густым кустарником. Сам Флоренский в рясе, небольшой, очень худой, с бородкой и длинными, как полагается, волосами имел вид благообразный, тихий, напряженный, ласковый. Дом внутри бедный, но очень чистый, о чем заботилась скромная, смиренная молодая жена. Вокруг много маленьких детей. На столе — блюдо из какого-то зерна, крупного, белого (ячмень?), сваренного с медом. Флоренский угощал нас и объяснил, что это по старинному обычаю полагается есть накануне сочельника. Мы долго сидели, говорила Вера, я дичилась, но жадно слушала

*См. кн. "Н. Ж." 147, 148.

каждое слово. Флоренский нам рассказывал, как он хотел быть монахом, как старец, его духовник, ему этого не позволил, а велел сделаться "белым священником" и жениться, как он встретил на мосту свою суженую. Когда мы уходили, ему попались, не знаю как, рисунки, которые я набросала на полях какого-то листа бумаги. Он взглянул и попросил их ему дать: что-то в них его заинтересовало.

Он провожал нас. Мы шли по каким-то дорогам, сырым и узким. Переходя через канаву по деревянному мостику, я заметила на земле булавку и наклонилась, чтоб ее поднять. "Оставьте, — сказал Флоренский, — вещи с остриями опасны. Они могут быть заколдованы".

*

С Вячеслава многие художники писали портреты — в Петербурге, в Москве, а после и в Риме. В Москве скульптор Голубкина сделала с него бюст. Работала она в своей мастерской и Вячеслав должен был ходить к ней на сеансы. Но кроме того, она часто приходила к нам просто в гости. Она была грузная, большая голова с огромными чертами лица низко посажена на сутулых плечах. Когда говорила, выражала свои мысли с усилием. Производила впечатление чего-то среднего между гениальностью и сумасшествием. Когда бюст был готов, его перенесли к нам в гостиную.

Среди наших частых посетителей был старичок Николай Николаевич Прейс (ему посвящено стихотворение "Тень Фета"*). Он не очень свободно двигался, и реакции его в разговоре были не совсем нормальны. Николай Николаевич был влюблен в поэзию и все время декламировал вслух стихи. Знал наизусть целые сборники и говорил, что прежде чем заснуть, он каждую ночь тихонько в постели читает десятки и десятки стихотворений. Это были главным образом классики, но попадались и стихи Вячеслава. Сидя у нас за столом, он то и дело чередовал чтение стихов с какой-нибудь церковной молитвой.

Когда был поставлен в гостиную бюст Вячеслава работы Голубкиной, Николая Николаевича пригласили посмотреть на

*III, 525.

него. Он мелкими шажками подошел к нему, взглянул, издал тихий стон и начал креститься, произнося какую-то молитву, и затем скорее удалился обратно в столовую, где долго еще крестился.

Был ли прав Николай Николаевич, что бюст казался дьявольским наваждением? Во всяком случае, он был кошмарным, а черты лица походили больше на самое Голубкину, чем на Вячеслава.

*

Заходит Брюсов. Они разговаривают с Вячеславом за стаканом чая. Какие у Брюсова глаза! Огромные, красивые, лучезарные, но какие-то неуютные! Совсем другие, чем у его сестры, музыкантши Надежды Яковлевны, с которой я дружу. У нее глаза тоже красивые, огромные, лучистые, но они, открытые, как бы заывают на дружбу, приглашают вместе чем-то восторгаться. У Валерия же — отчуждающие собеседника; преграда светлая, но из зеркального отстраняющего материала.

Были люди, которые ненавидели Вячеслава без всякой причины. Особенно, например, философ И. А. Ильин. Я была потрясена этим один раз. Мы уходили из квартиры друзей, у которых провели вечер. В передней одевались шубы, ботинки, хозяева провожали. Откуда ни возьмись появился Ильин и начал вопить что-то совершенно непонятное в отношении Вячеслава. Казалось, у него на губах была пена, он весь извивался как в конвульсиях. Друзья окружили его, спровадили на лестницу и удалили. Никакой внешней причины для этой ненависти не было.

*

Сережина рана долго не заживала. Был прострелен основной нерв в бедре. Нога была скрючена, нужно было разрывать сухожилия, чтоб ее выпрямить, операция не удалась и нужно было повторить ее. Сережу долго мучили, и когда наконец отпустили, одна нога у него стала короче и он всю жизнь ходил с палкой. Мы бывали у него ежедневно. Его военный лазарет был в соседнем доме. Там же была церковь, которую мы посещали, с нами бывал и Вячеслав. В церкви был очень хороший и культурный священник о. Воробьев. Он стал другом Вячеслава, а также

и целого кружка религиозных философов, которые жили на том же, как и мы, Зубовском бульваре, но в № 15 (а мы в № 25). Среди них особенно был близок нам С. Булгаков, тогда еще не священник, а профессор одного из высших учебных заведений. Помню его двух детей: хорошенькую девушку Марусю и подростка Федю, учившегося живописи. Когда я тяжело была больна, Булгаков дал мне Федину картину и ее повесили над постелью. Это был крымский пейзаж, и синева моря действовала на меня целебно, умиряя мои кошмары. Булгаков был один из частых посетителей нашего дома.

*

Летом 1916 года мы наняли вместе с Эрнами дачу в "Красной Поляне", за несколько десятков верст от Гагр. Это был греческий поселок с несколькими дачами, построенными группой профессоров из разных университетов. Красная Поляна лежала в глубине небольшой равнины среди высоких горных стен, поросших почти непроходимыми зарослями лесов. Среди них были одичалые деревья: сливы, яблони, груши, черешни. На стволах глубокие раны от когтей медведей, вскарабкивающихся за вкусными плодами. Плоды были мелкие, но очень сладкие, и при нужде можно было бы не умереть с голода, живя целый год в лесу.

— "Мама, мама! Иди скорей сюда! Тут четыре медвежонка. Они играют," — кричит Дима. (Они с няней отправились, как всегда, на лужайку за нашей дачей.) Диму с няней скоро убрали домой. Не дай Бог, придет мать медвежат, испугается, бросится на защиту детей. Медведей в Красной Поляне было очень много. Но медведь там был не опасный: бурый, небольшой и вегетарьянец; только не нужно его пугать. Как-то молодой монашек, о. Маркел, спускался со своей котомкой по тропинке к речке, и вдруг с другой стороны ему навстречу спускается медведь. О. Маркел так испугался, что, не зная, что делает, сел на землю, закрыл лицо и начал твердить молитву. Медведь остановился, удивился, постоял, затем повернулся, поднялся обратно по тропинке, по которой пришел, и исчез.

В монастыре Афона среди русских монахов завелась группа пустынников, учивших о божественной силе имени Иисусова.

Они были имяславцами. Почему-то это учение не понравилось русскому правительству. Святейший Синод объявил их еретиками, и имяславцы были прогнаны с Афона. Они рассеялись по разным краям, ища убежища. Некоторые из них попали в Красную Поляну и стали жить в лесах отшельниками. Они поселились за много верст один от другого, зимой были абсолютно лишены какого-либо общения с людьми, отделенные от них глубокими, непреодолимыми снегами.

Летом посредником между ними служил о. Маркел. Он носил им провизию для зимы — муку, крупу и свечи, спички. Деньги о. Маркел добывал продажей мелких деревянных изделий — ложек, блюдец, разрезных ножей, которые пустыnnики вырезали из красивого белого дерева, напоминающего слоновую кость и прозванного в этих местах "кавказской пальмой".

Эрн чтит этих пустынников и каким-то образом сумел посещать их. Он даже добился раз от одного из них согласия покинуть на несколько часов келью и почтить его и Вячеслава своим присутствием. Вячеслав был очень заинтересован и обрадован этим редким и почтенным гостем. Они закрылись втроем в комнате и между ними шла долгая, оживленная, интимная беседа. В поэме "Деревья" Вячеслав вспоминает Красную Поляну:

И первую мне Красная Поляна,
Затворница, являет лес чинар,
И диких груш, и дуба, и каштана
Меж горных глав и снеговых тиар.
Медведь бредет, и сеть плетет лиана
В избыточной глуши. Стремится, яр,
С дубравных круч, гремит поток студеный
И тесноты пугается зеленой.

Не минуло трех весен, а тебя,
Вожатый мой в тайник живой Природы,
Уж нет меж нас, дух орлий! Возлюбя
И дебри те, и ключевые воды,
Меня ты звал, мгновений не дробя,

Замкнуться там на остальные годы,
Дух правилом келейным оживить
И, как орля, мощь крыльев обновить.

Орешники я помню вековые,
Под коими мечтательный приют
Мы вам нашли, Пенаты домовые.
Где творческий мы вожделили труд
С молитвенным соединить впервые;
И верилось: к нам общины придут,
И расцветут пустынным крином действия
В обители духовного семейства.

Владимир Эрн, Франциска сын, — аминь!
Ты не вотще прошел в моей судьбине.
Друг, был твой взор такою далью синь,
Свет внутренний мерцал в прозрачной глине
Так явственно, что ужасом святынь,
Чей редко луч сквозит в земной долине,
Я трепетал в близости твоей не раз
И слезы лил внезапные из глаз.*

В Красной Поляне кроме Эрна не с кем было общаться. За исключением одного соседа — профессора киевского университета, филолога-классика 'Олиана Кулаковского. Он был правый и глубоко убежденный монархист. За самоваром шли долгие полемические, политические беседы.

*

После Красной Поляны Вячеслав, проделав двухнедельный курс лечения грязями в Мацесте (около Гагр), поселился с Верой и Димой в пансионе "Светлана" в Сочи и не возвратился на зиму в Москву, оставшись на своем любимом юге целый год, т. е. до ранней осени 1917. Я же вернулась с Марусей в Москву для своих занятий в консерватории. С нами в Москве жила семья Эрнов.

В декабре я поехала в Сочи, чтобы там провести рождественские праздники. После снежной московской зимы

*III, 535.

было радостно видеть черную землю, траву, вечно зеленые деревья, даже цветы — но Боже мой, как человеку, попавшему на юг, приходится страдать от холода в этих легких домах с плохим отоплением! Чем южнее, тем холоднее! Среди пансионеров были певцы, один пианист; они устраивали музыкальные вечера. Вячеслав для забавы написал маленькую драматическую сценку и Вера устроила спектакль. Я забыла, в чем было дело, но было что-то патетическое и появлялся отравленный букет цветов.

Вячеслав очень много работал в Сочи. В Сочи написаны части "Человека", много лирических стихотворений, а также он там заканчивал свой стихотворный перевод в размере подлинника трагедий Эсхила. Машинок тогда было мало, и я ему переписала от руки перевод "Эвменид".

*

Когда Дима подрос до трех- или четырехлетнего возраста, я начала ему сочинять приключения воображаемого негртенка, которого мы называли Тотошкой. Тотошка встречался с крокодилами и тиграми, а раз перешел через Босфор по цепи составленной из турок в фесках перевешенной через пролив. Два крайних турка зацепились за минареты, а остальные как бы звенья цепи держали друг друга за ноги. С образом Тотошки мы так породнились, что он, казалось, стал с нами жить. Постепенно стали появляться и другие воображаемые личности: главный красильщик Петухов, квалифицированный рабочий, полный достоинства, "немец" военнопленный, влюбленный в локомотивы и мечтающий ими управлять и т. д. Эти личности к нам приходили, с нами разговаривали, и мы участвовали в их повседневной жизни, а они в нашей.

Не знаю, как это случилось, но эта игра воображаемых личностей дошла и до Вячеслава, который страшно забавлялся ею. Само собою разумеется, это делалось, когда не было никого постороннего. Сидя за обеденным столом, я обыкновенно разыгрывала какую-нибудь выдуманную персону, приходящую к Вячеславу. Естественно, что к Вячеславу приходили другие типы, чем к маленькому Диме, но по мере того, как он подрастал, они стали общие. Был художник Курлыков, Фьоресценский рациона-

лист, *libre penseur*, человек полукультуры, бывший недоучившийся семинарист, была старая, нетерпимая дама теософка Седмисферова; Пантелеймоша, молодой человек, модный светский лектор, который читал по несколько публичных лекций в день и заболел от перегрузки работой, и др.

Из нашей привычки к воображаемым личностям вышел забавный инцидент. Вячеслав и Вера просили меня дать им телеграмму после приезда в Москву (это было после рождественских каникул). Еще нужно добавить, что я, балагурия, говорила, что отсутствие формы первого лица единственного числа настоящего времени глагола "быть" в русском обиходном разговоре неудобно, и потому я выдумала глагол "существовать быть". Вернувшись, я послала в Сочи телеграмму: "Существую быть. Курлыков". Через два дня явился солдат — "Здесь проживает господин Курлыков? Ему повестка от военного министерства незамедлительно явиться в цензурную комиссию". Я страшно испугалась, за меня пошла Маруся: сидит целый синклит генералов. — "Объясните нам, что означает эта телеграмма?" Маруся была энергичная. Она заявила, что "существую быть" есть старинная, истинно русская форма, а Курлыков естественный способ подписывания — просто дочь, осведомляет отца, что благополучно приехала. Бедные генералы смутились и извинились. Они думали, что это шифр, а ведь была война.

Воображаемый мир сопровождал нас в течение всей жизни Вячеслава. Замечательно, что сам Вячеслав прямым действием в нем не участвовал: он был лишь зрителем или читателем, но так любил этот мир, так интересовался им, что когда его не стало, сразу все погасло. В 1926 году мы с Димой были на даче в Олевано (горное местечко близ Рима) и решили, вместо того, чтобы писать Вячеславу письма, — издавать газету. Мы ее назвали "Пуля времен". В сотрудники мы пригласили группу воображаемых личностей. Так передовицу писал обыкновенно генерал Поедай Жаркое, монархист; культурной частью ведал позитивист Фьоресценский; Курлыков занимался иллюстрациями и т. д. "Пуля Времен" продолжала издаваться в течение многих лет, в периоды, когда мы с Димой жили вдвоем вне Рима, и она посылалась по почте Вячеславу. Постепенно "Пуля" обогатилась участием именитейших сотрудников, как Гиппиус,

Метнер, Эллис, Ромэн Роллан, Зелинский, Амфитеатров, Сомов. Вышеуказанные авторы ничего об этом не подозревали, так как тексты были апокрифами, составленными редакцией.

Среди этих именитых сотрудников был и сам Вячеслав Иванов. Так по крайней мере объявила редакция "Пули времен", между тем как трезвые критики утверждали, что напечатанные в "Пуле времен" вещи вышеупомянутых именитых личностей, включая и Вячеслава Иванова, все подложные. "Пуля" очень заставляла Вячеслава и он ждал с нетерпением ее появления.

Приведу несколько отрывков вещей Вячеслава Иванова, появившихся в "Пуле времен", чтобы читатели могли решить, на чьей они стороне в споре между редакцией и трезвыми критиками.

Отрывки переводов размером подлинника:

Один стих из Гомера:

"Кости глотая вослед, жиротечному вкусному мясу"...

Перевод единственного дошедшего до нас фрагмента из лирики Алкея:

"Брысь!"

Приводим две строфы из сонета, обращенного к Моисею Старцеву (М. Альтман):

Мой ученик бывшего Аполлона,
Мне помнится: ты хаживал ко мне,
Словно трабант при Веймарской звезде
Избавлен сам от Вакхова полона.

Ты соты мудрости из моего салона
Унес и факел сам зажег в ее окне.
Вспорхнула бабочкой пернатая Прокнэ,
А ты мудрец — "кто я?" спросил Солона...

В том же номере "Пули времен" помещен литературно-критический анализ этих стихов. Анализ подписан Элен де Кобылева. Вот его первые строки: "Комментарий всегда нужен к поэзии Вячеслава Иванова. Помнится мне, я раз подсчитала в

*Моисей Альтман, ученик и друг В. Иванова, вел с ним в Баку вечерние беседы и записывал их — как Эккерман свои с Гёте.

четырёх его стихах 48½ непонятных терминов и знаков препинания. Итак, первая строфа — первая энигма. Поэт, как известно, — римский католик и не может уже считать Аполлона живым кумиром. Отсюда слово “былого”. Но из сопоставления “мой ученик” с “ученик былого Аполлона” не выходит ли, что *мой* равняется *Аполлона*? Ведь запятых нет... Из смирения поэт играет параллелью, а не полной идентификацией...”

*

Зимний сезон 1916-1917 я провела в Москве с Эрнами, которые у нас жили на Зубовском бульваре и как бы совсем вошли в нашу семью. Эрн был родом из Тифлиса. Он рассказывал, как он в студенческие годы соединился с друзьями, такими же как и он революционерами. Они наняли сарай, где работали и спали на дощатом полу с большими щелями. Там он страшно разболелся и нажил себе хронический нефрит. Со временем его убеждения переменились, и он осуждал этот период своей молодости. Несмотря на плохое здоровье, он всегда был веселый и радостный. Он стал крупным философом, занимался много Платоном, был убежденным православным христианином. Вячеслав, который его крепко любил, применил к нему в шутку поэму — “Жил на свете рыцарь бедный”. Я запомнила эти стихи:

“По хвосту одной идеи
Раз забравшись на звезду
Видел он как в Эмпирею
Неф Эрот Сковороду...”

Одна из первых книг Эрна была этюд о философии Сковороды.

С Эрном я очень дружила. Иной раз мы говорили с ним об очень душевных проблемах, а иной раз, к восхищению его маленькой дочки Ирины, предпринимали ярые сражения подушками, лежащими на диванах.

*

Наступает февральская революция. Я почему-то оказываюсь на улице, иду вдоль кремлевских стен, пробираюсь сквозь толпу. Весенний ласковый день, светит солнце, и тут странное явление: конечно, в церковные колокола никто не бил, но у меня

в памяти стоит яркое воспоминание пасхального перезвона со всех колоколен. Встречные все смотрят друг на друга, как на родных, многие целуются. Упал старый режим, точно по чудесному мановению растаяла, исчезла тяжелая свинцовая крепость. Как карточный домик. Бескровная революция.

Попадаю, наконец, домой и бросаюсь делиться радостью с Эрном. Не знаю, выходил ли он из дома за день. Он не хочет меня разочаровывать, но я чувствую, что он как-то недоверчиво относится к событию. А может быть, уже началась его болезнь и бросала тень на его жизнь.

Эрн действительно заболел. Его хронический нефрит принимает неожиданно острую форму и после недолгой, но очень мучительной болезни он умирает. Перед смертью его приезжал к нему Флоренский. Похоронная процессия проводила гроб в Новодевичий монастырь под пение Христос Воскресе.

Для меня это было большое горе. К этому событию относится стихотворение "Скорбный рассказ"*. Оно описывает, как я рассказывала про смерть Эрна Вячеславу и Вере, когда приехала к ним на каникулы в Сочи. Мы сидели на берегу моря на скалах у самой воды.

*

Хотя ход истории начал омрачаться, а внутри страны уже появились признаки дезорганизации и некоторого недостатка в продовольствии, жизнь еще шла нормально. Все вернулись в Москву сравнительно рано. Вера и Вячеслав даже опередили общий приезд — мы остались на недолгое время с Марусей и Димой для перевозки вещей. Наш переезд произошел не без волнения. Только что провели железную дорогу между Туапсе и Сочи. До этого эти города соединялись моторной лодкой или автомобилем.

Официальных билетов нам не дали, а разрешили на свой страх поместиться с багажом на платформе торгового вагона. На этой платформе мы провели ночь в Лазаревке, перед тем как поезд двинулся дальше. Но какие звезды над головой! Какой

*III, 524.

пейзаж! Это место, где главные цепи Кавказа подходят к морю совсем близко, как бы бросаются на него.

*

Лозунг Керенского: "Война до победного конца и мир без аннексий и контрибуций по самоопределению народов" не смог спасти фронта, который стал разлагаться. Разлагался медленно и порядок в тылу. У интеллигенции, однако, еще было много оптимизма. Еще верили в созидающуюся светлую свободную родину. Вячеслав напечатал тогда в "Русском Слове" ряд патриотических стихотворений. Вот два из них:

*

Пока грозит свободе враг,
И не шумит народный стяг
Над всей землей народной,
И грохот пушек не умолк
Сомкнись народ в единый полк
На брань народ свободный!

Свобода — честь, свобода — долг,
Свобода — подвиг славный,
Свобода — труд державный!

Доколе попран твой очаг,
И братский не алеет флаг
На вражеской твердыне,
Пока сосед соседу волк
Сомкнись народ в единый полк
Вокруг своей святыни!

Свобода — честь, свобода — долг,
Свобода — подвиг славный,
Свобода — труд державный!

Вперед идя за шагом шаг,
Будь верен первой из присяг:
Пока не сыт голодный,
И с братом брат — так с волком волк,
Твоя свобода — праздный толк.
Вперед народ свободный!

Свобода честь, свобода — долг,
Свобода подвиг славный,
Свобода — труд державный!
(10 мая 1917)

МОЛИТВА

Боже, спаси
Свет на Руси;
Правду Твою
В ночь вознеси.
Солнце любви
Миру яви,
И к бытию
Русь обнови.

Боже, веда
Вольный народ
К той из свобод,
Что впереди
Светит земле
Кормчей звездой.
Будь рулевой
На корабле.

Решено было создать новый гимн России. Написали Вячеслав и Бальмонт. А. Т. Гречанинов с энтузиазмом написал музыку к гимну Бальмонта:

Да здравствует Россия!
Свободная страна!
Свободная стихия
Великим суждена... и т. д.

Музыка была легкая и сходившиеся друзья подпевали. Устраивались концерты. Ходили в гости. Мы дружили в ту эпоху с Кокошкиными. У меня школьные гимназические учения уже второй год, как были окончены. Я была на третьем курсе в консерватории (фортепиано), по классу профессора А. Б. Гольденвейзера.

*

Октябрьская революция грянула на нас, как гром на голову. Наш дом оказался на линии фронта. В Москве сражение длилось 6 дней. Гремели пушки, нам говорили, что стреляли с Воробьевых гор в центр — снаряды пролетали над нами. На улицах тоже шла непрерывная стрельба из ружей и пулеметов. Обыватели сидели, не выходя из дому, нельзя было проскользнуть на площадь за хлебом или молоком. Прямо против наших окон, из которых был такой широкий кругозор, пылал огромный пожар. Ночью адское зарево охватывало полнеба. Это горели строения, в которых между прочим помещалось и книгоиздательство Сабашникова. Там в типографии сгорели и все экземпляры только что напечатанной книги Вячеслава "Эллинская религия страдающего Бога".

Под вечер одного из этих дней в нашу квартиру начали стрелять. Одна пуля пробила окно комнаты для прислуги. Почти одновременно зазвонили и застучали в дверь, и ворвалась группа красноармейцев, может быть, пьяных, а, может быть, просто "вне себя". — "От вас стреляли из окна! Выдайте оружие!" К ним вышел Вячеслав совершенно спокойный. — "От нас не стреляли. У нас нет оружия". — "Это мы сейчас увидим!" Они ворвались вслед за Вячеславом в его библиотеку — "Обыщите", говорит Вячеслав. — "Кто же это может такую комнату обыскать. Идите с нами вниз, там объяснимся". Вячеслав согласился и начал надевать шубу. Но что-то в его спокойствии, голос, может быть, какая-то духовная сила, повлияли на них, они вдруг как-то осели, почти смутились: — "Не надо, не надо, товарищ. Это недоразумение", и ушли.

Помню наш испуг, а потом радость избавления. Ведь в эту черную смутную ночь, когда царил полный хаос, если бы они увели Вячеслава, вряд ли мы бы его больше увидели. Я почувствовала уважение к его внутренней силе. Кстати, опасность была еще в том, что в ящике письменного стола лежал старинный зиновьевский револьвер; из слоновой кости, но все же револьвер. Маруся его туда сунула, не зная, что с ним делать, т. к. было велено всем, кто имеет оружие, сдать его. Вячеслав, однако, этого не знал.

Никто не был осведомлен о том, что происходит. Соседи

встречались и друг другу объясняли — "Это большевики забирают власть" — "А что это за артиллерия?" — "Это союзники с Воробьевых гор. Они нас освободят. Но вот что-то не ладится". — "Не важно. Если большевики и заберут власть, то это будет на месяц, максимум на два".

Сражение кончилось. Победили большевики. По улицам стало можно ходить.

На семейном совете мы решили револьвер у себя не держать, и уничтожить его, чтобы из него никто никого не мог бы убить. Мы пошли для этого с Верой к Москве-реке, как если бы для прогулки, а револьвер завернули в белый пакетик от кондитерской и перевязали цветной ленточкой. Он был небольшой, но тяжелый. Подойдя к воде и уловив момент, когда, как нам показалось, не было вокруг ни души, мы размахнулись и бросили револьвер подальше. Не успел он удариться об воду, как лодка с тремя матросами огибает луку реки, — "Что это вы бросили?" Пакет наш исчез под водой. — "Ничего. Это мы бутерброды ели и бросили бумагу". И тут вдруг к нашему ужасу происходит что-то дьявольское: наш тяжелый револьвер всплывает на поверхность воды, матросы сразу подплывают, чтобы поймать его веслом. Нужно сказать, что мы испугались почти сверхъестественно. Но все хорошо кончилось: весло хлопнуло по пустой бумаге, так как наш зиновьевский револьвер, выпав из бумаги, пошел ко дну.

Жизнь стала быстро ухудшаться. Продовольствие исчезало. Стало все более и более трудно отапливать дома. К соседям, живущим против нашей квартиры приехала родственница старушка-скелет. Не знаю, из какой губернии, очевидно, где уже был настоящий голод. Она не долго болела. После ее смерти мы ходили к соседям на панихиду. Она лежала: кости обтянутые кожей, желтая под желтым светом свечей.

Отголодавшая старуха,
Под белым саваном лежу.
Священник, фимиамом Духа
Над желтой мумией кажу.

И свечку, чуженин захожий,
В перстах рассеянных держу;

На кости под иссохшей кожей
В недоумении гляжу.

Но "Память Вечная" пропета.
Черед — Забвенью... За межу
Троих зовет тройная Лета,
И малый дом свой нахожу.*

Димина няня уехала к себе в деревню и трогательно несколько раз посылала нам "гостинцы" — главным образом пшеничную крупу, которая долгое время составляла базу питания. Голод надвигался постепенно, но неукоснительно. У нас он прекратился с выдачей "академического пайка" в 1920 году. До него было подлинное недоедание. Одно лето появился на рынке сом, потом без конца сушеная вобла. Коровье масло исчезло, затем разные сорта постного масла. Когда они тоже исчезли, вдруг появилось недели на две масло-какао, затем рыбий жир и даже касторка, на которой жарилась картошка. Когда я шла на службу утром в 1919 году, помню, что на улице сидела баба и я пила у нее кружку молока, на обед я носила в пакетике несколько вареных картошек. Паяк хлеба был тогда 1/4 фунта на два дня. Хлеб и картошку нужно было добывать у мешочников, так называемых спекулянтов, которые провозили мешки муки и картошки контрабандой с опасностью для жизни. Возили на переполненных поездах, где многие из них находили себе место только на крышах вагонов.

Отопление в нашем доме уже совсем прекратилось. Маруся стала слабеть, у нее появились опухоли; от слабости предметы начали падать у нее из рук. По совету докторов, ее поместили в больницу, где было тепло и кормили более сносно. Мы начали хлопотать о переводе на другую квартиру, т. к. в нашей от мороза начали лопаться водопроводные трубы. Вячеславу отвели полквартиры на б. Афанасьевском пер., куда мы и переехали. Квартира была меблирована и кем-то покинута; нам дали в ней три комнаты и общую кухню с соседями. Это был, если не ошибаюсь, 1918, и квартира одну зиму была теплая. На следующий год отопления уже не было и в ней. По углам комнат

*III, 233.

виднелся иней, трубы лопнули. Маруся телефонировала, что ей в больнице голодно. К ранней весне 1919 она заразилась там сыпным тифом (была сильнейшая эпидемия) и умерла. Похоронили ее мы на Новодевичьем кладбище вблизи от Эрна. Гроб был из деревянных досок со щелями между ними.

Вера все больше страдала от своей гастрической болезни. Пища, которой мы питались, была ей непереносима. Нужно было ходить на рынок к Сухаревой башне, чтобы продать там старую одежду и на вырученные деньги купить немного белой муки или манной крупы (если такая находилась под поллой у мешочника).

Вячеслав переживал все лишения стоически, ни на что не жаловался, переносил спокойно все неизбежные, болезненные вспышки нервов дома, и продолжал свои мысли и свою работу.

*

В 1918 году я решила, что нужно найти работу, чтобы помогать семье. Я заявила Вячеславу: — "Я хочу поступить на службу к большевикам". Вячеслав не удивился. — "Ах, да? Я слышал, что в наркомпросе есть музыкальный отдел и во главе Артур Лурье. Это тот молодой человек, который ко мне приходил показывать свои стихи на Башню. Я тебе дам к нему письмо".

Не без великого страха я отправилась в здание бывшей первой мужской классической гимназии, той самой, где в свое время учился мой отец. Это было у Пречистенских ворот, на углу Гоголевского бульвара. Я подала письмо, и Лурье меня сразу принял. Он был изысканно любезен, с утонченными манерами. Мое внимание приковывали его белые холеные руки с драгоценными кольцами. Он меня спросил, машинистка ли я. Я этого термина не знала, и решила, что мне предлагают орудовать с огромными рычагами какой-нибудь машины. — "Нет, я не машинистка" Мы поговорили, и я выбрала библиотечный отдел. В библиотечном отделе кроме меня никого еще не было.

Меня повели в проходную темную комнату и поручили маленький шкаф, наполненный нотами, по всей вероятности оставленными каким-нибудь уехавшим любителем музыки: кое-что для рояля, кое-что для пения. — "Можете составить каталог". Мне не пришлось составить каталог (да я и не имела пред-

ставления, как это делается), т. к. через мою комнату проходила Надежда Яковлевна Брюсова. Сначала она меня попросила переписывать ей русские народные песни: — "Мы издаем новый сборник". Потом, постепенно рассказывая о своей работе в школьном отделе, переманила меня к себе. У нее было весело. Наша небольшая группа сотрудников состояла из нескольких очень малограмотных (музыкально) учениц и ярких поклонниц Надежды Яковлевны. Их объединение походило на фанатическую секту. К ним присоединилась я. К тому же я привлекла еще двух подруг тоже из консерватории. Мы все одинаково интересовались нашей работой и жили в полной дружбе. Наше творчество, как тогда говорилось, было рассчитано не на всероссийский, а на всемирный масштаб. Нужно было добиться, чтобы все дети с колыбели распевали правильные старинные русские песни; чтобы в школах они их изучали, любили; а после школы, уже будучи взрослыми, соединялись бы вечером, пели их хором и вели о них дискуссии. К народным песням мы присоединяли еще и оперную музыку, преимущественно русских авторов. Сверх того, мы готовили еще инструкторов, умеющих этим управлять, а также знакомить людей с инструментальной классической музыкой посредством курсов так называемого "Слушания музыки". Нас было 3-4 инструктора. Меня как-то послали в Пресненский район читать лекцию. Слушали меня голодные, пожилые, опытные и ничем не интересующиеся школьные учителя музыки. Мне было неловко их поучать, но меня утешало, что я излагаю не свои идеи, а идеи Брюсовой; причем идеи Брюсовой были наполовину ее, а наполовину идеи Яворского, с которым у нее была всю жизнь романтическая дружба. Идеи Яворского были необычайно оригинальны и талантливы, и сильно меня увлекали. С ним лично я не встречалась: он жил в Киеве. Инструкторов также заставляли давать в школах показательные уроки. К великому страху моему мои слушатели на Пресне заявили, что придут на мои уроки для поучения, но к моему большому облегчению, они этого не осуществили.

С двумя моими подругами-инструкторами мы решили под прикрытием уроков хорового пения преподавать детям религию. После первого урока мы встретились. Первая моя

приятельница Вера имела в себе какой-то магнетический дар, дети после урока отказались от игры на перемене и следовали за ней, как в сказке о волшебном флейтисте. У Нади урок прошел гладко: все всё спели без скуки и без особого интереса.

У меня же было полное фиаско. Мне не удалось собрать детей вокруг рояля (мне отвели эстраду маленького зала), никакого хора не состоялось, а когда я встала и вышла из зала, у меня оказался прикреплен сзади бумажный хвост.

В эти переходные годы школы были в хаотическом состоянии. Учителям было предложено давать детям полную свободу. Детям рекомендовали следить за учителями и писать доносы. Школа, куда нас послали, была создана из соединения женского института благородных девиц с мужской школой какого-то самого низкого ранга.

Особенный беспорядок царил в "Показательной школе наркомпроса". Там дети каждый понедельник свободно избирали себе группу, в которую их записывали, и несчастные учителя каждую неделю видели перед собой новые лица. Это называлось тогда "текучими группами".

Очень недолго после моего поступления на службу в музыкальный отдел, приехали к Вячеславу представители из Театрального Отдела, чтобы пригласить его работать с ними. Вячеслав согласился, а вслед за ним поступила на службу по "Охране памятников искусства" и Вера. В то время почти все были на какой-то службе. Говорили, что людей, не зачисленных ни в какое учреждение, посылали на тяжелые работы.

Но не всем удавалось работать по специальности. Так, например, Евгения Юдифовна Рапп, *belle-soeur* Ник. А. Бердяева, была принята в Центроспичку. Когда Бердяевых высылали за границу, Центроспичка не хотела отпускать Евгению Юдифовну, заявляя, что она у них "незаменимый работник".

Наши службы в Наркомпросе мне вспоминаются как отдаленные оазисы, где соединяешься с друзьями и забываешь на время кошмар, окружающий тебя. Город был мрачный, точно из него вышло население. Кое-где виднелась пустая лавка кооператива с листочком-списком на витрине вещей, которые продаются: "гуталин, перец". Все магазины были закрыты, обыкновенно заколочены досками. По вечерам улицы походили на кладбище.

Перед окнами Музыкального отдела, на нынешней площади Кропоткина, долго лежал труп упавшей изголодавшейся лошади. Никто не убирал его, и труп исчез лишь постепенно, пока его не сгрызли собаки. Свиристствовала эпидемия сыпного тифа. Из-за лопнувших водопроводов везде в домах была невероятная грязь — клопы, тараканы, вши.

Я не помню в эти годы больших собраний друзей. Бывали лишь интимные встречи. Вячеслав часто ходил по соседству к Гершензону. Как-то раз вернувшись домой, Вячеслав рассказывал с одушевлением, какой Гершензон аскет. На стол были поданы скромные угощения, но Гершензон за весь вечер медленно, с уважением и почти благоговейно ел только одну луковицу. С уважением и благоговением относился Михаил Осипович и к предметам. Я помню, как он при мне раз указал на простой деревянный, некрашенный стол и начал нам говорить, сколько творчества, сколько работы понадобилось людям, чтобы создать эту кажущуюся простой, обиходную вещь. Он показывал с любовью на ее форму, на ее ножки, полировку, ящик. Это уважение к предметам, к творчеству и труду в них заложенным мне передалось на всю жизнь.

Если не ошибаюсь, именно в этот период, когда начались гонения на церковь, о. Булгаков был посвящен в священники. Перешел в католичество и был посвящен в священники также о. Абрикосов. Он создал маленькую католическую общину, к которой привлек и жену Бердяева, Лидию Юдифовну. Сам о. Абрикосов, по свойству своего характера, склонного к фанатизму, вел тогда жизнь до крайности аскетическую.

Где-то под Москвой находилась образцовая школа с общежитием для маленьких детей. Они учились, играли на свежем воздухе, имели совсем привилегированное питание, медицинский контроль, спорт и т. д. Вере не хотелось расставаться с сыном, но т. к. при совсем исключительных обстоятельствах удалось получить для Димы место в этой школе, он был туда помещен. Верин инстинкт был правильным: через 5 дней Дима заразился скарлатиной, давшей как последствие воспаление легких.

Вера (это была осень 1919 года) была уже совсем в плохом состоянии, и оба они, Вера с Димой, были приняты в санаторий

Габай в Серебряном Бору.

На некоторое время мы остались с Вячеславом вдвоем. Как-то пришел к Вячеславу один из его друзей (не помню имени), кажется, религиозный православный философ. Пришел вечером, засиделся, и мы его оставили переночевать. Утром он куда-то спешно уезжал. Через несколько дней в два часа ночи стучат в дом: — "Открывайте, вставайте, одевайтесь!" Это была ЧК. Я спала вся одетая, как днем, в шубе и под грудой всего теплого, что только могла найти. Помню себя такой отупевшей от холода и всей этой жизни вообще, что я ощущала лишь животное мучение выхода из своей норки в ледяную комнату, а в голове одна мысль: вот теперь, если арестуют Вячеслава, нужно будет идти вслед за ним по морозу куда-то далеко по улицам. В мою комнату открыли дверь, заглянули, но не заходили, пошли к Вячеславу. Затем начальник группы отослал всех в переднюю и стал долго разговаривать с Вячеславом. Вячеслав мне на следующий день рассказал, что долго не мог понять, что тому было нужно; он говорил о том, о сем, и наконец, как бы случайно, спросил, не был ли тут ночью (он назвал фамилию) и куда он уехал: Вячеслав сказал, что не знает куда. Затем начальник попросил и Вячеслава уйти из комнаты, и стал докладывать кому нужно что-то по телефону. После этого он извинился, сказал, что это недоразумение, и они все уехали. Вся Москва тогда жила под страхом таких ночных "визитов", которые часто оканчивались не столь благополучно. Позже мы узнали, что нашему другу удалось благополучно бежать за границу.

В это время Вячеслав завел большую дружбу с Дегтеревским, который ему организовал курс лекций по Достоевскому, а затем и по Пушкину. Перед Рождеством я отправилась в Серебряный Бор проводить Веру с Димой, и Дегтеревский взял на себя хлопоты кормить Вячеслава. Путь был нелегкий. Я присоединилась к каким-то людям, ехавшим на розвальнях по направлению Серебряного Бора. Меня ссадили на перекрестке узкой дороги с двумя глубоко врывшимися в снег колеями. "Идите по ней до самого леса, видите там, вдали? В лесу будет широкая дорога, потом недалеко, повернете по тропинке и придете прямо к санаторию". По полю идти было мучение. Вокруг ни души. Темнело. Дорога через покрытый инеем, как бы

замерзший, лес была восхитительна. Никакого поворота я не нашла, доплелась до какой-то избы и постучала. Добрая одинокая женщина приютила, даже угостила чем-то и положила спать на теплую печь. Было бы совсем хорошо, если бы не клопы. Впрочем, в те годы и в городе было мало квартир, где их не было.

Рано утром я пришла в санаторий и застала Веру с Димой больными в постелях. У Димы послескарлатинное воспаление легких, у Веры начало быстротечного процесса туберкулеза. Не прошло и двух дней, как в комнату внесли постель и для меня, т. к. у меня сделался острый бронхит с температурой. Все москвичи, попадавшие из своих ледяных квартир в тепло отопленный Серебряный Бор, сразу заболевали. На Рождество к нам заехал Вячеслав. К этому Рождеству 1919 года относятся его "Зимние Сонеты". По ним и по фотографиям того времени, где на нем берет, можно догадаться, какой ад у него был тогда на душе. Внешне он был всё тот же, спокойный и открытый для всех.

Зима души. Косым издалека
Ее лучом живое солнце греет,
Она ж в немых сугробах цепенеет,
И ей поет метелицей тоска.

Охапку дров свалив у камелька,
Вари пшено, и час тебе довлеет;
Потом усни, как всё дремой коснеет...
Ах, вечности могила глубока!

Оледенел ключ влаги животворной,
Застыл родник текучего огня:
О, не ищи под саваном меня!

Свой гроб влачит двойник мой, раб покорный.
Я ж истинный, плотскому изменя,
Творю вдали свой храм нерукотворный.*

В санатории одновременно с нами был немецкий поэт

*III, 569.

Гроегер. Он часто заходил к нам и долго беседовал с Верой. Меня же интересовал другой больной санатория. Это был профессор Георгий Конюс, музыковед. Видя мою страсть ко всей теоретической части музыкальной композиции, он часами показывал мне за роялем свои исследования музыкальных форм, которые он готовил к печати, и рисовал мне составленные им интереснейшие схемы.

Все возможные продления пребывания в санатории были использованы и Вере с Димой пришлось уехать в город. Меня оставили еще на несколько дней, т. к. у меня тоже начался процесс в верхушках легких. У кого же его не было в ту эпоху?

В начале 1920 года, благодаря покровительству Луначарского были выданы командировки за границу: Бальмонту и Вячеславу. Наш случай был исключительным, т. к. командировок с семьей нормально не давали. Было все уже организовано и даже назначен день отъезда, кажется, что-то вроде месяца мая. Вера и мы все мечтали об отъезде в Давос. Мы верили, что там она сможет вылечиться от туберкулеза.

Я была на последнем курсе консерватории. Гольденвейзер дружески меня уговорил скорее держать выпускной экзамен, чтобы перед отъездом снабдить меня дипломом. Я работала с утра до вечера. Мы наняли комнату на даче, где-то под Москвой, в имении "Голубое", чтобы Вера с Димой могли пока там жить на хорошем воздухе.

Позже, в июне, после окончания консерватории, и я туда поехала. К этому времени относится "Переписка из двух углов" между Вячеславом и Гершензоном. Они оба получили разрешение провести 6 недель в Доме отдыха для литераторов под Москвой, и им отвели одну общую комнату.

Когда Луначарский выхлопатывал командировки Бальмонту и Вячеславу, он попросил их дать ему лично честное слово, что они, попав за границу, хотя бы в первые годы, не будут выступать открыто против советской власти. Он за них ручался. Они оба дали это слово. Но Бальмонт, который выехал первым, как только попал в Ревель, резко выступил против Советской России.

В результате этого выступления Бальмонта командировка Вячеслава была аннулирована. Помню трагическое лицо Веры в

окне поезда (она ехала в Голубое), когда она узнала эту весть. — "Это смертный приговор". Последняя надежда ее на выздоровление в Давосе рушилась.

Вера скончалась 8-го августа 1920 года, в клинике Московского университета. 6 августа ей минуло 30 лет. Она была похоронена рядом с Марусей и близко от Эрна на кладбище Новодевичьего монастыря.

После смерти Веры на Вячеслава напал ужас от мысли оставаться еще другую зиму в Москве. Он попросил на службе командировку, раз нельзя в Италию, то куда угодно на юг, где не нужно будет больше видеть снега, где все другое. Чтобы дать ему отдохнуть, его послали пока что вместе с семьей (Дима и я) на шесть недель в санаторий в Кисловодск и даже устроили удобное путешествие в 1-ом классе какого-то привилегированного поезда. Мы выехали очень скоро после смерти Веры еще в августе, после одной из панихид по ней.

Путешествие в Кисловодск было не лишено осложнений. В то время на юге бушевал "Батька Махно", вооруженные шайки которого грабили поезда, убивали, нападали на села, угрожали даже Харькову, через который мы должны были ехать. Наш поезд был отправлен куда-то далеко в сторону и остановился. Был вечер. Из окна слышался жалобный звук кларнета — кто-то упорно разучивал все тот же пассаж. "Где мы?" — "Синельниково". Станция находилась по-видимому на скрещении железнодорожных линий: стояло несколько поездов. Один был военный, тот, где солдат упражнялся на кларнете. Мы улеглись спать. Ночью просыпаемся, поезд все еще стоит, играет кларнет. — "Где мы?" — "Синельниково". Утром просыпаемся — то же самое. Думаю, что когда мы наконец получили известие, что под Харьковом всё благополучно, солдат прекрасно разучил свой пассаж. Поезд двинулся, и, описав большой крюк, благополучно попал на путь к Кисловодску.

В Кисловодске жизнь текла мирно, но до одного дня, когда вдруг с раннего утра послышались звуки канонады. Сначала слабые, далекие; потом все громче. В зале санатория появилось объявление, приказывающее всем партийным больным незамедлительно приготовить багаж и спуститься на вокзал к такому-то поезду. — "В чем дело?" — "Зеленые идут на Кисловодск. Они

уже близко. Коммунистов режут”.

В полчаса санаторий оказался пуст. Выяснилось, что все были партийные кроме нас. Мы остались вдвоем в пустом здании. Канонада усиливалась. Было жутко: если явятся “Зеленые”, докажи, что ты не коммунист. Но на следующее утро канонады больше не было, и все больные вернулись обратно в санаторий. — “Их отбили”. — “А кто эти “Зеленые”? Ответ был неясный: “Какие-то кавказские племена”.

Вскоре после этого нам объявили, что Кисловодский санаторий ликвидируется. Всем больным было предложено написать, куда они желают быть эвакуированы. Выбор был между Москвой, двумя городами центральной России и Баку. Баку? Вячеслав стал осведомляться. Баку — это юг, он южнее даже Неаполя. — “Что вы? — говорили знакомые. — Баку — это дикий нефтеиндустриальный город. Раз в месяц одно из племен там режет другое. Воды нет, пьют морскую, опресненную. Воздух черный от копоти нефти, а когда дует “норд”, то срывает вывески магазинов, и они летают над городом”. Были и защитники.

Вячеслав неустрашимо выбрал Баку. Юг, да и граница близка. Кто знает, не удастся ли оттуда перебраться через нее, а потом окольным путем в Италию? В назначенный день приехал санитарный поезд № 14, на котором нам было отведено три плацкарты. Вагоны были все III класса. По середине каждого стояла железная печка, на которой пассажиры себе варили в общем котле пшеничную кашу и кипятили воду для чая. Когда нужно было топливо для печки, поезд любезно останавливали и пассажиры носили дрова, заготовленные вдоль полотна. Путешествие до Баку длилось 9 дней. Осложнение было в том, что то и дело наш поезд встречался с другими, на которых должны были ехать какие-то важные комиссары, оставшиеся почему-то без паровоза. Комиссар этот забирал наш паровоз, а мы стояли в ожидании, авось, судьба нам пошлет другой. Все станции и железнодорожные здания вдоль дороги были сожжены. Люди куда-то попрятались. Мы ехали по прекрасной пустыне вдоль немногих обгорелых пустых строений. В одном месте, где вдали виднелся аул, пассажиры попросили начальника поезда остановиться близ маленькой станции, где еще сидел одинокий теле-

графист. Пассажирам хотелось найти в ауле сала, яиц или сыра, или вообще чего-нибудь съестного. Целая компания двинулась к аулу. Вячеслав остался в поезде, а мы с Димой отправились в сопровождении молодого студента из Галиции, единственного кроме нас не партийного пассажира. Мы как-то оказались в стороне от других. В ауле нам удалось найти одного старика, который рассказал, что тут население восстало ("Зеленые"?); потом была красная карательная экспедиция, всё было отобрано, люди разбежались, в ауле нет корки хлеба. Добрый старик дал нам кусок арбуза, и мы отправились обратно. Каков же был наш ужас, когда, выйдя из аула, мы увидели вдали наш поезд, который пустил дымок и сначала тихо, а потом набавляя ход, укатил вдоль долины, повернул и скрылся. Мы дошли до станции и обратились к телеграфисту. Тот вошел в контакт с соседней станцией. — "Терек, чертова кукла, это ты?" После переговоров со станцией Терек он сообщил, что № 14 теперь поедет до Тепловодной, а затем без остановок до Баку. В Тепловодной есть паровоз. Здесь поезда никакого не будет. "А вот если пройдете пешком по линии, то верст через 6 будет скрепление с другой линией, где ожидается товарный поезд, который вас может быть и довезет до станции Тепловодная. Там, быть может, еще застанете № 14". Было невесело оказаться одним среди враждебного населения. Темнело. Мы пошли по мокрым шпалам. Дима смело шел (ему было 8 лет). Потом устал, и наш милый спутник взял его себе на спину. Никакого товарного поезда мы не встретили и продолжали путь пешком уже в полной темноте, со страхом, что за спиной вдруг появится какой-то локомотив.

Мы, наконец, дошли до Тепловодной, большой станции, где стояло много поездов, главным образом перевозящих нефть. Пошли мимо красноармейцев, игравших на гармонике. — "Где тут санитарный поезд № 14?" — "А он только что уехал". — Через несколько шагов мы открыли, что дурак-красноармеец, который с нами говорил, сам был в № 14.

Кто всех больше настрадался за этот день, это — Вячеслав: ему казалось, что теперь он потерял и детей. Когда он увидел, что нас нет, он сделал страшный скандал начальнику поезда, и благодаря этому поезд остановился надолго в Тепловодной. В тот же вечер, когда мы пришли, праздновалась годовщина

октябрьской революции. В поезде № 14 оказался агит. вагон, где стояло пианино. Всех пригласили на вечеринку, скромно угостили, пели хором под мой аккомпанимент, дочка тов. Каплана играла на пианино "Жаворонка" Глинки. Потом все разошлись, и мы вернулись спать в наш вагон, стоявший между двумя нефтяными цистернами. На девятый день поезд № 14 доехал до Баку.

(Продолжение следует)

Лидия Иванова

ПИСЬМА Б. ЗАЙЦЕВА И. и В. БУНИНЫМ

(ПУБЛИКАЦИЯ МИЛИЦЫ ГРИН)

6 марта 1933.

Дорогой друг, сербам, разумеется, сказал — обещали выслать дня через 2, т. ч. если не соврали, то ты уже получил. (...) Очень возмущен поступком "Посл. Нов." по отн. к тебе. У них и приблизительно равного Арсеньеву нет. Но это — гонение вообще на писателей-художников. Для газеты дороги — самое удобное просто перепечатывать из советской печати: совсем даром.

Сейчас сижу над лекцией — буду читать 25-го марта, в Musée Social — единств. ресурс, ибо на весь март у меня осталось 60 фр. Третьего дня читал там Ходасевич о Пушкине ("Молодость Пушкина"), — читал неплохо. Пушкин грыз ногти, был похож на мартышку, записывал в реестрик, кто его обидел и кому он отомстил, а кому еще нет. В общем напоминал Ходасевича. Но подано остро. Публики было среднее количество, Пушкин имел успех. Заработал 1500.

Целуй очень от меня Верочку, благодарю ее сердечно за внимание и милое письмо. Передай также печальную весть: Алексей Васильевич¹ безнадежно болен, у него рак кишок, он тает — вчера получили от Тани² письмо, и поплакали, разумеется.

"Заметает быстро выюга

Все, что в жизни я любил..."

1. Отец В. А. Зайцевой, А. В. Орешников, оставшийся в России.

2. Сестра В. А. Зайцевой, Т. А. Полиевктова.

Эти дни сидел за французскими корректурами "Золотого узора" — очень опять все *прошлое* разволновало... страшные вещи, никогда не забываемые, и простить которые не могу. Там описан и дом Орешниковых, вход, бюст Юпитера Пирикалийского, зала, вакханка Бруни.³ Тут как раз и подали письмо о хозяине этого дома.

Господь храни Вас, мои дорогие. Малое наше племя, малочисленное... Других, *новых*, может быть, и очень хороших, любить уж не могу — поздно.

Вашим молодым — Галине и Зурову привет. Твой Борис. P. S. С удовольствием читаю, что немецкие коммунисты сидят по тюрьмам. Пора! Какая рожа у Тельмана! Повторяю: след. раз не стесняйся — деньги вышлю и не пропью.

3. С скульптором Бруни В. А. Зайцева была в родстве по матери.

7 сент. 1933. 11 ч. веч.

Дорогой друг, наверно *не* наврал, все приблизительно так и есть, не уверен лишь только насчет Орлика — но и сам я был у дяди в гостях 7-и—8-и лет, едва помню его, дом и усадьбу — разумеется, ни о каких Калитиных¹ *тогда* понятия не имел, это рассказали мне позже. Происходило же все это на *Дворянской улице*, твердо помню. (А знаешь-ли ты Левашеву гору? — ну, конечно, знаешь. Я там родился). "Вышло очень глупо: как будто *потому* знаешь, что я..., и т.д.).

Написать тебе давно собираюсь. И хорошо, что ты меня подстегнул. Дело такое: я летом, в С. Жермене, прочел книжку твоих стихов.³ У меня из окна был виден на Соборе петух⁴, луна заливала St. Chapelle XIII века — вообще пейзажик не тот, что на Растеряевой улице.⁵ Иван, ты мне доставил огромную радость! Из каждой строчки твоих стихов сочится поэзия, тут и разговаривать нечего, это настоящее, такое редкое теперь... да и всегда, положим, было редким, а теперь особенно. Я пожалел

1. Лиза Калитина, героиня "Дворянского гнезда" Тургенева.

2. Речь идет об Орле.

3. Избранные стихи. Ив. Бунин, Париж 1929.

4. Одно из стихотворений Бунина, помещенное в этом сборнике называется "Петух на церковном кресте".

5. Так И. А. Бунин называл Rue Thiers, где жили Зайцевы.

лишь, что не поместил нек. вещей, которые я любил ("Сапсан", "Старых предков я наследье чую", и др.). Зато многое было для меня открытием. Странная вещь! Чуть не 60 стихов написаны в 1916 г., — и из сильнейших! Перед несчастьем нашим. "Хозяин умер, дом забит" — никогда раньше не читал: превосходно! Вообще много прекрасного — и самое трагическое как раз на этот год выпало. Дальше, по-моему, идет слабее — за исключением "Петуха" — которого давно знаю и всегда он меня волнует.

Надо бы поговорить. А писать трудно. Я сегодня и так целый день писал, еще удивляюсь, как рука ходит. Руднев внезапно попросил кусок романа⁶ в выходящую книжку⁷ (а было условлено, что в декабрьскую). Теперь должно появиться и тут, и там. Значит, я изо всех сил переписываю черновик, чтобы не задержать. Для меня вообще тяжелая вещь — эти клочья. Но отказываться нельзя все-же ведь платят. Успею ли кончить все к декабрю, не знаю.

Тургенева я, кажется, совсем замучил: 2 статьи в русских газетах, 3 фельетона из книги в швейцарских и 1 статья во франц. журнале. Старику может нравиться или не нравиться, как я о нем пишу, но цифра сурьезная. Был на панихиде. По окончании ко мне все подходили точно я внук или родственник, которому выражают соболезнование.

Новости в Париже малые. 1) В конце сентября предположена свадьба пана Масло-Ходасевича с девицей Марголиной. 2) В четверг, после получки в "Возрождении", мы с Коровиным неожиданно так напились в кафе, что придя к "Бернару", ничего уже не могли ни пить, ни есть. Он, однако, жив (и я пока что). 3) Завтра приезжает Наташа. 4) Вера, слава Богу, деятельна и бодра. Сейчас спит детским сном. Но и во сне целует тебя, Веру, всех. Как и я. Твой Борис.

6. "Дом в Пасси".

7. "Современные записки"

8 сент. утром

Писал тебе вчера всякие вещи, а вот еще одна, печальная: 26 авг. умерла в Москве Соня Парнок. Болела всего один день, было что-то гастрическое, а потом стала сразу слабеть, впала в беспамятство и скончалась. Пишет об этом Верина сестра Таня.

Открытка закапана слезами. "Похоронили честь честью, на Введенских горах".

Мы с Верой очень Соню жалеем. Ты меньше ее знал. Она была *наш* человек, жила в Сов. России одиноко, стихи, по словам Тани, писала последн. время все о смерти (и не печаталась, конечно). Очевидно, похоронена церковно, хотя была по крови еврейка (и по некоторым психоп. "уклончикам").

3 окт. 1933.

Дорогой друг, у меня к тебе некая просьба. На-днях вышел по-французски "Золотой узор" у Ашетт. Мы разослали, конечно, из издательства известное количество книг с моими "омажами", но заведующая той "collection", где "З. У.", все говорит мне, что этого мало, что надо "настаивать" на отзывах и рецензиях и т. п. Для движения книги на рынке считает она это очень важным, что и неоспоримо. При том ясно говорится: если кн. благополучно пройдет, то возьмут следующую. "У вас есть знакомые критики?", спрашивает меня эта г-жа Арригон. "Чтобы писали, надо и личное влияние". Ну, конечно... А за десять лет жизни в Париже единственная моя "мощная" поддержка это Фохт¹, да и тот сделался одновременно 1) послушником в подряснике 2) окончательно темной личностью — в монастыре, где живет моя сестра, оставил репутацию просто жулика, всех кого можно обобрав.

Итак: не мог ли бы ты мне помочь? Я отправил книгу Эдмонду Жалу. Он ее получит среди десятков других и в свое время продаст на *quai Voltaire*. Но если бы *ты* написал ему два слова сочувственных м. б., он и дал бы хотя бы краткий отзыв? Не надо его даже *просить*. Достаточно, что писатель с твоим именем и положением в русской (и европейской) литературе *укажет*...

Разумеется, все это в том предположении, что это для тебя не трудно. Если почему-либо (внутренне) писать неудобно или нелегко, то не о чем и говорить: просто забудь об этих строках.

Новости следующие. Одна эротико-херовского свойства, имеет отношение к лицам близко тебе знакомым (*не я и не Алданов!*). Работа уже идет, но положение еще не выяснилось,

1. В. Б. Фохт, поэт и журналист.

т. ч. *nomina* пока — *odiosa*. Другая более печальная: умирает А. Я. Левинсон — рак желудка. Муратов² уезжает на днях в Англию — в Лондоне и Кэмбридже прочтет лекции насчет разных икон и Византии, немножно вздохнет от "Возрождения" (где вполне осатанел, он ведь и роман подвальный переводит, за 10 сент. строчку!)

Получил Вашу открытку к именинам, спасибо. Верочку тоже целую и поздравляю. Ее строчки оч. остроумны. Нас на этот раз выручили "Совр. Зап.", но вообще бюджет мой... — ну, и слава Богу, что еще такой. Хоть за квартиру пока аккуратно плачу. — Скажи Верочке, что на именинах было много народу, таки продолжались целый день! — к вечеру я едва двигал языком, но не от пьянства, а просто от усталости. Так устал, что на следующий день видеть не мог человеческого лица. Это тем более странно, что народ был приятный — но уж слишком долго. (...)

Вчера видел в редакции книгу Хэнтингтона³ об эмиграции. Издано прекрасно и все благожелательно. (Но язык английский для меня вообще — х... *несусветимая*). В отделе литературы на первом месте, разумеется, ты; потом все мы ("старые"), но есть и молодые. Но тебя этот Хэнтингтон называет Александром Ивановичем! (На первой странице изображен шофер в такси, обрюзгший человек в кепке, читает "Возрождение". А в середине книги тот же шофер — худенький юноша в крылатой каске кавалергарда, белые лосины, палаш...). Хэнтингтон жил прежде в Петербурге и женат на русской. Удивительно, что есть еще люди, которые нас знают и (даже!) любят.

Обнимаю тебя дружески, всем домашним привет. Твой Борис.

2. П. Муратов, автор "Очерков Италии".

3. Huntington W. Ch., The Homesick Million. Russia out-of-Russia. Stratford Co. Boston, 1933.

4 ноября 1933.

Дорогой друг, только что получено очень важное известие насчет тебя и Нобелевской премии — телеграмма из Копенгагена в "Посл. Новости": запрос о твоём адресе и подданстве (насколько я понял — от Кальгрена?¹ — во всяком случае идет от Ноб. комитета).

Взволнованы мы очень — ну, нечего говорить, сам понимаешь... Просто сдерживаться приходится.

К тебе такая просьба: более чем вероятно, что ты первый получишь *оттуда* телеграмму. Не поленись тотчас *телеграфировать* мне, чтобы я поскорее мог дать статью в "Возрождение" — т. е. написать ее, и она появится *одновременно* с опубликованием в газетах (*но*, разумеется, никак *не* раньше, это уж ты можешь быть покоен!) И вообще я хочу как можно раньше знать! Тут говорят все о 9-ом числе. Но после запроса впечатление такое, что *все уже решено*, и м. б. ты получишь весть еще ранее, чем дойдет до тебя это письмо.² Не могу писать больше ни о чем — и только, еще раз, всем сердцем с тобой, как в тот вечер, помнишь, в "Праге", когда из телефонной будки звонил я в "Русское Слово" о тебе — тогда была Академия³, ну, а теперь уж всесветная штука.

Господь тебя храни. Сдерживайся и старайся не очень волноваться... Это легче, конечно, говорить, чем сделать, все-же говорю.

Обнимаю. Твой Борис.

1. Шведский профессор, славист.

2. Письмо это пришло до получения официального известия о присуждении премии и, как записала в дневнике Вера Николаевна, взволновало Буниных. Официальное извещение было получено 9-го ноября по телефону из Стокгольма.

3. В ноябре 1909 г. Бунин был избран почетным академиком.

15 февр. 1934.

Дорогой друг, спасибо за милое письмо. Рад, что ты начинаешь приходить в норму¹. Весьма рад и повидать тебя в марте. Да, пора Р.Е.Н. клубу дать о себе знать! Вероятно, обед будет подписной? Вот на нем мне хотелось бы присутствовать — выкладываю карбованцы, сколько понадобится.

Из твоего письма не видно, какие у вас планы на май-июнь. Меня это весьма интересует потому, что именно к июню мы с Верой намерены поехать на юг, хотя бы на месяц, покупаться и пожить на солнце. (Теперь есть билеты на 33 дня за гроши!) Думаем поселиться где ниб. вроде le Cannet. Ну, разумеется, было бы ужасно обидно, если бы Вас уже не было! Но присмотр-

1. После Нобелевских торжеств.

рели ли Вы что-нибудь себе?² Мне что-то сдается, что в апреле ты съездишь в Италию на месяц, это гораздо разумнее всяких Дижонов и окрестностей Парижа. А лето? Все это для меня неясно. Боюсь, что все-же удерете куда-нибудь в Аннеси — хотя под Ниццей у вас у самих отличные горы.

...У нас тут всякие политические тревожнения. Понедельник, день забастовки, провели мы грустно. Мрачное настроение. Недалеко коммунисты соорудили баррикаду. Было столкновение, одного токаря с Растеряевой улицы убили. Вечером проносились автокары с полицией — типы на перекрестках улюлюкали и выли, равно и из домов кое-где выкликали. Прошла на рысях кавалерия... Невесело. Париж совсем был мертвый — мы с Верой даже порадовались, что Наташа уехала к Андрею в Булонь (Калэ) на эти дни. Теперь все в порядке, но что дальше будет, неизвестно. Донзель утверждает, что фашизм — и сидит над твоим Арсеньевым.

Обнимаю тебя крепко, и сердечно благодарю. Вера также. Привет всем вашим без различия пола и возраста.

Твой Борис.

2. Бунины думали о покупке собственной виллы, но в конце концов ничего не купили.

10 марта 1934.

Дорогой друг, когда к нам? Мы с Алдановым хотим быть на твоём обеде, нельзя ли это подтолкнуть? Денежки выкладываем честно. Но туда просто по подписке нельзя — нужно приглашение.

Наташа сейчас в Марселе. Пробудут они на юге 4-5 мес. О себе ничего не знаю. Литературные дела пока "без движения" (да и не "пока" разумеется... Ну, лучше об этом не говорить).

Обнимаю и целую. Привет дружественный всем на горе.

Твой Борис.

23 марта 1934.

Дорогой Иван, посылаю тебе (для Вериной коллекции) статью Мордвинова¹, по-моему, это довольно толково напи-

1. А. Мордвинов, о Бунине, "Младоросская Искра", 25.2.34.

сано, и любопытно, что автор "смена" наша. Я в первый раз вижу в младоросском издании статью по *культуре* русской (без навязчивости написано, в довольно свободном духе). Значит, и у них есть люди образованные и любящие литературу. Кроме того, хорошо некое *здоровое* направление в статье. (Довольно с нас педерастов и недоносков).

Обнимаю. Всему дому привет. Надеюсь в конце апреля лично всех вас расцеловать.

Борис

21 апр. 1934. Суббота.

Дорогой друг, "иду на Вы". Взял билет на вторник 24 веч., в среду днем надеюсь быть у Вас.¹

Обнимаю всех и целую. Борис.

1. 26 апреля 1934 Вера Николаевна записала в дневнике: "Вчера приехал Борис Зайцев (...) очень родной нам, точно из семьи". И дальше: "Приезд Бори может принести в наш дом мир. Он успокаивает и, так как в нем нет чуждости нам, то он не утомляет".

29 мая 1934.

Дорогой друг, картина выяснилась, и благоприятно: валового сбора 540, очистилось для меня 400. Я очень доволен.¹ Знаю, что результатом этим в очень большой степени обязан тебе — дружески жму руку.

Одно грустно, что вы все так скоро удрали. Мы же с Н. и А.² пошли обедать в русск. учреждение на Promenade des Anglais, и славно выпили вина в виноградной беседке — pergol'e, на чистом воздухе. Сегодня собираемся с Верой к Ментону. Напомни твоей Вере, что она обещала мне найти мою статейку о тебе (на честв. 26 ноября в Париже, я должен ее прочесть 10-го июня). Пусть тотчас мне ответит — если у ней нет, то выпишу из Парижа.

Душевный привет всем от обоих. Ждем тебя в Нищу. Борис.

1. Устраивался вечер Б. К. Зайцева в Нище.

2. Н. Б. и А. В. Сологуб.

31 мая 1934.

Дорогой Иван, спасибо за статью, понятно, не потеряю ее.

Что касается Канн: обещали мне 100-150 фр. отказаться от этого никак не могу, из таких мелочей и состоят мои заработки, что поделаешь! Но тебе ехать не нужно (хотя они звали именно и тебя). Когда увижу распорядителя, то объясню ему, что тебя нельзя поднимать второй раз на то же самое, да еще в миниа-тюре... И мне было-бы трудно читать при тебе, только что все это слышавшем. Вообще, если в Канн состоится, то поеду я один.

Вчера читал у "чуткой молодежи". А больше разглаголь-ствовал — отвечал на всякие вопросы. Увенчивать тебя будет барышня Мариночка Безобразова — прехорошенькая, держись Петрарка.

Обнимаю. Привет всем. Борис.

1 июля. 1934.

Дорогой Иван, пересланные письма получил, спасибо. В Париже мы уже три дня. Ехали на автокаре до Лиона — отлично! — мимо вас, вспоминали и кивали Бельведеру, было чудесное утро. Останавливались в Лионе у Наташи на два дня — скучнейший город.

Здесь все начинается обычное. Только что были у Полонских¹, видели М. Ал.² и т. д. О юге, Грассе, Ницце, о вас всех вспоминаю с любовью и дружеским чувством. Целую тебя крепко и еще раз благодарю — чудесные два месяца прожил там благодаря тебе.

Всем сердечный привет от нас обоих. Борис.

P. S. Сейчас у меня живет сестра Таня, старшая, она была тяжело больна, теперь оправилась. Надя совсем разошлась с Донзелем. Наняла отдельн. квартиру и вчера переехала туда с дочерью. Татьяна чер. 2-3 нед. уезжает к мужу в Польшу.

1. Я. Б. Полонский.

2. М. А. Алданов.

17 авг. 1934.

Милый друг, получил я от Алданова, который сейчас в Довилле, запрос: правда ли, что ты в конце августа собираешься сюда? Я ничего не могу толком ему сообщить. Но чувство у

меня такое, что это брехня. Очень приятно и радостно было бы тебя здесь повидать, но совсем неясно, для чего ты можешь в такое глухое время сюда забраться. Тут, действительно, только мы. Париж совсем пустыня. Те немногие, кого встречаешь, спрашивают: "хорошо отдохнули в Грассе? Мы видели вашу фотографию с Буниным".

Насколько прочно за мной была раньше кличка "акварелиста", настолько я теперь "друг Бунина". Первое название иногда раздражало, второе мне даже приятно, но курьез в том, что из-за предвзятости даже люди отлично меня и Веру знающие, охотно принимают за нас Cyrille'a¹ и Софью Артемьевну.

Нынче мы были на панихиде по Астрове. Пришла "вся Москва" — и всё старье. У автобусной стоянки встретили Cyrille'a. Из ушей у него торчали такие кусты... куда смотрит С. А.? Подстричь их — один момент. Он получил кафедру в Харбине и в октябре уезжает: очень мы за него порадовались. Одним нищим будет в Париже меньше.

А на днях я подвергся нападению одного за другим ряда психопатов: Лоллий² примчался с пьесой, М. Каллаш с книгой, Петр Константинович³ с толкованием на Апокалипсис. Потом зашла оч. славная барышня и сообщила, что работает по небесному эфиру. Ее открытие вовсе меняет взгляд науки на действие солнечных лучей: не мы получаем нечто от них, а они вытягивают что-то от нас.

В прочее время читаю Гоголя. Думаю зимой на нем подрабатывать (125 лет рожд.), на манер Нишсы. Пишу мало — и бодрости тоже мало. Такое ощущение (да и не ощущение даже, а уверенность: никому все это ненужно).

У меня живет больная сестра (Татьяна). Слава Богу, ей гораздо лучше, и скоро она уезжает в Польшу к мужу. Вера бодра. (Не сглазить!) Наташенька в H-te Savoie, у них каникулы. Пишет, что поселились в чудном месте, в старом замке — там теперь русский пансион — около Аннеси, но не на озере.

1. К. О. Зайцев, автор книги "И. А. Бунин, жизнь и творчество", изд. Парабола.

2. Лоллий Львов, литератор.

3. П. К. Иванов.

Крепко тебя обнимаю и целую, всем самый дружеский привет. Б.З.

28 окт. 1934.

Дорогой друг, вчера был у Нади.¹ Разумеется, сейчас же все это будет указано Донзелю — тут и двух мнений быть не может, что он устроил! Надя сказала, что напишет тебе сама. Ясно, что ей оч. неприятно все это, тем более, что просила то тогда она и, думаю, ты и дал потому, что она просила.

Хорошо; прохватить Мориса — это одно дело, нетрудное. Ну, а получить с него? По-моему, тут одна возможность: в январе, по словам Нади, ему предстоит получить что-то у Стока за "Деревню" — его долю продажи книги. Вот эту долю Сток и должен выплатить тебе. Приехав сюда, устрой так, чтобы Сток *не* выдавал ему тех денег. Впрочем, если у Мориса есть хоть капля самолюбия и "корректности" (мягкое выражение!) он и сам должен тебе написать в таком-же духе. (Он живет теперь один. И Надя передаст ему это через третье лицо).

Очень рад, что едешь к нам. Хотя в Париже сейчас очень невесело. Русские совсем приуныли. Да и от чего веселиться? Вера сейчас говорит: "у меня было как бы мгновенное видение: прошло несколько лет, мы с тобой в уголку церкви Дарю и еще только с нами Карташев. Больше никого".

10 ноября у сына Рубинштейна будет огромный бридж-бал "в пользу писателей". Эти писатели тебе хорошо известны (все старье, разумеется. Кстати: "папочка"² бедный не смог даже подписать своего имени на том письме писателей сербам, о кот. я тебе сообщал, и куда ты дал свое имя. Подделала Е. М.). Устроительницы — Ф. О.³ и Н. Игн. Михельсон. Будут грандюки, хотят сделать сбор в 7-8 тысяч. Посмотрим. Жаль, что к этому времени ты еще не приедешь: буфет обещают первейший, хлопнули бы в баре (на даровщинку). Для меня сейчас такой вечер — единственный шанс, но мое имя вовсе не упоминается, как и другие имена: "чтобы не портить индивидуальных вечеров весною". Да, но организация та же, уже использованная... Это,

1. Сестра Б. К. Зайцева, Н. К. Донзель.

2. Прозвище А. Куприна.

3. Ф. О. Ельяшевич.

думаю, одни слова. Дамы хотят отделаться от нас гуртом. Благодарю Бога, что тебе больше таких штук не устраивать!

Обнимаю и целую сердечно. Верочку тоже. Вновь *gue Offenbach*⁴, как 11 лет назад, когда я под Новый год ввалился к вам туда из Италии! Господь Вас всех храни. Твой Борис.

4. Квартира Буниных.

3 июля 1935.

Caro e illustre amico, нынче, наконец, папаша почил — если не на лаврах, то на визах и билетах. 10-го утром выезжаем в Антверпен, а в 5 ч. дня того же числа на пароходе "Baltic" в Гельсингфорс, куда должны прибыть 15-го утром. По правде говоря, много выхожено, и большая переписка с Финляндией — вообще предприятие громоздкое, но теперь остается предаться "хребтам беспредельно-пустынного моря" и полагаться на Господа Бога.

Предполагаем прожить в Келломяках месяца два, и побывать на Валааме (нынче пришло от Владыки рекомендательное письмо к игумену Харитону). Думал было я назад ехать через Ревель-Ригу, читать там и подкормиться, но Пильский¹ пишет, что в Риге *русская* лекция сейчас просто невозможна (все должно быть латышское! вот еще стервецы!). Так что это видимо отпадает.

Итак, 10-го вспомните все на Бельведере, за обедом "путников", и выпейте чего-нибудь за наше благополучное плавание.

Вчера был у меня Фондаминский.² Он весь полон советскими писателями и советской жизнью. Ничто другое ему не интересно. По его словам Алексей Толстой выразил желание меня видеть. Удовлетворено это желание не будет. Кажется, И. И. был этим удивлен.

В субботу прощальное собрание в Café Murat (по случаю нашего отъезда — но не поминального типа, как было с Рери, а просто выпьем по *demi* и пойдем по домам).

23-го *garden party* прошло хорошо. О Куприне последнее сведение, что его здоровье *очень* плохо, и каждый день можно

1. Журналист Петр Пильский.

2. И. И. Фондаминский-Бунаков, член ред. кол. "Современных Записок".

ждать несчастья. Бальмонт тоже неблестящ. Живет он в лечебнице близ Парижа. Там у него флигелек, в саду. Он завел роман с 75-летней сумасшедшей, подружился с фр. поэтом, утверждающим, что имеет права на франц. престол. Они учредили уже партию для восстановления того на троне. Бальмонту обещаны хорошие поместья, и нас всех не забудет. 1-го я видел в сербск. посольстве Елену.³ Она сообщила, что Б (Бальмонт) над нях "влез ночью на дерево, дабы лучше расслышать соловьев, но по несчастной неосторожности свалился и повредил себе ногу". Тон ее рассказа был таков, что для поэта вполне естественно лезть на дерево. Вот тебе и завершение "одной жизни!" Невеселый Endspiel, как называют в шахматной партии завершительные ходы.

Часто вспоминаем тебя, Бельведер и друзей. Хорошо сейчас у вас. Я люблю вашу страну и Грасс, мало имеющий в публике успеха — как и вообще то, что я в жизни люблю, никому не нужно. (К одиночеству привык, а с годами оно принимает неизмеримый характер).

Когда увидимся? Похоже — осенью? т. е. в предположении, что приедете в Париж. Ну, а пока что — Господь тебя храни, целую тебя, Верочку, Галину. Процветает ли Жозеф?⁴ И разговаривает ли с ним Галина о жизни (а иногда, и без особой удачи, о звездах).

Напиши мне несколько строк напутствия до моего отъезда.

Вера целует нежно. Борис.

3. Жена Бальмонта.

4. Слуга Буниных.

(Открытка.)

Адр. Villa Kausche, Kellomaki.

28 июля

Милый друг, это наше место, тут и живем в двух шагах. Плыли 5 дней — прекрасно, без качки. Встречены были чуть-ли не с колокольным звоном. Здесь совсем другой мир. Наслаждаемся запахом русского *леса*. 13 лет не знал его. Помещены в пансионе, две комн. большие, выходят в лес и на луг, сквозь деревья — море. Виден Кронштадт. Настроение прекрасное.

Сегодня читаю в Териоках (все ту же лекцию! — но платят, и по здешней дешевой жизни даже порядочно). Послезавтра выезжаем (на 10 дн.) на Валаам.

Целуем оба нежно дорогих Грассецев. Борис.

1 сент. 1935.

Скоро уже два месяца как мы в отъезде, дорогой Иван! И далеко заплыли. И недалеко время, когда будем "грузиться" назад. Пока что, путешествие наше удалось *редкостно*. Начиная с безоблачного плавания, удивительного приема здесь и вплоть до вчерашнего дня, когда был совершенно райский осенний русский день. На Валааме провели девять дней. Много прекрасного и настоящего. (Остров весь в чудесных лесах, прорезан заливами и озерами. Луга, цветы, по дорогам часовенки. Скиты, старички-отшельники — много общего с Афоном. Мы иногда целыми днями слонялись. Жаль только, что масса туристов. В мон. гостинице толчея.)¹

Уже три недели живем вновь в Келломяках — в немолодом, огромном доме. Теперь тут пансион. В авг. (перв. половине) было порядочно народу, сейчас мы одни. У нас две комнаты (и отдельный крытый балкон в цветах) выходят в зелень. Это была усадьба. Перед моим окном сад, яблони, цветы, дальше сосны, дорога — и море. Виден Кронштадт. Это очень волновало первое время. Теперь привыкли. Иван, сколько здесь России! Пахнет покосом, только что скосили атаву в саду, Вера трясла и сгребала сено, вчера мы с ней ездили на чалом мерине ко всенощной в Куоккалу, ременные вожжи, запах лошади, все эти черезседельники и хомуты... (Вечером идешь по аллее: яблони, цветут настурции, флоксы, георгины. Вдали, в темноте, лампа зажжена на стеклянной террасе... Притыкино). И еще: запахи совсем русские: остро-горький — болотцем, сосной, березой. Вчера у куоккальской церкви — она стоит в сторонке — пахло ржами. И весь склад жизни тут русский, довоенный.

Отношение к нам такое, какого и не запомнишь. Про Нину Кауше уж и не говорю. Но и вообще... Если-бы ты не был столь знаменит и великовозрастен, я бы написал тебе так: "Душа

1. Пребывание на Валааме описано в книге Б. К. Зайцева "Валаам", изд. "Странник" Таллин, 1936.

Тряпичкин, чувствую себя здесь отлично. Меня очевидно принимают за какую-то важную особу..." Серьезно: похоже не то на юбилей, не то на какие-то торжества. Перебывали все местные писатели и поэты, поэтессы. Хор поет многая лета. Барышни переписывают лекцию, которую я читал в Териоках (300 чел., 2500 марок валового сбора). Директор реального училища возит осматривать "вверенное ему учреждение". ("Богоугодные заведения нашел в порядке"). Утром приехал сербский консул в Гельсингфорсе — "знакомиться". Вчера в Куоккале задержали из-за нас начало всенощной — одним словом, я вхожу в роль ревизора. На будущей неделе читаю в Выборге (дважды), в конце месяца в Гельсингфорсе дважды. Читал в Райволе — опять юбилей, с речами, автографами и пр. Нет, это на Париж никак не похоже, да и с Нищей мало общего.

Жаль, что нельзя пожить здесь зимой. Ясно, зима удивительная. Но хорошенького понемножку. Думаем 27-го выехать морем в Антверпен, или 28-го в Штетин и через Германию домой. (Звали в Стокгольм, но боюсь дороговизны пути по Швеции, а в городе бы ничего не стоило).

Вера находится в большом заряде. Валаам произвел на нее огромное впечатление (как и на меня, но я все-же видел раньше Афон). Мы возем разные иконки, землю, шишки, и т. п. *réliques*. Игумен надарил столько книг, что придется устраивать еще чемодан.

Были ужасающие грозы — дней пять подряд. Сейчас хорошо! Мечтаю о сухом и солнечном сентябре, последние дни прекрасно. Хожу по лесу, собираю грибы (как Серг. Ив. Кознышев²). Дятлы работают нынешней осенью замечательно! Эти прогулки доставляют давно не испытанную радость — от елей, мха, дятлов, грибов и всего того добра, чем так Россия богата. Да, тут я понял, что очень мы отвыкли от русской природы, а она удивительна, и сидит в нашей крови, никакими латинскими странами ее не вытравишь.

Вспоминаю тебя часто, и люблю. Тоже как часть того мира, который нас всех породил (да часть редкостную, конечно, ты ведь "уникум", а третьего дня проснулся утром, вспомнил тебя, и вдруг стало мне ужасно грустно). Да, а вот уж без грусти: здесь

2. В "Анне Карениной".

поражают *размеры* дач. Как широко и богато в России жили! Мы тоже начинаем это забывать. И — о тебе: ведь можно на берегу моря, в приятной местности и тишине купить дачу (т. е. целый *огромный* дом, зимний, с печами) — за гроши: 30-50 тыс. *марок финских* = 10-17 тыс. франков. Жизнь здесь фантастически дешева. (Курица 5 марок). Одна беда: покупать виллу надо на подставное лицо — только финск. гражданин может купить что-либо. Но это можно было бы устроить. И не чтобы тут *поселиться*, конечно, но приезжать на 3-4 месяца, по моему превосходно. Налога Кауше платит за ее превосходный дом — 100 мар. в год: сколько мы в Бианкуре.

Кончаю. Обнимаю тебя нежно, и всю твою милую грасскую команду. По нашим сведениям Зурович тоже пробился на Валаам, но Вере, разбойник, ничего не ответил. Вера целует. Борис.

30 марта 1936.

Дорогой Иван, к тебе и Зурову обычная просьба Инвалидов весною — дать что-ниб. для большого майского №. Пусть Верочка потрудится, перестучит какой-нибудь твой стих или отрывок прозы. К Зуровичу такое-же обращение. Очень прошу: пришлите мне, к 15 апреля.

Кюфферле замолчал. Ни о поездке в Италию, ни о чем вообще — ни слова. Мережковский едет во Флоренцию, но это по другому номеру — для Данте. (Собирается и в Рим. Хочет трижды повидать Муссолини и научить его уму-разуму).

Верочкино милое письмо получили — я ее целую, а Вера моя напишет основательно. Сейчас ее нет, ушла по спархии. Мы с Алдановым были наднях у А. С.¹ Цетлин, в виде гангстеров для Бальмонта ("Солнечника"). Она была оч. любезна и обещала прислать чек Зеелеру. Но сейчас от Елены письмо: чека еще нет! А Солнечник висит на волоске в лечебнице, завтра надо платить "монеты". Он стал тише, почти не ест, страшно исхудал... м. б., — разрешение всего? Ибо платить-то за него решительно нечем.

На Пасху приглашены к Ельяшевич в деревню. Если будем живы-здоровы, то думаем поехать.

...Пришла Вера — была у Нади. Донзель в больнице, его

1. Вероятно, описка и речь идет о М. С. Цетлиной.

лечат от алкоголизма, навешает его Дюамель. Лечение долгое. Надя тоже слаба очень. Вот новости-то все какие нерадостные!

Насчет Италии у меня нет чувства, что попадем туда. Дай Бог до Ниццы добраться. Если сможем двинуться, то буду читать в Ницце о Валааме, что-нибудь подработаю. Пожелай мне, чтобы удалось попасть на юг, Бог даст увидимся. Целую тебя, Веру, Зурова. Твой Борис.

8 июля 1936.

Дорогие мои, идем на Вы. Думаем приехать 15-го в среду, на автокаре из Ниццы. Иван, напиши пожалуйста два слова, удобно-ли Вам в этот день? И в какое время приезжать? Кажется, грасские автокары уходят из Ниццы каждый час — 4½, 5½, 6½? — мы предполагаем попасть к вечеру. Вещей у нас немного, но самим в гору не втащить. Вероятно надо доехать до грасского terminus'a и там взять facchino?

Ты, вероятно, уже знаешь, что "В-ие" закрылось, Авраам¹ не захотел выкладывать 200 тыс. фр. в год лишних на типографию (требов. синдикатов). Тэффи, Шмелев, я и Коровин получаем приглашение от "П. Н.". Спешить некуда, но отклонять не приходится. А капитан?² Полуслепые Лукаш и Горянский? И прочая наша босая команда?

Хочется повидаться, поговорить обо всем. Времена такие, когда "своих" особенно остро чувствуешь.

Марко Богатый³ пишет, что и "П. Н." будут теперь приносить убыток (ибо и цена бумаги поднялась сильно. Все-же у них сразу возрос тираж, и за ними избранный народ).

Обнимаю и целую обоих, Зуровичу привет. Борис.

Вера целует.

P. S. Из "Илл. Р." на твое имя придут деньги для меня — я так распорядился, чтобы они со мной не разошлись.

1. Газета "Возрождение" существовала на средства А. О. Гукасова.

2. Прозвище Н. Рощина.

3. Марк А. Алданов.

15 сент. 1936. Париж.

Дорогой друг, вот уже неделя как мы тут. Чувствую себя

день лучше, день хуже — слабость, вероятно, еще и от перемены места и климата. Нынче иду к доктору Вербову.

В "И. Р." был, объяснил Хатисову невозможность такой "политики". Думаю, что он и сам теперь понимает, что таких писем, даже и в вежливом тоне, писать нельзя.¹ Так что на всем этом надо поставить крест. Не удивляйся, что нет еще денег: он очень извинялся и обещал прислать чер. 3-4 дня, объясняя какой-то задержкой в Польше (показал даже документ, что у них там "заблокирован" счет).

Видел Слонима², с кот. мы разводим (пока на бумаге лишь) разные спекуляции. (Смотрю на твой почерк и он мне не нравится: усталый и вялый. А от чего бы уставать?) О Грассе часто вспоминаем — там обоим было так хорошо. Обнимаю. поцелуй Верочку, привет Л. Ф.³ Еще раз — большая, большая всем Вам благодарность. Борис.

16 сент. Вчера не отправил, дописываю. Вербов всего меня вернул наизнанку и нашел, что виноват кишечник. Мяса не надо! (2 дн. в нед. пост). Принимаю вакцину (для дезинфекции), парафин — говорит, что это отравление от плохого желудка (и киш.). Никаких "печёнок!" Вот бы порадовался на докторов покойный Толстой! Посмотрим, прав ли парижский Иван Захарыч.

1. Мне не удалось выяснить, в чем дело.

2. Марк Слоним, литературовед, критик. В Париже у него было "Литературное агентство".

3. Л. Ф. Зуров.

Monte Carlo (Monaco).

24 июня 1938.

Дорогой Иоанн, приветствую тебя и твой дом дружески!

Мы здесь уже около недели. Слава Богу, живем хорошо. После Булони, ты понимаешь, Монте Карло кажется раем. Комната у нас с Верой величиной чуть ли не как вся парижская квартира — окна смотрят в горы. Мне этот раз всё Крым мерещится, ранней моей молодости, Ялта, Аутка, где когда-то был я у Чехова. Погода превосходная — солнце, тишина, жары зверской еще нет. Ждем тебя. Сведения вот какие: выше нас (100 ступеней) есть кв. в 4 комн., Наташа говорит — хорошая, с удоб-

ствами, сад, спать есть где целой семье, вид изумительный (цена — 500 в мес.). Но это уже над нами (Мы на границе Монте Карло. Рядом с нами живет Любовь Герм. Добрая, в доме почти равного нашему достоинству).

Разумеется, заглаза трудно что-нибудь наладить — приезжай вперед один, выберешь, что понравится. Отель рекомендуют Terminus, там тебе будет весело — живет русский балет, все молодежь. У нас наднях была 19-и летн. Тамара Туманова, зарабатывающая в Америке больше, чем мы с тобой вместе взятые. ("Я уже шесть лет звезда. Машину свою оставила в Нью Йорке".)

Без шуток: и Тамара, и мамаша (не отпускающая ее *ни на минуту*), говорят, что отель оч. порядочный. Место — вблизи Casino и вокзала. Dunque, venga!

Не поленись, напиши два слова о своих намерениях, когда тебя ждать — встретим. А также, два вопроса, (мне нужные): — 1) Мать Чехова звали Елизавета Яковлевна?¹ 2) Из чего крыши домов в Ялте? Как будто черепичных ведь не было? Почему же мне все это представляется?²

Вчера на закате сидел на террасе Casino. Cap Martin так меня погрузил в былое, точно мне 19 лет и я студент Горного Института, первый раз в Ялте (в Гранд Отеле останавливался).

Господь тебя храни. Твой Борис.

1. Евгения Яковлевна.

2. Видимо, уже тогда думал Б. К. о Чехове, литературную биографию которого он издаст после войны. (См. Борис Зайцев "Чехов", Нью Йорк 1954).

27 сент. 1938.

Дорогой мой дядечка, рад был получить твое письмо — народ русский бесспорно талантлив, и если "захлопает", так и звон, пожалуй, пойдет. Но сейчас не до звона. Да, впервые вижу Париж таким скорбным! Третьего дня первое, что услышал на лестнице, выйдя за газетами — женский плач. У соседки француженки взяли мужа, у консьержки зятя и двух сыновей... На улице везде кучки народу у подъездов, негромко и сумрачно разговаривают. Одним словом, неважнецкое настроение. Вечером поехал к портному Пинчевскому — у него толстая Хая, жена, плачет: взяли сына. "Так что вы думаете, г-н Зайцев, эта

женщина будет всю ночь не спать. Говорю это вам, давнему нашему клиенту”.

Евреи здесь в особенной панике. Марко убежден, что его тотчас убьют, как только начнется война. Замечательно то, что все они трепещут ужасно, но сами к войне все время подстрекают. Женни Цвибак плачет с утра до вечера, Люба Полонская считает уже, что Хитлер в окрестностях Парижа и т. п.

Я держусь мнения, что войны не будет. Но вчера и у меня было тяжелое настроение. Вечером голос Хитлера лаял из многих окон, когда мы с Верой возвращались от всеношной. Воздвижение Креста. В 11 ч. веч. я вышел к Porte S. Cloud — густая толпа, ждут экстр. выпуска Paris-Soir. Не дождался, но узнал содержание речи от 2-х русских, слушавших ее по радио: и каждый передал так, как соответствовало его настроению и мнению.

Нынче прочел утром сам. Впечатление — что мировой войны все-же он *не* хочет, кое-что готов уступить, но чтобы безотлагательно сделаться хозяином в Судетской области.

Ну, пишу это просто делясь впеч., когда получишь письмо. все может 20 раз измениться — по-моему, будут торговаться, хлопать по рукам как на ярмарке, пускать временами по матушке — а до драки Бог даст не дойдет.

В воскресенье неожиданно для себя зашел к Мережковским — видел Веру (твою), Тэффи. Керенский рассказал, что в засед. совета мин. Боннэ побил Манделя (в прямом смысле — скандал был ужасный). Очень жалею, что тебя нет, “скупаю ~~за~~ тобой”, как у нас на юге говорили. Обнимаю дружески. Целуй от меня Тусика, поклон Ляле. Вера целует. Твой Борис.

18 окт. 1938.

Caro vecchio, come sta? Я без тебя соскучился. Слышал, что много пишешь — дай Бог. В промежутках, вероятно, катаешь катышки, других развлечений я на горе не вижу. Решил-ли оставаться в М.-К. на зиму? Для словесности нашей это было бы очень полезно.

Мы здесь уже месяц — раза 3-4 вечером выходили, а то раскладываю пасьянс и на ночь читаю что-нибудь. Прочел “Жизнь Гёте”, Эд. Жалу — как серо! Но и сам Гёте мне сейчас

гораздо, гораздо дальше, чем был тридцать лет назад, когда я на Спиридоновке читал "Германа и Доротею", "Ифигению" и "Тассо". И зачем этот твой Жалу за него взялся? Уж очень они друг другу "несоответствуют".

Нынче вечером будем с Марко сидеть в "Fontaines" Я видел его только раз. Знаю заранее, с чего начнется разговор. "Иван Алексеевич остается в М. К.? Почему он не переедет в Грасс? Сколько он платит в М. К.?"

Он тебя очень любит, как и я.

К Андрееву¹ я давно подбираюсь. "Моих Записок" никогда не читал. Вчера взял в библиотеке первую его книжку "Рассказы" (в "Знании", 1902-й год! — когда Вера появилась в моей жизни и я с тобой познакомился). Прочел "Большой шлем" — это очень сдержанно и сразу дает понятие о большом даровании. Дальше идет "Набат" — уже хуже, с будущими Леонидовыми "ужасами" и дешевой бутафорией. Все же, думаю начало его писания было скромнее (и, значит, выше) раздутого конца ("Царь Голод", "Океан", "Анатэма" — это, я думаю, перечесть невозможно). Да, жаль — нельзя поговорить. Писать — длинно. А о Л. можно бы поговорить.

Верочка Бунина очень мила, мы поздравляли ее в день именин. Наташа тут, как тебе известно. (Марко будет допытываться у меня сегодня, *что именно* ты пишешь, но от Наташи ничего нельзя было выудить, поэтому Марко останется неудовлетворенным. Ф. утверждает — что пьесу).

Прими привет — себе от меня и моей Веры, Ляле, поцелуй также маленькое существо Олечку — она меня не помнит, но, м. б., помнит Наташу.

Все-таки тебя целую особенно. Твой Борис.

1. Писатель Леонид Андреев.

12 ноября 1938.

Милый друг, пересылаю тебе любовное послание Рогнедова.

Говорят, собираешься нас навестить? Хорошо бы! Но потом опять на горку и катать катышки. Видишь, каков отклик? Да и правда дядечка молодцом пишет — многим понравилось.

Прочел я Андреева первый том ...все-таки в общем говенноватисто. Ну, а Сирин? Вера на ночь вчера читала этого Вальса

— в ярости. А я и читать не стану, с меня довольно его рассказа в "Р. З." и опять "Дара". Я нашел себе писателя по вкусу, апостол Павел. Этот писал действительно замечательно. Это тебе не Сирин.

Обнимаю тебя и очень люблю — и тебя, и твой дар, у тебя Божий дар, а не сирийский. Вера целует, я тоже.

Привет Ляле и Олечке, Тусеньку мою поцелуй.

Твой гоноровый пан (ясновельможный) Б. Зайончковский.

P. S. Ты знаешь, поляки такие дураки, что и теперь Буйневичу надо писать на конверте: V. Pan Inz. Buźniewicz — V. = вельможный!

11 дек. 1938.

"Поздний час" — прелестно, дорогой дядечка, очаровательно. Дедушка только что его прочел и разволновался. Сколько раз все писали лунные ночи, а тут все свежо, богато, сильно — и общий дух превосходен — и смерть, и вечность, и спиритуальность: одним словом, "как у нас в науке говорят" — высокая поэзия. Я очень, очень рад, что ты так славно раскатываешь свои катышки на горе над Наташей. Прямо от них колокольный звон.

Прошел слухок, что к нам собираешься — ждем, как на Валааме говорят: "с любовью, с любовью". Только долго тут не сиди, заматаешься опять.

Мы все смотрим пьесы в театре — то "Вишневый сад", то другое. Марко Богатый решил, что он Симеонов-Пищик (у всех занимает и много ест), это сказано хорошо. Он очень мил, и тоже по тебе соскучился (как и я). Последнее время много шатаемся по гостям, обедам и пр. Приезжала из Лондона Саблина — у нас встретилась с Осоргиным (оказывается, давняя его поклонница) [...]. Сестра моя Надя недавно заявила мне тихим своим и покорным голосом: "Не нравится мне Сирин. Кривляка". И замолчала, опустила глаза. Сирин читал. Говорят, читал хорошо (я не был). В общем он провел собою такую линию, "разделительную черту": евреи все от него в восторге — "прухно" внутреннее их пленяет. Русские (а уж особенно православные) его не любят. "Русский аристократизм для Израиля". На том и порешим.

Обнимаю тебя. Привет шлет и Вера, она очень тоже в

восторге от писания твоего. Целуй Верочку, мою Наташу. Поклон Ляле. Твой Борис.

25 марта 1939.

Дорогой Иоанн Рыдалец, вчера отправил тебе и Верочке "Москву"¹, для провинции издано прилично. Если будешь читать, то имей в виду, что корректуры у меня не было и за искажения смысла (кое-где) я не отвечаю. Всей кн. сам не читал, но развернув наугад натолкнулся, напр., на слова: "в темноте с радужными криками(?)" — вм. "кругами" (о закрытых глазах) — наверно, много всякого такого добра. — Да и материал пестрый, очень разновременный — о Леониде² статейка еще времен Притыкина, сколько я ее ни обламывал, она сохранила характер писания моего более чем 20 лет тому назад.

Получил фельетон Пильского из Риги — как всегда *article favorable*, но название! "Трагедия мужа провокаторши". Подзаголовок: Новая кн. Бориса Зайцева. Вот так новую книгу написал пан Зайончковский! Но ничего не поделаешь, я и Пильского не виню: стало быть, иначе для тамошней публики и совсем не пройдет.

Обнимаю тебя, *Caro maestraccio*, Верочку целую. Господь Вас храни.

Твой Борис.

1. Борис Зайцев, "Москва", Изд. "Русские Записки".

2. Леонид Андреев.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПРАГЕ (1921—1945)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ "РУССКОЙ АКЦИИ" ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В средние века королевство Чешское было одним из значительных государств средней Европы. Чешский король Карл был избран императором Священной Римской империи и поэтому вошёл в историю под наименованием Карла IV. Его именем называется Карловый чешский пражский университет (основ. в 1348 г.), давший образование тысячам русских студентов-эмигрантов. В XVII в. Чешское королевство потеряло свою независимость и вошло в состав Австрийской монархии. Словакия же несколько столетий раньше стала частью королевства Венгерского.

В течение 300 лет австрийского господства (1620-1918) чешское простонародье сохраняло родной язык и деловские обычаи, но большинство аристократии и интеллигенции в значи-

*Я пишу свои воспоминания, не имея под руками печатных и письменных материалов, и поэтому они не претендуют на полноту и хронологическую точность. Но там, где в моей памяти обнаружились явные пробелы, мне помогли мои пражские друзья — известный архивист Л. Ф. Магеровский и г-жа Т. О. Ранит, ныне вице-директор славянского отдела библиотеки Ельского университета. Они, по моей просьбе, прислали письма с ценными сведениями о "нашей" Праге. Я включил содержание этих писем в свой текст и приношу моим "сотрудникам" сердечную благодарность.

тельной степени онемечилось. Но в середине XIX в. среди чешской интеллигенции начинается национально-культурное движение, чешские "будители", естественно, обращают свои взоры на восток, в сторону великой славянской империи, и между Прагой и Москвой устанавливается живое общение. В 1867 г. в Москве одновременно с этнографической выставкой состоялся общеславянский съезд, и Москва с энтузиазмом приветствовала делегацию "родных славянских братьев", которую возглавляли знаменитый чешский историк Палацкий и политический деятель Ригер, а император Александр II дал чешским гостям весьма дружескую аудиенцию.

Первая мировая война раздробила Австро-Венгерскую монархию на 8 кусков; три из них — Чехия, Словакия и область карпатских русинов — образовали одно государство — Чехословацкую республику, независимость которой была провозглашена 28 октября 1918 года. Её первым президентом стал профессор-философ Томаш Масарик, а первым премьер-министром Карел (а по-русски, Карл Петрович) Крамарж. Он был давним и верным другом национальной России. До войны он не раз посещал Россию и женился на русской; Надежда Николаевна Крамарж была москвичка из купеческого рода Абрикосовых. Во время войны австрийская прокуратура из русофильских симпатий и русских связей Крамаржа смастерила дело о государственной измене, и он был приговорён к смертной казни, заменённой тюремным заключением. По смерти императора Франца-Иосифа в 1916 году, он был освобождён из тюрьмы.

В 1919 г. Крамарж потерял пост премьера, но остался влиятельным членом парламента, как лидер одной из пяти основных политических партий, народно-демократической, входившей в состав правительственной коалиции. Нечего и говорить, что Крамарж всячески поддерживал "русскую акцию" и что мы все, или почти все, русские пражане, были его поклонниками.

Внешне-политическое положение новорожденной Чехословацкой республики не было слишком прочным. Её территория тянулась через всю среднюю Европу длинной и узкой лентой между двумя ныне ослабленными, но в будущем потенциально опасными соседями: на севере — Германия, на юге — Венгрия. Как было бы хорошо, если бы на востоке была великая

славянская держава, которая, в случае опасности, могла бы прийти новой республике на помощь, как она приходила на помощь своим балканским братьям. Конечно, это была бы не самодержавная монархия, а некое национально-демократическое государство, т. к. Крамарж представлял себе будущую Россию в виде избирательной монархии. Конечно, от ленинского Коминтерна "буржуазная" Чехословацкая республика не могла ожидать никакой помощи.

С другой стороны, ни чешские политики, ни русские антикоммунисты не думали, что уродливое, жестокое и безумное царство Ленина-Троцкого-Дзержинского будет столь долговечно: — оно *должно* пасть в недалёком будущем. Вот для этого события и следовало подготовить кадры строителей и работников будущей дружественной Чехословакии России.

Этой цели должна была служить, так называемая, "русская акция" — редкий, если не единственный, случай, когда правительство одной страны "рекрутировало" тысячи иммигрантов другой национальности и брало их на казённое иждивение. В министерстве иностранных дел был учреждён особый русский департамент, им управлял д-р Завазал, а министерство финансов ежемесячно отпускало нужные для содержания иммигрантов суммы. Не знаю цифр, но думаю, что для небольшого новорожденного государства расход этот был весьма значителен.*

Приглашенные иммигранты состояли из трёх групп: 1. люди интеллигентных профессий, в т. ч. большая группа профессоров и молодых учёных; 2. студенты высших учебных заведений; 3. казаки. Профессора, молодые учёные и студенты получали регулярно казённое "жалованье", вполне обеспечивающее безбедное существование.

КУЛЬТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Говоря о деятелях русской культуры в Праге, я перечисляю

*Следует заметить, что Чехословакия получила в свои руки часть русского золотого запаса, вывезенную из России во время гражданской войны чехословацким легионом. (Ред.)

только специалистов общественных наук; специалисты наук естественных, математических, медицинских и технических упоминаются лишь в исключительных случаях.

Историки. Профессора: Евгений Францевич Шмурло, Александр Александрович Кизеветтер, Иван Иванович Лаппо (мой руководитель при подготовке к магистерским экзаменам, С. П.), Георгий Владимирович Вернадский, Антоний Васильевич Флоровский.

"Молодые историки": Б. А. Евреинов, А. Ф. Изюмов, Е. Ф. Максимович, С. П., В. В. Саханев.

Никодим Павлович Кондаков, знаменитый археолог и историк искусства.

Петр Бернгардович Струве, экономист, историк и социолог, обладавший исключительно широкой и глубокой эрудицией в этих областях.

Юристы и историки права: Е. В. Спекторский, Д. Д. Grimm, П. И. Новгородцев, А. Н. Фатеев.

Экономисты и историки народного хозяйства: А. Д. Билимович (скоро уехал в Югославию), А. А. Косинский, Б. Н. Одинцов, Д. Н. Иванцов, С. Н. Прокопович, основатель и руководитель "экономического кабинета", изучавшего, главным образом, экономику СССР; Пётр Николаевич Савицкий, экономист и социолог, лидер пражских "евразийцев".

Социологи: Н. С. Тимашев; Питирим Александрович Сорокин — приехав в США, он стал профессором Харвардского университета, основателем и главой кафедры социологии, автором ряда научных трудов и редактором многих книг, излагающих и оценивающих разные стороны человеческого общежития.

Философы: Николай Онуфриевич Лосский, Иван Иванович Лапшин, С. И. Гессен (философ и педагог).

Литературоведы: проф. В. Францев (чешский профессор), проф. Е. А. Ляцкий; литературный критик Марк Слоним.

Георгий Васильевич Флоровский, историк церкви и богослов.

Думаю, что к началу 1922 г. в Праге собрались представители всех русских университетов. В 1922 г. Ленин прислал нам большое подкрепление. Он выгнал из России около 200 профес-

соров, доцентов, писателей, публицистов и др., которых не належа превратить в поклонников и проповедников марксизма-ленинизма. Изгнанники рассеялись по разным странам Европы, и довольно многие приехали в Прагу, среди них были такие крупные учёные и философы, как Н. О. Лосский и А. А. Кизеветтер.

НАУЧНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В каждой европейской столице, как и в далёком Харбине, где собралось несколько десятков бывших деятелей русских высших школ, они устраивали профессиональную организацию, которая обычно называлась Русской Академической Группой. Она повышала квалификацию своих членов тем, что производила магистерские экзамены и присуждала выдержавшим звание приват-доцента. Она же устраивала публичные защиты магистерских и докторских диссертаций и обычно участвовала в общеакадемических съездах. Второй общеэмигрантский съезд русских учёных состоялся в Праге в 1923 году. Академическая Группа устраивала лекции и доклады, и принимала участие в общеэмигрантской национально-культурной деятельности, как устройство "Дня русской культуры" или Татьянинского бала. 12/25 января она также устраивала курсы для русских детей.

Первым председателем пражской Р.А.Г. был профессор Киевского университета Е. В. Спекторский; после его отъезда председателем Р.А.Г. был профессор-юрист Давид Давидович Гримм, бывший ректор Петербургского университета. Секретарём Группы был Д. Н. Иванцов, помощником секретаря — С. Пушкарёв.

В Праге, помимо Академической Группы, была Учебная Коллегия. Её неизменным председателем был авторитетный и всеми уважаемый профессор-инженер Алексей Степанович Ломшаков. Она была посредником между чешской администрацией и русским обществом учёных и учащихся. Она следила за правильным распределением стипендий по квалификациям (1. профессора, 2. доценты, 3. готовящиеся к магистерским экзаменам) и за тем, чтобы русские студенты, получающие стипендию, действительно проходили надлежащие курсы и дер-

жали надлежащие экзамены.

В начале 1920-х гг. в Праге был основан "Русский народный университет". Его ректором был профессор-биолог Михаил Михайлович Новиков; он часто вспоминал, — с обоснованной гордостью, — что он был последним свободно избранным ректором Московского университета. Народный университет, в сущности, не был учебным заведением, в нём не было ни систематических курсов, ни постоянного кадра студентов, ибо русские студенты обучались в чешских высших учебных заведениях. Народный университет был лекционным бюро и книгоиздательством. Он устраивал лекции на разные темы в Праге и в провинциальных чешских городах, а главной его деятельностью было издание нескольких томов "Записок" — сборников статей на разные темы.

В начале 30-х годов университет изменил название и своё "возглавление". Он стал называться Русским Свободным университетом, а его ректором стал профессор ботаники Василий Сергеевич Ильин. Сфера деятельности университета, с одной стороны, расширилась, а с другой — сузилась. Появились систематические курсы русского языка для нескольких групп чешской студенческой молодёжи, а книгоиздательское дело перешло в руки новой организации, основанной инициативой, заботами и трудами проф. В. С. Ильина. Это было "Русское научно-исследовательское объединение".

Продолжению издательства русских научных трудов грозила серьёзная опасность, ввиду существенного сокращения чешской субсидии. Надо было искать другой источник доходов, и В. С. Ильин прекрасно разрешил эту задачу. Ежегодно в Татьянин день (12/25 января) в обширном зале в чешском Народном доме "на Виноградах" устраивался роскошный концерт-бал. Для его подготовки проф. Ильин привлекал к работе всех членов Академической группы, а также их жёны взрослых дочерей. Писалось бесчисленное множество приглашений, а дамы, сверх того, готовились к устройству прекрасного, но не слишком дорогого, русского буфета. Привлекались к участию все лучшие силы русского и чешского музыкального и театрального мира, включая балет. Татьянин праздник был очень популярен в чешском и русском обществе, и зал всегда был набит битком. После концерта

были, конечно, длительные танцы под прекрасную музыку оркестра.

Я сам никогда не наслаждался видом и звуками всех этих прелестей, ибо я — и ещё один член Академической Группы — весь вечер и почти всю ночь сидели на холодной площадке Виноградского Народного дома и продавали входные билеты публике, которая валом валила на наш праздник. Надо ещё заметить, что многие из приглашённой чешской интеллектуальной знати по почте присылали, кроме денег за билеты, ещё добавочное пожертвование. Помимо билетов и пожертвований, большой доход давал и прекрасный "русский буфет", устроенный нашими заботливыми, трудолюбивыми дамами. О буфете вспоминаю с особым удовольствием, ибо милые буфетные дамы значительно облегчали голодную и холодную жизнь двух кассиров, принося нам в подарок тёплые и вкусные бутерброды.

Наше Научно-исследовательское Объединение не порывало ни формальной, ни личной связи с Русским Свободным Университетом. В. С. Ильин был и ректором университета. Но, по существу, "Объединение" было особым учреждением, имевшим свою специальную задачу — издание трудов русских учёных. Оно подразделялось на две секции; председателем естественно-научной секции был В. С. Ильин, а председателем гуманитарной секции А. Н. Фатеев, бывший профессор юридического факультета Харьковского университета по кафедре философии права. Председатели секций дружно сотрудничали, хотя были полной противоположностью один другому по характеру.

Объединение издавало наши работы отдельными выпусками, размерами от 32-х до 65-ти страниц, или, по старому русскому счёту, от двух до четырёх печатных листов. Для издания больших монографий у нас не было средств. Думаю, что число всех выпусков этого издания составляет около ста.*

Весьма важным учреждением был созданный в Праге русскими трудами и чешскими деньгами Русский Заграничный Исторический архив, находившийся в ведении министерства

* (Из написанных мною трёх работ последняя вышла в 1941 году под № 77.

иностранных дел. В нём было собрано огромное количество рукописей и печатных материалов, относящихся, главным образом, к эпохе первой мировой войны, русской революции и последовавшей за ней гражданской войны. Все материалы разделялись на три отдела: отдел рукописей, библиотека, газетный отдел.

Директором Архива был чех Ян Славик, а заведующие отделами — русские эмигранты. Рукописным отделом заведывали два молодых русских историка Александр Филаретович Изюмов и его помощник Евгений Филимонович Максимович. Библиотекой заведывал Сергей Порфирьевич Посников, газетным отделом — Лев Флорианович Магеровский, будущий куратор-основатель Бахметевского Архива в Нью-Йорке. Молодая русская дама была машинисткой, донской казак Бротякин был рассыльным.

Кроме перечисленных служащих, получавших жалованье по штату, в делах Архива принимал участие Учёный совет, состоявший из русских учёных и общественных деятелей. Председателем Учёного совета был А. А. Кизеветтер, а после его смерти в 1933 г. — А. Н. Фатеев. Главной задачей Совета была оценка исторической ценности и финансовой стоимости предлагаемых к покупке рукописей. Получив рукопись, директор Архива передавал её на рассмотрение Совета. Совет поручал одному из своих членов детально ознакомиться с рукописью и сделать о ней подробный доклад в собрании Совета, который должен был решить, стоит ли приобретать данную рукопись и какую максимальную цену можно за неё заплатить, причём д-р Славик обычно соглашался с мнением и оценкой Совета.

Удба Русского Заграничного Архива была трагична. По окончании второй мировой войны и восстановлении Чехословакии, президент Бенеш подарил Архив генералиссимусу Сталину (не знаю, добровольно ли или по просьбе), и таким образом в Москву ушли в числе прочих материалов все секретные рукописи о гражданской войне и о разных антибольшевицких движениях и организациях.

Была у нас, историков, в Праге и профессиональная, небольшая, но дружная организация — Русское Историческое Общество. Её председателем был сначала Е. Ф. Шмурло, а потом

А. А. Кизеветтер.* В обществе читались и обсуждались доклады.** Не помню, откуда-то у нас явились финансовые возможности, и мы смогли издать два тома наших "Записок", в которых было напечатано несколько статей и излагалось содержание прочитанных в заседаниях Общества докладов.

Было в Праге и ещё одно русское научное учреждение — "Экономический Кабинет", созданный и руководимый С. Н. Прокоповичем. Его главной задачей было изучение экономики СССР.*

Весьма важным культурным учреждением было пражское издательство "Пламя", издавшее множество книг русских эмигрантских авторов. С 1922 г. по 1930 г. "Пламя" входило в состав "русской акции", но работало самостоятельно. Его возглавлял литературовед проф. Е. А. Ляцкий. Около 1930 г. "Пламя" слилось с издательством "Орбис", рассчитанным на всю Европу.**

Одной из общественных русских организаций был пражский "Земгор", куда входило около 100 членов. Это были остатки Всероссийского Земского и Городского Союза, который во вре-

*О живости ума и о литературных способностях А. А. Кизеветтера может дать понятие следующая сценка. Происходит административное заседание Русской Академической Группы. Я сижу за столом прямо против Кизеветтера и часто на него поглядываю. Он всё время пишет какое-то очень длинное письмо. Перед концом заседания он бегом просматривает своё письмо, вкладывает его в конверт и наклеивает на него марку. По закрытии заседания я спрашиваю: "Александр Александрович! Как это вы ухитряетесь писать письма во время заседания?" Он отвечает: "Это не письмо, это статья для 'Руля'" ("Руль" — эмигрантская газета, выходившая в Берлине). Я опешил. Я писал свои статьи, сидя один в комнате, и сначала только черновик, который потом проверял и переписывал. Писание статьи "набело" во время общественного заседания казалось мне каким-то фокусом. Я переспросил с изумлением: "Статья для 'Руля'" (Надо заметить, что статьи Кизеветтера обычно были содержательны и интересны). От ответил: "Так надо же время использовать. А то ведь на этих заседаниях скука ужасная!"

**В том числе, мой большой доклад о И. Т. Посошкове и его "Книге о скудности и богатстве". С. П.

*Один из молодых сотрудников Прокоповича жаловался мне, что Прокопович, по его мнению, легковёрно принимает за чистую монету все цифровые данные, которые он находит в советских изданиях. С. П.

**Согласно данным Л. Ф. Магеровского. С. П.

мя войны помогал правительству в снабжении армии медицинской помощью, продовольствием и одеждой. В Праге "Земгор" перенял консульские функции (выдавал разного рода удостоверения взамен утерянных или отсутствующих документов) и принимал активное участие в деятельности благотворительных и культурных организаций.*

Среди эмигрантских организаций разного характера в Праге были 4 квартирных кооператива, владевших четырьмя домами, построенными на средства членов, при значительной финансовой поддержке правительства. (Дом, в котором жил автор, именовался "профессорским", был пятиэтажным и имел 40 квартир).

Был еще "Русский очаг", созданный демократической аристократкой, графиней Софией Владимировной Паниной. В нём были небольшой зал для собраний, библиотека, читальня с газетами на столах, столовая и буфет.

РУССКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Русский Юридический Институт был по своей программе тождествен юридическим факультетам старых русских университетов. И русские, и чехи надеялись, что *русское право* понадобится в будущем, когда на смену царству произвола и беззакония в СССР придёт *правовое* государство Российское.

Было два специальных института — кооперативный (аграрно-кооперативный) и педагогический, — и две русских гимназии — в Праге и в Моравской Тржебове.

Пражская русская гимназия помещалась в части Праги, называемой Страшнице. В ней учились русские дети и дети от смешанных чешско-русских браков. Первым её директором был Сушков, кубанский педагог и общественный деятель; вторым — чех из России Сватек, бывший инспектор гимназии в Тифлисе; третьим — П. Н. Савицкий, экономист, историк, лидер "евразийцев".*

*По сведениям Л. Ф. Магеровского. С. П.

*По данным Л. Ф. М. С. П.

Гимназия в Моравской Тржебове была основана благодаря инициативе и трудам авторитетного русского педагога, бывшей директрисы частной женской гимназии в Киеве, Аделаиды Владимировны Жекулиной. В 1921 году она организовала гимназию в Константинополе, а в 1922 (или 1923) году перевезла её, в рамках "русской акции", в Чехословакию. Гимназия была помещена в бывшем лагере для русских офицеров, взятых австрийцами в плен во время первой мировой войны. Учащиеся жили в интернате. Директором гимназии был В. А. Светозаров. В 1932 году гимназия в Моравской Тржебове была ликвидирована, а педагогический персонал и учащиеся влились в пражскую гимназию в Страшницах.**

В середине 20-х годов при Русской Академической Группе были открыты курсы для преподавания русских предметов русским и чешско-русским детям, учащимся в нерусских школах. Это были, так называемые, "русские курсы при Р.А.Г.". Занятия происходили по вечерам в "сборовне" профессорского дома. На уроки к нам приходили мальчики и девочки в возрасте от 7 до 16 лет. Общее число колебалось от 60 до 80 человек, которые при занятиях разделялись на три группы. Около половины учеников были дети чешских офицеров, которых военно-революционные бури забросили в 1914-20 гг. в Россию и которые в Поволжье, Приуралье и в Сибири женились на русских девушках.

На курсах преподавались четыре предмета: Закон Божий, русский язык, русская история и русское хоровое пение. Заведующим курсами был профессор И.И. Лаппо, а когда он уехал в Литву, заведующим стал С. П. Пушкарёв. Активной помощницей заведующего была М. А. Никишина. Закон Божий преподавал архимандрит Исаакий. Русский язык — последовательно — М. А. Никишина, Н. С. Евреинова и др. Русскую историю преподавал С. Пушкарёв. Русское хоровое пение — М. А. Никишина, потом А. П. Малышева.

Два раза в году — на Рождество и при конце занятий — мы устраивали детский праздник. Дети выступали в национальных

**По данным Л. Ф. М.

костюмах, был детский спектакль, хоровод и хоровое пение, танцы, декламация и, наконец, всякие яства. Наши "мамы" с энтузиазмом помогали нам при подготовке и во время наших школьных праздников: готовили костюмы для спектаклей, а для "пира горой" приносили действительно гору самых разнообразных вкусных вещей.

Финансовые средства нашей школы были очень скромны; платы за обучение мы не брали, но мы получали небольшое пособие от Министерства народного просвещения и ежегодно получали пожертвование из личных средств нашей почётной попечительницы Н. Н. Крамарж. Заведующий школой и его помощница вознаграждения не получали, а учителя получали скромное вознаграждение по часам.

Раза два в год мы водили наших детей (в национальных костюмах) на показ нашей "почётной попечительнице", и после короткого "представления" дети получали прекрасное угощение. Два или три раза в год я с радостным волнением отправлялся в усадьбу Крамаржей для личного доклада Надежде Николаевне. Она приветливо меня принимала и дружески со мной беседовала часок-другой. Карла Петровича я встречал очень редко и говорил с ним очень мало. С детьми нашей школы я крепко подружился, но старался поддерживать дисциплину и порядок.

Прага обладала большим числом обширных, отлично оборудованных книгохранилищ, библиотек и архивов. Условия для изучения русской истории были в Праге превосходными. Обильный материал заключала, конечно, библиотека "старославного" Карлова университета, основанного в XIV столетии.

Выше упоминалось об идейной чешско-русской дружбе в середине XIX века. В результате этой дружбы, в библиотеке Национального (народного) музея накопилось необозримое множество источников и литературы по русской истории и по истории русской литературы и русского искусства: собрания сочинений, монографии, сборники статей, периодические издания, в том числе многие журналы, которые уже давно стали библиографической редкостью.

Для изучения политической и общей истории России богатый материал представляла относительно молодая, но хорошо снабжённая Славянская библиотека Министерства иностранных

дел. В ней, например, находилось около 140 огромных томов "Полного Собрания Законов Российской Империи", обнимающих всё собранное русское законодательство с 1649 года. Заведовал библиотекой Вл. Н. Тукалевский, служащими были несколько интеллигентных (всегда готовых помочь читателю) русских дам. Библиотека находилась в большом парке Стромовка, в "летнем замке". Он был действительно летним: в нём не было отопления, и зимой приходилось работать в пальто. Это имело и свою хорошую сторону: охотников мёрзнуть ради науки было весьма немного, и почти все места для читателей были свободны. Поскольку на дом книги не выдавались, вы могли моментально получить всякую нужную вам книгу.

Для тех, кто занимался изучением мировой войны, революции и гражданской войны, обильный материал доставляли отдел рукописей и библиотека Русского Исторического Архива Министерства иностранных дел. Наконец, для русских учёных были доступны Чешский государственный архив и Архив города Праги.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ПРАГИ ПОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

С начала немецкой оккупации Чехословакии в марте 1939 г. деятельность русских научных и общественных организаций постепенно сокращалась, но не прекращалась. Для наблюдения за русскими научными организациями и учебными заведениями была назначена молодая дама, доктор философии; не знаю, как называлась её должность и каковы были её функции и полномочия. Проф. В. С. Ильин, ректор нашего Свободного Университета и председатель нашего "научного объединения", неоднократно посещал нашу "начальницу" для доклада о деятельности наших учреждений. Никаких неприятностей и придинок мы от неё не испытывали, и вообще она фактически в нашу жизнь и работу не вмешивалась.

Начальником, точнее "вождём" русской эмиграции был назначен молодой русский инженер. Мне пришлось раз говорить с ним в его кабинете. По внешности и манерам он производил очень благоприятное впечатление — спокойный, вежливый, без

малейших признаков "держиморды". Был ли он всегда и со всеми так же любезен, как со мной, я, конечно, не знаю.

Скоро после прихода немцев в Праге образовалась "русская национал-социалистическая партия". Вступили в неё, главным образом, русские инженеры; одни хотели на всякий случай "застраховаться", другие видели в национал-социализме единственную реальную силу, которая борется против сталинского коммунизма и может побороть его.

Профессора от вступления в эту партию воздержались; мне известен только один случай вступления в партию человека из среды "молодых учёных". Профессорская среда притихла, надеясь "отсидеться за печкой" И, действительно, отсиделась до весны 1945 года, когда к Праге стала приближаться Красная армия. Тогда многие из нас бросили свои насиженные пражские гнезда и бежали на Запад.

Был, однако, случай нацистского террора, который больно ударил нашу академическую семью. Председатель нашего квартирного кооператива, инженер профессор В. А. Брандт любил рассказывать антигитлеровские анекдоты и рассказывал их не шепотом, а полным голосом. Вдруг он исчез. Его арестовало гестапо, и через два дня оно выдало его чешской подруге его труп для похорон.

С. Г. Пушкарев

МЕМОАРЫ ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО МУЗЫКАНТА

ВСТРЕЧИ С ДМИТРИЕМ ШОСТАКОВИЧЕМ

Музыкальная жизнь Москвы в начале 30-х гг. отличалась удивительной активностью. Сюда съезжались дирижеры и солисты-виртуозы из разных стран. Важную роль играли и педагоги московской консерватории, которые были успешными конкурентами мировых знаменитостей. Правда, среди иностранных гостей немало было русских эмигрантов, в том числе Сергей Прокофьев, которого в ту пору еще не успели "приземлить" на советской территории. Большое внимание привлекали концерты пианиста Александра Кирилловича Боровского. Еще помнили, что с 1915-го по 1920-й год он был профессором Московской консерватории. Боровский был в числе лучших учеников гениальной Анны Есиповой. В 1920 г. Боровский предпочел эмигрировать из СССР. Посещал Москву и чудесный певец Дмитрий Алексеевич Смирнов, обладатель изумительного по красоте лирического тенора. Его пытались "приземлить" в СССР, но он во-время разгадал эту хитрость. Даже хотели ему дать звание "народного артиста". Но Смирнов увиливал от подобных соблазнов и предпочитал, как он говорил, быть "всенародным", то есть международным артистом. Говорят, что вырвавшись в свободный мир, после своих последних гастролей в СССР, он расцеловал первого попавшегося пограничника капиталистической страны.

Братья Борис Борисович и, особенно Лев Борисович Красины, немало стараний прилагали для приглашений из зарубеж-

ных стран известных музыкантов. Некоторые застредали на долгий срок в СССР, особенно дирижеры. Стремление поднять уровень симфонических оркестров до европейского "стандарта", а также возратить русским симфоническим оркестрам дореволюционную славу, требовало настойчивой работы с прославленными дирижерами. Стремилась вырваться из музыкальной изоляции и путем живых контактов с разными странами. Правда, эти контакты потом были прерваны боязнью "поражения в идеологической борьбе". Кто-то придумал название "музыкальный фронт". И пошло гулять это бредовое определение советской музыкальной жизни.

Но в начале 30-х гг. еще можно было наслаждаться в Москве остатками музыкальной роскоши. Концертные программы давали возможность услышать новинки зарубежной музыки, а они были исключительно интересны. От советских же композиторов требовали революционную тематику, воспевание образа Ленина и октябрьского переворота. Советским композиторам пришлось к ней приспособливаться. Не избежал этой участи и Дмитрий Шостакович. Его симфонии получили название "Первомайская", "Посвящение Октябрю". В более удобном положении оказались виртуозы, им разрешалось исполнять всё, даже произведения таких "закостенелых" эмигрантов, как Рахманинов, Стравинский, Глазунов и др. Музыкальный нейтралитет еще имел некие неписанные права.

Среди любимцев московской публики был молодой пианист Лев Оборин. В 1927 г. он добился сенсационного успеха на международном конкурсе пианистов имени Шопена в Варшаве. В ту пору в Варшаве, несмотря на резкие антисоветские настроения, признавали полную беспристрастность в оценке мастерства молодых виртуозов. Искусство в панской Польше было вне политики. Своему поляку Станиславу Шпинальскому присудили 2-ю премию. Отметим 4-й премией советского пианиста Григория Гинзбурга. И если на том же конкурсе не отметили премией пианистическое искусство Дмитрия Шостаковича, то это было вполне понятно и не вызвало нареканий в несправедливости. Сенсационный успех молодого Оборина, которому в 1927 г. едва было 20 лет, вызвал большой резонанс. Москва "влюбилась" в Оборина, яркого представителя школы Константина Николае-

вича Игумнова. Уже в 1928 г. Оборина пригласили преподавать в Московскую консерваторию. Наряду с преподаванием игры на фортепиано, он вел и класс камерной музыки. По совету профессора Н. С. Жилева я посещал у Оборина класс камерного ансамбля. Сам Оборин с увлечением относился к малоизвестным произведениям. Помню об одном он сказал, что "композитор недостаточно был требователен к себе и не знал что сказать слушателям". О другом он выразился более резко, заявив, что автор напрасно возомнил себя композитором. Но бывало, что Оборин удивлялся несправедливым оценкам талантливых произведений и считал, что их непременно надо пропагандировать. Так он добрался до скрипичной сонаты немецкого композитора Ганса Пфицнера. Я должен был ее разучить. Помню Оборин просвещал меня биографией Пфицнера и я с удивлением узнал, что этот "закоренелый" немецкий композитор родился в... Москве 5 мая 1869 г. Так случилось, что отец Пфицнера играл в том году на скрипке в оркестре Большого театра. Не знаю, насколько отразилось на творчестве Пфицнера рождение в Москве. Думаю, что таких признаков нет. Но его скрипичная соната отличается исключительной мелодичностью и романтической взволнованностью. Разучивание его сонаты доставляло мне удовольствие. Помню сам Генрих Густавович Нейгауз пригласил меня проиграть с ним эту сонату и рассказывал о личном знакомстве с Гансом Пфицнером во время своего пребывания в Берлине.

Занятия с Обориным происходили у него на дому. Иногда я приходил без своих партнеров и Оборин охотно со мной музицировал. Помню во время разучивания сонаты Пфицнера раздался в квартире звонок. Прервав игру, Оборин направился к двери. Оказалось, что это Шостакович. Небрежно бросив свой чемодан в коридоре, Шостакович вбежал в комнату и сразу же — к роялю. "Что вы здесь играли?" — спросил он. Потом стал перелистывать ноты и признался, что ему вовсе не знакомо это произведение. А он хорошо знал музыкальную литературу. Сев за рояль, Шостакович стал проигрывать фортепианную партию сонаты. Мне оставалось играть партию скрипки. Так мы и проиграли сонату от начала до конца. Шостакович поблагодарил меня за знакомство с неизвестным ему произведением. Играл

Шостакович с листа удивительно смело, хотя партия фортепиано в этой сонате поистине "варварски трудная". Возможно, что поэтому соната пугала многих пианистов. Но Шостакович признал, что иной эта фортепианная партия и не могла быть. Это было мое первое знакомство с Шостаковичем.

В то время очень много говорили о его произведениях, видели в нем гения, хотя Шостакович еще не успел тогда написать свою знаменитую оперу "Катерина Измайлова". Но его первая симфония уже взбудоражила весь музыкальный мир. Много говорили об опере Шостаковича "Нос" по повести Гоголя. Ее поставили в Ленинграде. Дирижировал Самосуд. В составлении либретто принял участие Е. Замятин. Поставил оперу Н. В. Смолич. Газетные отклики были разноречивы. Но все признавали ее исключительное значение. Но, кажется, в репертуаре в Ленинграде она продержалась не очень долго. А в Москву "Нос" не привезли. По настоящему в ту пору не могли разобраться в этом гениальном произведении. Должно было пройти почти полвека до полного понимания оперы "Нос". Сейчас все признают "Нос" гениальным. Но Оборин был в числе тех, кто уже в начале сценической жизни "Носа" глубоко разобрался в этом произведении. Он специально ездил в Ленинград, чтобы послушать оперу и не раз говорил о ней с восторгом.

Дмитрий Шостакович сразу очаровал меня своей скромностью и доброжелательностью. У нас довольно быстро установился общий язык. А присутствие при нашей первой беседе Льва Оборина полностью раскрывало желание Шостаковича высказаться. Меня поразило удивительно тонкий слух Шостаковича. Помню Оборин шутя сказал ему: "Откуда в тебе, Митя, столько разнообразных гениальных мыслей?" Шостакович ответил просто: "Записываю на нотную бумагу все то, что слышу вокруг. А слышать приходится многое. Вот, например, кто-нибудь разговаривает. Мало кто обращает внимание на интонацию разговоров, а ведь каждое слово, каждый слог, произносятся на каком-то музыкальном тоне, и все эти тона произносятся совершенно произвольно. Только надо уметь их услышать. Я их слышу и обращаю на них внимание. Ведь каждый человек в своем обыкновенном разговоре напевает какую-то мелодию". Эти слова Шостаковича были восприняты мной, как открытие

неведомого. Шостакович предложил Оборину прочитать какой-то отрывок из первой попавшейся книги. Оборин стал читать с явным смущением и призадумывался над каждым произнесенным словом. Шостакович вдруг его оборвал и сказал: "Спасибо, Левушка, за интересную мелодию, я ее непременно использую". Известно, что Лев Оборин был талантливым композитором и ряд его произведений даже были изданы. Правда, Оборин отказался от композиторской деятельности и впоследствии говорил о ней, как о некой детской шалости. Но Шостакович с этим не соглашался и упрекал Оборина в недооценке своих композиторских способностей. В эту встречу снова возник разговор о возвращении Оборина к композиторскому творчеству. Но Оборин говорил, что композиторов слишком много развелось, да еще каждый способный разговаривать придумывает какую-нибудь мелодию. Мы весело смеялись. Но Оборин теперь утверждал, что в присутствии Мити опасно разговаривать, он все заносит на нотную бумагу. А я был в состоянии какого-то оцепенения. Старался прислушиваться к интонациям разговоров и уловить какие-то неведомые мне музыкальные мелодии. Должен заметить, что мне никак не удалось их обнаружить. Но долгое время я находился под впечатлением этого открытия Шостаковича. Да и сейчас, иной раз, собираюсь услышать какие-то случайные мелодии в разговоре. Иногда мне кажется, что кое-что нахожу. Особенно, когда разговаривают певцы или певицы. Их тренированный голос включает свободное владение широким регистром интонаций. Но даже в монотонной речи простого смертного можно кое-что услышать. Шостакович же тогда уверял нас, что такой способностью слышать в обыкновенной речи музыкальные тона обладал Модест Петрович Мусоргский. Он об этом говорил Стасову, а Стасов еще кому-то. Словом, эта проблема еще недостаточно изучена музыкальными психологами или музыкальными невропатологами. Быть может, на нее когда-нибудь и обратят внимание.

Шостакович видел исключительные возможности в рисованном звуке и всячески интересовался экспериментами в области записей звука механическим путем. Еще вспомнил Шостакович, что заикание лечат путем отчетливого пения. Заикающимся предлагают пропевать каждое слово. Ну а в богослужении

пропевание каждого слова имеет особый смысл. Еще в старину родилось искусство "кантилляции". А что такое речитатив? Здесь мы уже приходим к сознательной форме распева. Но, по-видимому, существует и бессознательная форма распева, только мы ее не замечаем. Впоследствии я не раз говорил с Шостаковичем на эту тему, но он улыбался и просил меня не придавать большого значения этой проблеме. Правда, напоминал, что музыкальный распев еще заметили, кажется, в каменном веке, но до сих пор не дали этому научное обоснование. Но когда-нибудь этим заинтересуются и в анкетах будут отвечать на вопрос о характере разговорного произношения такими словами: "говорит возбужденно, со строгими ритмическими периодами, диапазон произношения от такой-то до такой-то ноты в таком-то регистре". Шостакович намекал на "всеобъемность" советских анкет, которые желают получить как можно больше ответов на невероятные вопросы. Да и сам Шостакович был жертвой этих анкет, особенно, когда ему предстояли оформления заграничных путешествий, или просто оформление на работу в каком-то учреждении.

Мое первое знакомство с Шостаковичем положило начало нашему дружескому общению. Правда, не могу себя причислить к числу его близких друзей, хотя количество этих близких друзей было огромно. Но я искренне радовался, когда чувствовал внимание Шостаковича ко мне. Он интересовался моим концертным репертуаром, спрашивал о моих композициях, просил высказать свое мнение о прослушанных мною новых произведениях. Случалось, что я встречал Шостаковича у Жилиева. Тут уже развязывался язык для разнообразных бесед. Встречал Шостаковича и у Тухачевского, и просто в концертах. А когда бывал в Ленинграде, осмеливался звонить ему по телефону и бывал у него. Правда, свидание длилось недолго. Я ценил занятость Шостаковича и не хотел его отвлекать.

У Шостаковича было много друзей среди советских скрипачей. Но как-то получилось, что он не писал произведений для сольной скрипки. Быть может, его друзья-скрипачи были не настолько настойчивы, чтобы заставить композитора обратиться к их инструменту. Правда, обходились обработками и переложениями для скрипки его фортепианных пьес. Помню

Шостакович мне сказал, что он внимательно изучает скрипичную литературу, но чувствует, что многие композиторы заимствуют некоторые приемы скрипичной игры у Баха. "Кажется, у Баха было то преимущество, что ему не у кого было заимствовать", шутя сказал Шостакович. А потом добавил: "Не имею намерений заимствовать, хочу своим умом постичь тайны выразительности скрипичной игры, но это не так просто". Впрочем многие симфонические и камерные произведения Шостаковича показывали, что он хорошо чувствует природу скрипичной игры. Но Шостакович был особенно требователен к себе, он как-то боялся механического перенесения характера игры другого инструмента. У каждого музыкального инструмента он чутко улавливал свои характерные возможности. Да еще любил Шостакович знать для какого исполнителя он сочиняет музыку. Особенно это относилось к певцам. Он высоко ценил творческое содружество с исполнителями. И это открывало ему многие исполнительские тайны.

Сам Шостакович прошел строгую исполнительскую школу. Он был учеником выдающегося педагога Леонида Владимировича Николаева. Николаев создал яркую школу пианистического искусства. Учеников у Николаева было сравнительно много, у него завершили образование более 150 пианистов. Возможно, что это лишь скромное число, если учесть, что у некоторых советских профессоров завершили образование более 1000 исполнителей. Я знал таких педагогов. Но Николаев был особенно требователен к своим ученикам. Этой требовательности его научили педагоги В. В. Пухальский и В. И. Сафонов, у которых он прошел, как говорил, "технику и тактику занятий с учениками". Николаева безоговорочно называют представителем ленинградской пианистической школы, которая восходит еще к временам Лешетицкого и Антона Рубинштейна. Я бы не стал делать искусственного разделения на ленинградскую и московскую школы. Кстати, Леонид Николаев окончил именно московскую консерваторию, как пианист и композитор. В Москве ряд лет он работал в качестве оперного репетитора в Большом театре, преподавал в московском филармоническом училище и в народной консерватории. А позднее, в 1909 г. Николаев был приглашен в "чужую" консерваторию в Петербург. Я

говорю в "чужую" исходя из мнения о существовании антагонизма между петербургской и московской консерваториями. Проявления такого антагонизма имели место. Даже и сегодня этот антагонизм живуч. Казалось бы, что Николаева должна была пригреть своя московская консерватория. Тем более, что его педагог всесильный Сафонов, из класса которого вышли А. Н. Скрябин, Н. К. Метнер, М. Л. Пресман, И. А. Левин и его супруга Розина Левина (развернувшая свой педагогический талант в Америке), был с 1885 до 1905 директором московской консерватории. Сафонов мог бы и сам пригласить Николаева на педагогическое поприще в московскую консерваторию. Он-то хорошо должен был знать, на что способен Николаев. Но Николаева заметили в Петербурге и дали ему место педагога. В Московской же консерватории много говорили о Николаеве, но, насколько мне известно, у него не было с ней прямых педагогических контактов. А косвенные были в изобилии. Иначе не могло быть. В состязаниях между двумя консерваториями, часто одерживали верх воспитанники Николаева. Ведь если только перечислить имена его корифеев: Владимир Софроницкий, Мария Юдина, Павел Серебряков, Вера Разумовская, Александр Каменский, Самарий Ильич Савшинский... Наряду с ними блистал, как пианист, ученик Николаева Дмитрий Шостакович. Помню слова Шостаковича: "Леонид Владимирович Николаев научил меня многому и я ему бесконечно обязан. Я отнял у него много времени и сил, но старался всячески искупить свою вину". Шостакович особенно любил Николаева. Об этом должна свидетельствовать и личная переписка, которая, вероятно, сохранилась, но почему-то не опубликована. Впрочем, с публикацией писем Шостаковича не так просто. Далеко не всё согласится предать гласности, ибо в письмах Шостакович позволял себе откровенные суждения. И это вероятно было в переписке с Николаевым, которого он обожал.

В 1934 году, оказавшись в Ленинграде, куда я приехал с группой артистов эстрады для концертных выступлений, я посетил Шостаковича. Помню в то время очень увлекались 24 прелюдиями Шостаковича для фортепиано, известными под 34-м опусом. Помню Шостакович был всецело поглощен корректурой нот. А ошибок он выловил там немало. На помощь ему пришел

Леонид Николаев. Шостакович меня с ним познакомил. Мы приехали на такси в квартиру Николаева. Здесь сочетался уют и строгий порядок с беспорядком, который свойственен беспредельно занятым людям. А еще не давал покоя телефон. Звонили именитые личности. Все нуждались в совете Николаева, хотели поделиться с ним новостями. Шостаковичу особенно хотелось показать корректуру своих прелюдий именно Николаеву. В этот вечер был у Николаева и композитор Владимир Михайлович Дешевов. Он принес с собой корректуру своих детских песен на стихи Корнея Чуковского. Стихи Чуковского были всем известны и любимы, как говорили, детьми от 3 до 83 лет. Их читали с концертной эстрады, передавали по радио, издавали огромными тиражами. А тут появились стихи в пении с сопровождением фортепиано. Владимир Дешевов привез с собой певицу и, сев за рояль, ей аккомпанировал. Николаев перелистывал ноты и всячески выражал свой восторг. Шостакович по-своему поддерживал этот восторг. И я испытывал явное восхищение. Владимир Дешевов пользовался большой известностью. И эту известность он вполне заслужил своими прекрасными произведениями. Среди них опера "Лед и сталь", которую с успехом поставили в бывшем Мариинском театре, балет "Бэла" по Лермонтову, поставленный там же, оркестровые, камерные и вокальные сочинения. У Дешевова был свой композиторский почерк, удивительно образный. Удивляюсь, что его имя предали забвению у себя на родине и его произведения неизвестны за ее пределами. В тот вечер было много разговоров о Корнее Ивановиче Чуковском. Оказалось, что все присутствующие (в том числе и я) лично знакомы с Чуковским. Правда, мое знакомство тогда было поверхностным и случайным. Помню в этот вечер рассказали анекдот: какой-то ребенок направил письмо Корнею Чуковскому: — "Дорогой дядя Корней! Почему, когда вы пишете свои чудные стихи, вы подписываетесь полностью — Корней Чуковский. А когда пишете плохие пьесы подписываетесь сокращенно — Корнейчук?" Александр Корнейчук, говорят, сам распространял этот анекдот. Итак, в квартире Леонида Николаева прозвучали стихи этого чудесного поэта, омузыкаленные Владимиром Дешевовым. Едва утихли восторги, Шостакович подал Николаеву свои фортепианные прелюдии.

Николаев сам пожелал их сыграть, даже не заглядывая в ноты. Играл чудесно. Шостакович не решался снова их сыграть в авторском исполнении, считая, что испортит впечатление. На столе ожидал ужин. Но Николаев ничего в рот не брал. Просто не было времени. Разговор шел. Мы с восхищением узнавали музыкальные новости. Речь шла о Глазунове, от которого недавно было письмо. Говорили о Стравинском, о Прокофьеве, о Рахманинове, о Шаляпине. Кого только не перебирали. Заговорили о виолончелисте Григории Пятигорском. Был для того повод. Шостакович работал над своей первой виолончельной сонатой опус 40. Советовали послать ее Пятигорскому. Но где он? Доходили слухи о его блестящих концертных выступлениях. Был он 1-м концертмейстером лучшего в Германии симфонического оркестра, которым руководил Фуртвенглер. Николаев уверял, что "Гриша давно океан переплыл и теперь вызвал на дуэль самого Казальса". Но Шостакович уверял, что его вполне устраивает московский виолончелист Кубацкий. Вспоминали ленинградского виолончелиста Александра Яковлевича Штримера. "Техника у него отличная, и много знает в своей сфере, но виолончель у него не поет русским голосом", — заметил Леонид Николаев. А потом добавил: "В нашей консерватории были в свое время Карл Юльевич Давыдов, его славный ученик Александр Валерьянович Вержбилович, вот у них виолончель пела русской душой. А Штример учился у Людвиг Аббиате, помню его хорошо, совместно музицировали. Был у нас в консерватории до 1919 года. Он родом из Франции, кажется учился в Париже. Был хороший пианист, учился игре на рояле в Турине. Помню его камерные вечера с пианисткой Бариновой, играл скучновато. После 19-го года уехал в Монако, если не ошибаюсь. Да и не слышно, чтобы он карьеру сделал. Кажется недавно где-то скончался. Но Саша Штример, конечно, хороший музыкант". Николаев был исключительно деликатным человеком и не хотел плохо отзываться о своем коллеге. Но от собственного суждения отказаться не мог. Шостакович же очень симпатизировал виолончелисту Виктору Львовичу Кубацкому и говорил о нем: "Он милый человек, ученик самого Анатолия Андреевича Брандукова. А знаете как любил Брандукова Тургенев! Не раз признавался Брандукову в своей любви к его игре,

постоянно звал к себе, выступал с ним в совместных вечерах. А Петр Ильич Чайковский и Сергей Рахманинов души в нем не чаяли. Конечно, Кубацкий не играет как сам Брандуков, но играет, как ученик Брандукова". Николаев сказал: "Ученик Брандукова, ученик чародея, а помните историю с учеником чародея? Кубацкий мог бы сказать, что он сын лейтенанта Шмидта. Вот у меня немало учеников, что же вы думаете, все они, как на подбор? Иные так играют, что хочется не только унии заткнуть, но и выгнать вон. А не могу... У одних в кармане партийный билет, вот и попробуй их выгнать! Давно меня уговаривают вступить в партию, а я в политике ничего не понимаю. страдаю дальтонизмом, никак не отличаю красный цвет от белого, не знаю даже какой лучше, какой светлее. Вот, к примеру, был у меня в классе Виктор Городинский. Он уже в 16-летнем возрасте стал членом партии, это, кажется, в 1918 г. Уже тогда он понял, что это выгодно. Слыхал я, что он немало свирепствовал и дирижировал своим маузером. Заставили меня взять его к себе в класс. Уверял, что толка не будет. Но сопротивляться не мог. Много с ним беседовал, увещевал его, а он приходил на уроки без всякой подготовки. Ссылался все на свою общественную загруженность, да еще статьи пописывал. Помню его дипломный экзамен. Вот, Митя не даст мне соврать", — сказал Николаев, обращаясь к Дмитрию Шостаковичу, и добавил: "Его дипломный экзамен был настоящим срамом, как говорили мои коллеги "он полностью обосрачился" и должен был немедленно бросить игру на рояле. Это было всем ясно. А диплом об окончании консерватории он все-таки получил. А мне было стыдно этот диплом подписывать. Впрочем, он и сам понял, что в Ленинграде ему оставаться не положено и преспокойно уехал в Москву. Там он предъявил свой консерваторский диплом и его назначили на должность председателя московского областного совета работников искусства. Уж лучше бы и написали в дипломе, что он окончил консерваторию по классу профсоюза. Это бы соответствовало действительности". Шостакович заметил, что теперь Городинский пошел в гору и стал директором Росфила (Российской филармонии). "Но как долго он там продержится?". Эти слова я вспомнил, когда Городинского спустя год сняли с должности директора филармонии, да еще

отметили, что удивляются его глупым решениям, его несправедливости, жестокости и тому подобным грехам. Словом, прогнали с музыкального кресла и послали подальше... То есть, назначили помощником заведующего сектором искусств Культпросветотдела ЦК ВКП(б). Но об этом будет особая речь. Пока же, у Николаева, этого человека, с лисицеобразным лицом рисовали в разных аспектах. Владимир Дешевов находил, что "внешне он похож на Макса Регера, но внутренне на партийного егеря". Николаев ответил: "Зачем же так обижать егерей? Был у меня один приятель из этого племени, добродушный человек. Подкармливал меня во время голода, ему я многим обязан". Но Дешевов не сдавался: "Я сказал, что похож на *партийного* егеря, а не на простого... Он еще покажет свои клыки, этот дикий кабан", — сказал Дешевов. Николаев добавил: "Дикий кабан очень вкусен, а Городинский очень горек". Дешевов вспоминал, что в консерватории ужасно недолго любили Городинского и придумывали ему разные клички, вроде "Дегенератинский", "Деградинский", "Омерзинский" и тому подобное. Потом Дешевов вспомнил о газетных писаниях "Дегенератинского" и указал на его дурацкие критические замечания по поводу первой оперы Шостаковича "Нос". Но Дмитрий Шостакович спокойно ответил: "Вполне возможно, что он недостаточно тонко смог разобраться в этой опере и свои высказывания выковырял из собственного носа". После дружного смеха наступило молчание и Николаев в смущении сказал: "Каково мне все это слышать, ведь он был моим учеником, что же подумают обо мне!"

Беседа могла бы и дальше продолжаться, но Николаев вспомнил, что за столом сидит юноша, который пришел со скрипкой. Обратив внимание на мое присутствие, да еще со скрипкой, возникло предложение меня послушать. Но предвзвешенно Шостакович напомнил, что я играл с ним сонату Ганса Пфишнера. Присутствовавшие не знали это произведение, хотя имя Пфишнера было им хорошо знакомо. Нот этой сонаты в доме не оказалось и мне пришлось играть соло. Конечно сыграл я и Баха и Паганини. Потом Николаев достал из шкафа свою скрипичную сонату, изданную еще до революции у Юргенсона. Я читал с листа, а за роялем был автор. Николаев поблагодарил меня за исполнение и подарил ноты с трогательной

надписью. Дешевов вспомнил, что написал какую-то небольшую пьесу для скрипки и обещал мне ее подарить. Он поинтересовался, зачем я приехал в Ленинград? Я рассказал, что меня послали с группой молодых артистов эстрады по поручению ЦК комсомола, для проведения концертов на фабриках и заводах для рабочей молодежи. Тут же я оговорился, что никогда комсомольцем не был и не собираюсь им стать. Но я был в числе молодых артистов, а тут уж опеку берет комсомол. Понятно, что для рабочей молодежи скучно слушать только классическую музыку, вот и разбавили Чайковского чем могли. В моей группе были — жонглеры, фокусники, танцоры, певцы. Спросили, кто мне аккомпанирует? Сказал, что пианист неожиданно заболел и пригласили некоего Ивана Дзержинского. Дешевов напомнил его биографию. Оказывается, что он родом из Тамбова, учился в Москве, посещал музыкальный техникум имени Гнесиных и учился композиции у самого М. Ф. Гнесина. Но Гнесин не захотел продолжать с ним занятия и после короткого учения Дзержинский вынужден был уйти из техникума. В 1930 году Иван Дзержинский переехал в Ленинград и поступил в местный музыкальный техникум. В консерваторию его не приняли, не обнаружили достаточной подготовки. Так он учился сперва у композитора Гавриила Попова, потом у Петра Рязанова. Короткое время был в Ленинградской консерватории, но, кажется, ее не закончил. Работал в качестве пианиста-аккомпаниатора в эстрадных концертах. Пришлось его пригласить в нашу группу. Но одно дело аккомпанировать иллюзионисту или жонглеру, а совсем иное скрипачу. Уже при первой репетиции это стало мне ясно и я предпочел играть произведения для скрипки соло. Помню Дзержинский мне предложил одну свою скрипичную композицию в ритме вальса. Мелодия ужасно напоминала "Гайда тройку" композитора Штейнберга — ставшую популярнейшим бытовым романсом. По мнению Дзержинского, именно такие произведения были нужны рабочей молодежи, а я ее "пичкал" Бахом и Паганини. Но я сослался на невозможность разучить эту пьесу в короткий срок и под всяческими предлогами отказался ее играть. Одна ленинградская певица шутя рассказывала, что Дзержинский позвонил к ней домой по телефону, чтобы условиться о репетиции для предстоящего концерта. Но

певицы не было дома и взяла трубку ее бабушка. Когда певица возвратилась домой, бабушка в слезах проговорила: "Вот звонил к тебе этот изверг Дзержинский. Просил тебя к нему зайти. Знаю я этих мерзавцев. Я уже собрала тебе вещи в дорогу..." Бабушка перепутала композитора Ивана Дзержинского с чекистом Феликсом Дзержинским. Но Иван Дзержинский свою композиторскую карьеру прокладывал совершенно чекистскими методами. Благо дирижер Самосуд, возглавлявший художественное руководство ленинградского Малого оперного театра еще с 1918 г., первым поставивший оперу молодого Шостаковича "Нос", возгорелся идеей создания советской оперы. Такая идея всячески выдвигалась на различных советских оперных сценах, но не всегда доводилась до конца. Публика с отвращением относилась к агиткам, да еще в бесталанном музыкальном оформлении. Самосуд решил помочь молодым композиторам в преодолении трудностей. Еще в 1925 году на своей сцене он поставил оперу "За красный Петроград", сострепанную малоизвестными композиторами А. П. Гладковским и Е. В. Пруссакком. Хотя и пели в этом спектакле Мария Максакова и Марк Рейзен, успеха не было. Публика байкотировала спектакль. Потом он показал этот же спектакль в 1930 г. в другой версии, но уже под названием "Фронт и тыл". На сей раз обошлись лишь одним композитором Гладковским. В качестве режиссера подвизался Терешкович. Роль барахольщицы ревел Н. Д. Белугина. Но и этот вариант публика не приняла. Загоняли на спектакль солдат, чтобы кресла не пустовали. Народ устал от агиток. Но Самосуд не унимался. Ему снилась советская опера с советским сюжетом. Молодой композитор Валерий Желобинский, работавший в Ленинграде эстрадным пианистом, был призван в 1932 г. в армию. Во время армейской службы он досочинял свою оперу под названием "Камаринский мужик". Либретто сочинил О. Брик. Действие относилось к началу 17-го века. Но опера считалась советской. Премьера состоялась в 1933 г. Хотя и фигурировали в ней Василий Шуйский, Трубецкой, Голицын, протопоп Терентий, Иван Болотников, но все же опера не удалась. Самосуд понял, что надо иметь больше доверия к Шостаковичу и способствовал постановке его оперы "Леди Макбет Мценского уезда". К тому же В. И. Немирович-Данченко проявил к

ней повышенный интерес и готовил параллельную постановку в Москве, но под названием "Катерина Измайлова" Самосуд успел опередить Немировича всего на два дня. 22 января 1934 года Самосуд показал оперу в Ленинграде. А 24 января 1934 состоялась премьера в Москве. Появление этой оперы стало настоящим событием. Триумф был сверх ожиданий. Наконец появилось оперное произведение советского композитора, которое с гордостью можно было показывать во всех странах мира.

Если сравнивать ленинградскую и московскую постановки, то надо отдать предпочтение второй. В режиссерском отношении московская постановка была намного выше и интереснее. И это не случайно. В. И. Немирович-Данченко в сотрудничестве с режиссерами Б. А. Мордвиновым и В. С. Соколовым создали замечательную интерпретацию оперы. В Ленинградской постановке Н. В. Смолича, З. В. Закусова и И. Э. Певзнера было много недосказанного. Даже не совсем понятного. Да и состав московских исполнителей был интереснее, как в актерском, так и в певческом отношении. Музыкальный руководитель московской постановки был великолепный дирижер Григорий Арнольдович Столяров. Родом из Одессы, он в детстве учился у профессора Столярского и делал заметные успехи в скрипичной игре. Однажды его услышал Леопольд Ауэр и предсказал ему большую карьеру. В то время талантливый мальчик именовался Герш Столяр. Ауэру удалось соблазнить Герша Столяра разными благами столичной жизни и в 1912 г. он отправился в Петербург, где стал Григорием Столяровым. Уже в 1915 г. он успешно оканчивает петроградскую консерваторию по классу Ауэра. Одновременно он учился дирижированию у Н. Н. Черепнина, а инструментовку изучал под руководством А. К. Глазунова. По рекомендации Ауэра Столяров вошел в состав струнного квартета Императорского русского музыкального общества и успешно выступал в концертах. А Черепнин его рекомендовал в качестве дирижера в петроградский театр "Ренессанс", где он встал за пульт в 1915 г. После октябрьского переворота Столяров покинул Петроград и намеревался отправиться за границу, но застрял в Одессе. И тут в 1920 г. ему предложили пост главного дирижера оперного театра. Думал, что

задержится на этом посту короткое время, а затянулось до 1929 г. Да еще в 1923 г. его уговорили занять пост ректора одесской консерватории. Со свойственной ему энергией он взялся за нелегкое дело. Он проявил не только организаторский талант, но и высокое чувство ответственности. Именно он вернул Одессе славу крупного музыкального центра.

Итак, опера Шостаковича имела невероятный успех. В особенности московская постановка. После спектакля я слышал слова композитора Глиэра: "Лучше не может быть, да и не надо!" Газетные отклики были восторженные. Впрочем и ленинградскую постановку газетчики также хвалили. Но думаю, что Самосуд признавал победу Немировича-Данченко над Смоличем. Успех спектакля в Москве рос не по дням, а по часам. Самосуд жаждал взять реванш. Это было ясно. И искал всяческий повод. Вскоре в его руках оказались отдельные нотные листочки будущей оперы "Тихий Дон". Сюжет революционный. Автор сюжета — советский писатель. Да еще казачество с песнями и плясками. Воображение у Самосуда разыгралось. Но беда лишь в том, что композитор Иван Дзержинский не богат творческой фантазией, не имеет понятия об оркестровке, не отличается талантом. Но кто-то всячески подстрекал Самосула "поддержать молодого выдвиженца". Будь Самосуд честным и принципиальным музыкантом, он должен бы выгнать Дзержинского, сказав о непригодности произведения для оперной сцены. Но, как известно, Самосуд не отличался этим достоинством. Карьера и конъюнктура занимали большое место на его дирижерском пульте. Впрочем, вероятно думал он, если Шолохов мог воспользоваться чужим произведением (а это мнение было распространено довольно широко), почему бы ему не привлечь "помощника" для оперы "Тихий Дон"? И Самосуд совершает явное преступление, уговаривая Шостаковича приняться за "доработку" оперы. Мне было известно, что Шостакович не хотел браться за эту работу. Но мог ли он отказать Самосуду, которому доверял первое исполнение своих опер? А Самосуд проявил удивительную настойчивость. Иван Дзержинский "подбрасывал" Шостаковичу свои очередные "мелодии". Благо удалось воспользоваться казачьим фольклором, помог тонкий знаток, этнограф Александр Михайлович Листопадов. Лучший

музыкальный эпизод в опере — массовая песня "От края и до края" — была сочинена Шостаковичем. Это установлено и достаточно доказательно по ладово-гармоническому строению. Иван Дзержинский в знак благодарности посвятил свою оперу Дмитрию Шостаковичу. Надо же было оказать знак внимания своему "тайному соавтору"! Премьера оперы состоялась в Малеготе 22 октября 1935 г. Успеха не было. Но кто-то всячески создавал искусственный успех. Всплыл на поверхности "Тихого Дона" Виктор Городинский. Уж он-то сумеет выловить здесь золотую рыбку. Готовились гастрольные Малегота в Москве. И Самосуду хотелось похвастаться, что он открыл новую оперу. Тем временем Виктор Городинский заводил свою адскую машину. Высокий партийный пост в ЦК развязывал Городинскому руки. Уже 9 января 1936 г. в газете "Правда" появляется статья Виктора Городинского об опере "Тихий Дон". Без всякого стеснения и стыда он откровенно писал: "Надо признать, что показ в Москве 'Тихого Дона' в постановке Ленинградского Малого оперного театра является едва ли не крупнейшим событием текущего сезона. Ведь самое главное то, что успех 'Тихого Дона' является успехом советского оперного искусства — самой молодой отрасли нашей художественной культуры. Отсталость и консервативность оперного театра уже давно стали общим местом. Но ленинградцы своей работой заставляют нас во многих отношениях пересмотреть старые взгляды на ближайшие возможности советского оперного искусства. И еще одно: ленинградцы по-новому поставили и правильно решили вопрос о роли театра в самом процессе создания оперного произведения... Что композитор Дзержинский обладает огромным дарованием — это несомненно". Удивительно, что именно Виктору Городинскому удалось заметить это "огромное дарование". Почему-то более сведущие музыканты это не заметили. И еще было явной клеветой, когда Городинский упрекал советские оперные театры в отсталости и консервативности. 29 октября 1924 г. в Ленинграде впервые показали оперу композитора Кашицкого "Джон Рид", ультрареволюционное произведение, созданное по книге Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир". В 1925 г. на сцену вынесли оперы "За красный Петроград", "Искры" (действие происходит в первые годы после

октябрьского переворота), "Орлиный бунт" ("Пугачевщина") А. Ф. Пащенко, "Декабристы" В. А. Золотарева. В 1926 г. — "Стенька Разин" Бершадского, в 1927 г. — "Иван солдат" К. Корчмарева, "Взрыв" Яновского, в следующие годы "Бабий бунт" М. Чулаки, "Культоходный тир" В. Кочетова, "Овод" Грамбицкого, "Прорыв" Потоцкого, "Разлом" Фемелили, "Вышка Октября" Яворского, "Красная Пресня" Я. Файнтуха и многие другие. Обвинение Городинского попало пальцем в лужу. Но Городинский черпал из лужи грязь и плескал ее в намеченную цель. Наступило 16 января 1936 г. Этот день следовало бы считать черным и позорным в истории советского оперного искусства. Шло очередное представление "Тихого Дона". В правительственной ложе Сталин и Молотов. Возле них суетится Виктор Городинский. Свое мнение Сталин уже составил еще до просмотра оперы. Все расписано по нотам. Высокий пост Городинского в аппарате ЦК позволил ему заранее обо всем договориться со Сталиным и Молотовым. Еще за несколько дней до того, я случайно встретил Городинского в Большом зале консерватории на каком-то концерте и он, покровительственно похлопав меня по плечу, злорадно сказал: "Ожидаются большие события, которые вывернут музыкальный мир наизнанку". Адская машина пущена в ход. Городинский вбежал на сцену, над которой опустился занавес и повелительным тоном пригласил в правительственную ложу Самосуда, режиссера М. А. Терешковича и композитора Ивана Держинского. Увидев самого Сталина, Самосуд явно оробел, но старался держать себя в руках. Сталин был в приподнятом настроении, хотя и не поднимался со своего кресла, тоном хозяина изволил высказывать свое мнение. До того, когда еще торопились в его ложу, Городинский успел шепнуть Самосуду, что Сталину понравился "Тихий Дон" и всё уже на мази. Тем не менее, можно было ожидать от Сталина всяческих подвохов. В руках у Городинского блокнот, куда он заносит "гениальные мысли вождя", комментирует их и направляет "по сталинскому пути". Молотов во всем подлакивает, ибо Сталину не положено возражать. Оказывается Сталин увидел в "Тихом Доне" признаки классической советской оперы. Сталин расхвалил Ивана Держинского. Будь Самосуд честным человеком, он бы тут же напомнил, что Шостакович оказал

Дзержинскому большую творческую услугу. Но Самосуд не посмел это сказать. По-видимому, был предупрежден о готовящихся неприятностях для Шостаковича. А Иван Дзержинский только подобострастно выслушивал комплименты Сталина. Было ясно, что для выскочки Дзержинского существует барьер, который не позволяет ему сразу же взлететь на поверхность. Этим барьером была опера "Катерина Измайлова" в репертуаре Малегота, приобретающая всемирную известность и любовь публики. Но все шло своим чередом. Самосуд и его спутники по правительственной ложе опубликовали в советских газетах восторженную благодарность Сталину. А Городинскому было позволено осуществление дьявольского плана. Сознательно и обдуманно готовилась расправа с Шостаковичем. Но делалось все втихаря, без обмена мнениями со знатоками музыкального искусства. Зачем обмен мнений? Ведь строптивых можно укротить силой.

Отдав должное овациям публики и не раз выходя на поклоны, Дмитрий Шостакович отбыл в гастрольную поездку со своим другом виолончелистом Виктором Львовичем Кубанким, для которого сочинил сонату. Путь они держали на север. Да и пора было Шостаковичу отдохнуть от успеха "Леди Макбет" и заняться осуществлением новых творческих планов. Нанечатанное 21 января 1936 г. в "Правде" интервью с "осчастливленным" Самосудом и его соратниками по предательству Терешковичем и Иваном Дзержинским, Шостакович встретил с наивной улыбкой, не придавая значения поведению этих хамелеонов. Но прошла лишь одна неделя и 28 января разразился гром среди ясного неба. В "Правде" появилась статья "Сумбур вместо музыки", да еще без подписи. Когда это успел Сталин услышать "Леди Макбет", да еще так "тонко" в ней разобраться? Действительно Сталин прибыл на спектакль в окружении Молотова и Городинского. Автор оперы был вне Москвы. Мнение было подготовлено заранее. Конечно, как следует полагать, Вячеслав Михайлович Молотов мог бы детально раскрыть всю историю этой неслыханной музыкальной диверсии. Но кто позволит ему? Да и существуют ли воспоминания Молотова? Впрочем, кое-что Молотов рассказал композитору Нолинскому. Я хорошо был знаком с Нолинским, даже играл его скрипичные произведения.

Но прежде всего хочу немного сказать о Нолинском. Николай Михайлович Нолинский родился 6 мая 1886 г. в слободе Кукарка, Вятской губернии (ныне гор. Советск, Кировской области). Учился в Казани в университете на юридическом факультете. Изучал игру на скрипке в казанском музыкальном училище и на регентских курсах. С 1901 года стал сочинять церковные хоровые песни. Еще сочинил более 100 песен, среди них "Волга-реченька глубока" на слова Ваганова, симфонию, которой в 1941 г. дирижировал Н. С. Голованов, восемь струнных квартетов, инструментальные произведения, музыку для театра и кино. Настоящая фамилия Нолинского — Скрябин, а свой псевдоним он объяснял тем, что быть однофамильцем великого Скрябина слишком опасно и по сути он ноль по сравнению с ним. Впрочем и родной брат Нолинского носил псевдоним. А этот родной брат — Вячеслав Михайлович Молотов. Вот и смог Молотов открыть своему брату некоторые подробности. В 1964 г. Николай Михайлович Нолинский мне кое-что рассказал. Это было за два года до его смерти (он умер 20 июня 1966 г. в Москве). Мы часто встречались и мне удалось наводящими вопросами вынудить 78-летнего старика кое-что сказать о тайне. Но тут же он взял с меня слово, что я никому ничего не буду говорить. Это слово я предпочитаю не сдержать. Помню слова Николая Михайловича: "Ну, что мог сделать мой брат? Он был соучастником заговора, все делал машинально. Ведь он даже собственную жену не мог защитить. Верно, что он не заступился за Шостаковича, как не защитил и Мейерхольда. В свое время он пытался защитить Шаляпина от нападков, но вызвал кое у кого неудовольствие. В музыке он поверхностно разбирался. Не раз ему предлагали высказаться в печати о музыкальном искусстве, но тут он робел и боялся проронить лишнее слово. По отношению к Шостаковичу он поступил нечестно, став бессловестным свидетелем расправы над ним и не сказав в защиту ни одного слова. А мог бы. Но смелости не было". Еще признался Нолинский, что его брат, хоть и был бывшим "правдистом" (работал в газете "Правда"), но боялся собственных суждений и предпочитал следовать инструкциям и указаниям. Николай Михайлович хорошо знал Виктора Городинского и считал его мерзким человеком. Но мерзкому человеку было слишком мно-

гое дозволено. А главное, он мог прятаться за спиной Сталина и шептать ему на ухо свои намерения.

Дмитрий Шостакович с ужасом раскрыл в Архангельске "Правду" от 28 января 1936 г. и увидел статью "Сумбур вместо музыки". Стоявший рядом Виктор Львович Кубацкий не мог сразу догадаться, что происходит с Шостаковичем. Со слезами на глазах Шостакович всхлипывал: "О, нет! О, нет!" Взяв из рук Шостаковича газету, Кубацкий стал читать статью. У него самого сердце сжалось от вопиющей несправедливости и от страшной обиды. Несколько минут Кубацкий находился в состоянии оцепенения. Потом заговорил: "Ну, кто же мог сочинить подобную пакость? Это невероятно! Позвоню сейчас по телефону Михаилу Николаевичу Тухачевскому и поговорю с ним". Но потом немного замешкался и стал что-то думать. Виктор Львович Кубацкий мне подробно рассказал все как было, не умолчав ничего, восстановил подлинную картину. Сперва появилась мысль об опровержении. Но тут же Кубацкий сообразил, что опровержение не напечатают. А Шостакович продолжал всхлипывать: "О, нет! О, нет!" Стараясь успокоить своего друга, Кубацкий почему-то заметил, что эти слова Шостакович должен выразить в музыке. Он должен теперь написать новую симфонию и это произведение должно послужить опровержением клеветы. Не надо падать духом, надо сражаться за истину. Но не так просто последовать этому совету. Когда я услышал первое исполнение 5-й симфонии Шостаковича, которое состоялось 21 ноября 1937 года в Ленинграде в исполнении филармонического оркестра под управлением Евгения Мравинского, уже с первых тактов мне послышался ритм слов — "О, нет, о, нет" — и припомнился рассказ Виктора Львовича Кубацкого. Я поделился своей мыслью с Кубацким и он подтвердил сходное ощущение. Шостакович не предпослал 5-й симфонии разъяснительного текста содержания, но музыка была красноречивее слов, здесь было все наружу, обо всем было легко догадаться. Порой мне казалось, что в этой симфонии я услышал опровержение текста статьи в "Правде"

Когда я впервые прочитал статью "Сумбур вместо музыки", мне показалось, что я в бреду и я читаю откровения сумасшедшего мерзавца. В моем мозгу не укладывались эти мерзопакост-

ные слова. Трезвонил телефон. Многим моим знакомым хотелось поделиться страшной новостью. Танюша Берлин со слезами на глазах говорила о бандитской статье. В тот же день я был в гостях у моей приятельницы Сориной, жившей на Большой Дмитровке, вблизи Страстной площади. На улице мы могли наговориться с полной откровенностью, она почему-то боялась стен своей уютной квартиры. Вблизи Арбатской площади я встретил Софью Николаевну, родную сестру Михаила Николаевича Тухачевского. Она была вне себя от ярости. Но в консерватории уже готовили открытое собрание, на котором намечали одобрение статьи. Все делалось по заведенной схеме. Да и опыт накопился изрядный. Даже на фабриках и заводах готовились митинги и там должна была сказать свое веское слово "рабочая масса". И какой-то безграмотный партиец уже готовился объявить Шостаковича вредителем и требовать для него самую суровую меру наказания. Только дай команду и сразу начнется свистопляска. Некоторые малосведущие в советской политике готовы считать, что только в 1937 году разгорелся сталинский террор. А еще кто-то думает, что писатели и артисты были в привилегированном положении и их не преследовали. Достаточно было взглянуть на лицо Я. Д. Агранова и в нем за скрытой маской внешней любезности можно было угадать палача и салиста. Говорили мне, что он был инициатором расправы с поэтом Николаем Гумилевым в 1921 году. Можно было бы составить огромный список писателей, артистов, музыкантов, художников, которых уничтожили задолго до 1937 года. Например, — Осип Мандельштам, которого я особенно любил и сочинял романсы на его стихи. Неужели же и Шостаковича ожидает страшная расправа? Да и как можно было отнестись с доверием к статье в "Правде"? Ведь опера "Леди Макбет" настолько полюбилась слушателям, что становилась самой репертуарной. В одном лишь Ленинграде за короткое время (около двух лет) ее показали 83 раза! Неслыханный рекорд для советского композитора. Почему же не пресекли успех оперы, еще с первых постановок? Почему разрешили расширение успеха? Ведь Сталин мог явиться и на первую постановку в Москве еще два года тому назад. Но в то время Виктор Городинский еще не занимал свое высокое партийное кресло. И не было постановки "Тихого

Дона”.

Через несколько дней после статьи в “Правде” я был на концерте в Большом зале консерватории. В антракте меня оставил в фойе Виктор Городинский. Он припомнил, что читал мои статьи в газетах и статью в журнале “Советская музыка”. Городинскому понравилась эта моя статья. Потом он стал расспрашивать о моей музыкальной жизни. В то время у меня было звание лауреата всесоюзного конкурса музыкантов. Пришлось рассказать о намеченных концертах в Москве, о выступлениях по радио, еще я похвастался известием о скором выходе из печати моего скрипичного произведения. “Все это очень хорошо. Надо много и усердно работать над собой”, — резюмировал Городинский. А потом вдруг вопрос: “Как ты относишься к партийной критике творчества Шостаковича?” Тут я не удержался и сказал, что очень люблю оперу Шостаковича и вполне согласен с мнением Ивана Ивановича Соллертинского, который написал: “Можно утверждать с полной ответственностью, что в истории русского музыкального театра после “Пиковой дамы” не появлялось произведения такого масштаба и глубины, как “Леди Макбет” (напечатано в журнале “Рабочий и театр” в 1934 г., № 4, стр. 2). А уж Соллертинскому можно вполне доверять”. “Что же, по-твоему, партия ошибается?” — “Не партия ошибается, а отдельные люди, которым медведь на ухо наступил и они не в состоянии понять красоту музыки Шостаковича”. Но Городинский стал поносить Соллертинского последними словами и называл его холуем немецкого фашизма. Меня явно рассмешило такое определение. Мне же Городинский посоветовал хорошенько обдумать свою позицию и “по-дружески” предложил написать свое одобрение статьи в “Правде”, обещая содействие такой публикации в “Комсомольской правде”. И почему-то добавил: “Не плюй в колодец, пригодится воды напиться”. Вообще он обещал мне содействовать моей музыкальной карьере и даже заговорил о предстоящем в Брюсселе международном конкурсе скрипачей имени Изай в 1937 году. Обещал показать меня и на правительственных концертах. В ответ я стал напевать ариозо Катерины Львовны (из “Леди Макбет”), которое начиналось словами “Я в окошечко однажды увидела” и при этом обратил его внимание на удивительную напевность. “Как же можно назвать

такую прелесть формализмом, ведь здесь такая красивая мелодия". — "Это сплошная порнография", — отрезал Городинский, — "Удивляюсь твоей несознательности, а еще комсомолец!" Мне пришлось сообщить, что в комсомоле я не состою. "Тебя исключили из комсомола?" "Нет, просто я никогда не был в комсомоле". "Как это могло случиться? Неужели ты не чувствуешь потребности быть в комсомоле? Немедленно исправляй свою ошибку". И тут он стал мне говорить разные дерзости. Вспомнил комсомольца Милю Гилельса, потом других лауреатов, которые с гордостью носят звание комсомольцев. Беседа закончилась тем, что Городинский обозвал меня "свиньей под дубом", да еще заметил, что государство зря тратит деньги на мое воспитание. Раздался спасительный третий звонок и надо было торопиться в зрительный зал. На прощанье Городинский просил меня хорошо подумать о моей политической несознательности. Спустя много лет я напомнил Городинскому о нашей беседе, но он преспокойно уверял меня, что ее не помнит и я всё выдумал. Впрочем, он признался, что такая беседа могла иметь место, было такое время, когда надо было выполнять указания партии. Но зато я помню как эта встреча испортила мне немало крови. Когда вернулся в зрительный зал, возле меня оказался Николай Сергеевич Жияев. "О чем говорил с тобой этот Змей Горыныч?" поинтересовался Жияев. Я все подробно изложил. "А ты мне все запиши на бумаге, не пропуская ни одного слова, может пригодиться для памяти, ведь мы живем не только сегодняшним днем", — сказал Жияев. Эту просьбу я исполнил. Отпечатал все на пишущей машинке. С тех пор, по совету Жияева, я стал делать разные заметки для памяти. Жизнь давала обильный материал.

(Продолжение следует)

Михаил Гольдштейн

ЛЕГЕНДЫ О СТАЛИНЕ

Свою книжку о Сталине "Победитель коммунизма" (Нью-Йорк, 1981 г.) В. Чалидзе начинает с заявления, которое не соответствует тому, что есть на самом деле. Он считает, что его трактовка Сталина не как коммуниста нетрадиционна, но что есть все же люди, которые заметили, что Сталин "не создал социалистического государства", но у большинства "инерция мышления" не дает этого понять.

Но дело обстоит как раз наоборот. На Западе, где Чалидзе уже достаточно долго живет, как раз его мнение традиционно, больше того, оно вполне традиционно для советской пропаганды среди эмиграции. Вспомним хотя бы младороссов, вождь которых Казем Бек был, как выяснилось позже, советским агентом. Уже в 30-х гг. младороссы писали, что Сталин побеждает коммунизм, уже почти его победил, еще немного и он победит его совсем. Так что мнение В. Чалидзе совсем не ново, ему следует только прочесть младоросские издания 30-х годов.

Уже в предисловии В. Чалидзе заявляет, что Сталин не построил социалистического государства, но т. к. Чалидзе нигде нам не объясняет, как должно было выглядеть социалистическое государство, то его утверждение повисает в воздухе. Впрочем, этим грешат все те социалисты, которые утверждают, что в СССР построен ненастоящий социализм: они не объясняют нам, каким же социализм должен быть, если он будет настоящим, а потому их утверждения о якобы искажениях социализма в СССР совершенно голословны.

У Чалидзе все идет дальше в том же бездоказательном

стиле. Так он, оказывается, очень хорошо знает, что чувствовал Сталин. Прежде всего, Сталин очень ненавидел коммунизм. *"Ненавидя марксизм и коммунистическую идеологию, уничтожив коммунистическую партию Ленина, он был вынужден пользоваться марксистской идеологией, он был вынужден объявить себя продолжателем Маркса и Ленина. Не мог же он, узурпировав власть, выступить по радио и сказать: "Здрасьте, я ваш диктатор. С коммунизмом отныне покончено". Но он духарился"* (стр. 7-8).

В. Чалидзе утверждает, что Сталин не знал марксизма, ссылаясь при этом только на одну его позднюю статью "Марксизм и языкознание", но даже этой статьи анализа он не дает, так что и тут его утверждения голословны и неверны. Это можно показать, проанализировав основные произведения Сталина. В короткой статье такой анализ сделать невозможно, но если Чалидзе взялся писать книгу о Сталине, то он должен был бы это сделать.

В. Чалидзе говорит также о плане Сталина по уничтожению коммунизма. Так озаглавлена одна глава книжки. Он также утверждает, что Сталин уничтожил европейских коммунистов.

Сравним эти высказывания Чалидзе с высказываниями младороссов в 30-х гг.

"Вырождение Коминтерна... международная революция как практический фактор постепенно исчезла из поля зрения русской рабочей массы..." (младоросская газета "Бодрость" № 3) *"... отступление власти с коммунистических позиций, принявшее за последние месяцы стремительный характер"* ("Бодрость" № 9).

"Социалистическое отечество превращается в Россию, социалистическое строительство — в борьбу за Русскую мощь, пролетарий — в Нового Русского человека" ("Бодрость" № 2). *"Эволюция Сталина развязала процесс национальной революции... Сталин на тормозах сдает позиции коммунизма"* ("Младоросская искра" № 43). *"У Сталина был и есть известный созидательный идеал. Очень туманный в начале, очень похожий когда-то на ленинский коммунистический идеал, он постепенно, под влиянием действительности видоизменялся. И это видоизменение тем более "органично", что слой эмигрантско-марксистской сталинской психологии всегда был*

очень тонок и его научно-марксистский багаж всегда невелик. С государственным, а вовсе не с коммунистическим идеалом Сталина мы и должны считаться" ("Бодрость" № 52).

Ну, чем не Чалидзе, который пишет, что Сталин строил не социалистическое государство, а империю!

Итак, "ничто не ново под луной", Чалидзе не сказал никакого нового слова, а почти все списал с младороссов 30-х гг. Ну что ж, может быть, Чалидзе не прав только в утверждении, что он некий новатор, а в содержании своих утверждений прав? Младороссы, умные люди, просто догадались об этом раньше. Но беда-то в том, что глава младороссов, определявших всю их прессу, был советским агентом. Иными словами: *это был заказ самого Сталина так о нем писать!* Если это была правда, которую Сталин боялся сказать внутри страны, т. к. он, по мнению младороссов и В. Чалидзе, должен был играть марксистскими фразами, чтобы удержать власть, то что побудило его рассказывать ее за границей? Непокойная совесть бывшего семинариста? Вряд ли.

Не правильное ли другое предположение? В. Чалидзе пишет: *"Сталин был великий актер и фальсификатор. Он успешно заставлял людей думать о нем то, что он хотел..."* (стр. 7). Чалидзе думает, что Сталин заставил людей думать, что он, Сталин, марксист, продолжатель Маркса и Ленина, а на самом деле он таковым, мол, не был. А что если как раз наоборот? Значительную часть эмиграции в 30-е годы (т. к. большинство младороссов, конечно, не были агенты, а верили искренне в то, что Сталин — не марксист), несколько поколений западных политиков и политологов Сталин обманул, прикинувшись русским националистом, тогда как на самом деле он оставался последователем Маркса и Ленина. А через полстолетия уже мертвый Сталин обманул В. Чалидзе.

Тезис Чалидзе: Сталин строил не социалистическое государство, а империю. Но в чем же тут противоречие? Кто сказал, что не может быть социалистической империи? В социализме все народы должны быть равны? А разве они не равны в рабстве? Как материально, так и в смысле минимальной свободы почти все народы сателлитов живут лучше, чем русский народ. Так что если они и не совсем равны, то не в пользу "имперского" народа.

Уже одно это ясно показывает, что если это империя, то социалистическая, а не национальная.

Если Сталин хотел строить национальную империю, если он хотел не коммунизма с его первой стадией социализма, то зачем он разорил крестьянство? В. Чалидзе этого даже и не пробует объяснить. Он только излагает процесс коллективизации, да и то по Рою Медведеву, изложению которого в смысле верности фактов вряд ли можно доверять. Но он пишет, что Сталин еще до коллективизации начал создавать искусственный голод для того, чтобы оправдать коллективизацию. Зачем это было нужно? Зачем нужно было разорять хлеборобов, подрывать на десятилетия, вероятно, на все время существования советского режима снабжение страны и даже армии продуктами питания? Ради создания великой империи? Совершенно несуразное предположение.

Исключительно ради социалистической идеологии пришлось Сталину разорить крестьянство. Зажиточное самостоятельное крестьянство стоит поперек пути к введению тотального социализма. Это знали все марксисты. Может быть, у иного и не хватило бы холодной жестокости для такого жуткого разгрома крестьянства, но то, что оно должно было произойти, *если* компартия не хотела отказаться от идеи тотального социализма, это было марксистам ясно. Сталин действовал именно во имя социализма и если империи, то социалистической, а не какой-либо иной. Самое страшное как раз и заключается в том, что ради "мертвой буквы", ради идеологии Сталин подрывал основы того, что могло бы стать его империей. Если б не идиотизм Гитлера, он бы не пережил второй мировой войны и в первую очередь в этом был виноват страшный разгром крестьянства.

Не менее несуразно утверждение В. Чалидзе, что Сталин в большом терроре уничтожил миллионы для того, чтобы уничтожить "ленинскую партию". Иными словами, Сталину нужен был фон большого террора, чтобы расправиться с партией. Это уж совсем по Рою Медведеву, который в своей толстенной книге "К суду истории!" плачет только по казненным партийцам, упоминая миллионы погубленных беспартийных небрежно в нескольких фразах. Для коммуниста человеком всегда будет только другой коммунист. Не коммунисты — это не люди. Стоит ли о них

писать? Это еще последовательно. Но вот откуда взял Чалидзе, что без уничтожения десятков миллионов Сталин не мог уничтожить несколько сот партийцев? Неужели он думает, что эти миллионы восстали бы в защиту "ленинской партии"? Какая бессмыслица! К концу 30-х гг. широкие народные массы не из страха, а добровольно восхищались бы Сталиным, если б он разгромил "ленинскую партию". Но он ее не разгромил. Все то развитие партии, которое мы наблюдаем десятилетиями, было заложено уже Лениным. Сталин же убрал тех, кто помешал бы этой партии развиваться последовательно, согласно тому, что заложено в марксистско-ленинской тоталитарной идее. Поэтому-то ему и нужно было разгромить прежде всего крестьянство, а потом и интеллигенцию, т. к. эти слои помешали бы последовательному проведению в жизнь тотального социализма. Конечно, и все другие слои народа надо было запугать террором. Только всеобъемлющий террор может заставить население склониться перед идеей тотального социализма.

В. Чалидзе утверждает, что Сталин уничтожил европейский коммунизм, — странное утверждение перед лицом больших и влиятельных компартий Европы. На самом деле Сталин помогал создавать европейские компартии. Коммунисты отделялись от социалистов и основывали свои партии в начале 20-х гг., когда Ленин был уже болен. Сталин дал европейским коммунистам свои 14 пунктов, которые и до сих пор имеют значение. Там, между прочим, отмечен и "особый путь к социализму" различных народов. Так что это не изобретение Хрущева или Брежнева. Сталин дает европейским коммунистам совет не подражать во всем Советскому Союзу. Фактическое развитие побудило его натянуть вожжи и уничтожить неподходявших ему коммунистов, но не компартии как таковые. Это же очевидно. Сталин перенес по Чалидзе центр тяжести коммунистической деятельности в Азию? Но еще Ленин говорил, что путь в Берлин и Париж ведет через Калькутту и Пекин.

И, наконец, В. Чалидзе приводит последний аргумент: в СССР существует иерархия. А ведь социализм же отрицает иерархию, так вот если все прежние аргументы (которых, как мы увидели, вообще не было), не убедили читателя, то этот аргумент должен его сразить. Но, увы, и он не производит никакого

впечатления.

1) Принцип иерархии заложен в ленинском "демократическом централизме", из которого уже при Ленине практиковался преимущественно централизм, а то, что он должен был быть "демократическим", быстро забывалось. 2) При Сталине еще не было разработанной иерархии, т. к. никто не был уверен, что сохранит свою голову не плечах. Своеобразный "новый класс" с известными пожизненными привилегиями утвердился после него. 3) Даже и образование некоторой иерархии не доказывает, что Сталин ее хитро задумал. Она могла сложиться вопреки его социалистическим идеям. И 4) надо различать между пропагандой и самой идеей. Уже в централистически и диктаторски организованном I-м Интернационале Маркса были заложены ростки иерархии, которая развилась бы и без Сталина.

Интересно мнение Чалидзе о коммунизме. Он пишет, что внедрение в жизнь коммунизма было бы еще много кровавее, чем все, что сделал Сталин. Люди не могут себе представить, что может быть еще что-то худшее, но оно могло быть, если б Сталин стал на самом деле внедрять коммунизм. Чтобы представить себе нечто худшее, чем Сталин, не надо даже напрягать фантазии: это Пол Пот в Камбодже. Неправильно в этой мысли то, что неправильно во всей книжке, а именно утверждение, что Сталин не старался внедрять коммунизм, а "победил" его. Если б он победил коммунизм, то никаких жестокостей и никаких ужасов не нужно было бы. Тезис Чалидзе, что методы Сталина были нужны, чтобы победить коммунизм, не выдерживает ни малейшей критики. Стоило бы только дать дальше развиваться НЭПу, и страна бы расцвела, а коммунизм в самом деле был бы побежден. Но Сталин внедрял лишь социализм, а не коммунизм. И Чалидзе прав, что внедрение коммунизма, если оно произойдет, превзойдет по жестокости Сталина.

Вторая верная мысль Чалидзе — это его утверждение, что приближение к "меньшевистскому" (как его называет Чалидзе) социализму в Западной Европе ослабило силу ее сопротивления. Но вот чему? По Чалидзе — Российской империи, на самом же деле этот умеренный социализм ослабил силу сопротивления тотальному социализму. И это вполне последовательно.

Непонятно только, как можно в наше время, когда попытка

проведения в жизнь марксизма дала столь похожие результаты в разных странах, писать то, что пишет Чалидзе. Или по Чалидзе победителями коммунизма являются Тито, Мао, Кастро и т. д.? Попытки представить режим в СССР как некое продолжение Российской империи со стороны диссидентов не новы. Все они упираются в одну историческую личность: в Иоанна Грозного. Читая книжку Чалидзе, так и ждешь, когда же наконец появится это имя. И в самом деле, на стр. 49 оно тут как тут! Все это пишется по шпаргалке и у знающего человека ничего, кроме скуки не вызывает. И тем не менее приходится на это возражать, т. к. непрерывное стремление некоторых "диссидентов" свести все, что происходит и произошло в СССР, к русской истории и, перепрыгивая столетия назад, к Иоанну Грозному, видимо, по их мнению единственному монарху русской истории (разве еще был Петр Великий), *фактически* обеляет коммунизм и представляет собой огромную опасность для всего мира, не говоря уж о несправедливости по отношению к русской истории. Кто обратит внимание на одну фразу предупреждения в книжке Чалидзе, что проведение в жизнь коммунизма было бы страшнее даже сталинского времени? Большинство только обрадуется, что социализм и коммунизм якобы не виноваты в происшедшем, а виноваты все те же несчастные русские.

В. Чалидзе, в сущности, считает, что Сталин сделал доброе дело, т. к., хотя он был и очень жесток, но иначе навести порядок было нельзя, а коммунистические экспериментаторы причинили бы еще больше вреда. Сталин же якобы покончил с коммунизмом: *"...вся его жизнь с середины 20-х гг., все существо его было подчинено идее победить в России противоестественный коммунистический бред, овладевший многими. И он сделал это кроваво и отупляюще, но никто тогда не имел воли сделать это менее кроваво, а те, кто владел Россией в то время, готовы были до бесконечности экспериментировать над народами во имя утопического бреда"* (стр. 16).

Мы уже видели, что на самом деле именно Сталин кроваво экспериментировал над народами и как раз во имя утопического бреда. Но Чалидзе работает над легендой о Сталине.

Другим защитником Сталина, хотя и не таким открытым, как В. Чалидзе, является анонимное "Слово нации", опубли-

кованное в № 3 журнала "Вече". В этой связи мы должны кратко остановиться на проблеме опубликования органами эмигрантской печати материалов Самиздата. С одной стороны, ни одна редакция не может сообщить, через какие каналы она эти документы получила. С другой стороны, читателю предлагается материал, якобы исходящий из кругов подполья Советского Союза того или другого направления или течения в этом подпольи, или печатаются статьи отдельных известных лиц под их настоящей фамилией. Но читатель не получает никаких доказательств, что это действительно материалы из подполья или же статьи данного автора. Мне лично известны случаи легкомысленного отношения к этой проблеме со стороны некоторых редакций, печатавших материалы, переданные случайными лицами без всякой их проверки. Поэтому на читателя ложится тяжелое бремя: попытаться проанализировать такие материалы и решить для себя, можно ли верить, что данная статья пришла из настоящего подполья, или она — подброска КГБ, или же, наконец, сфабрикована здесь и выдана за самиздатовскую. Последняя возможность тоже не исключена.

После этого общего замечания обратимся к "Слову нации". Для его авторов, так же, как и для Чалидзе, Сталин — тот, кто создал порядок. *"Из потрясений выросла новая общественная организация. Какое-то время ею пытались орудовать сеятели перманентного хаоса, но они были быстро выбиты из седла и беспощадно уничтожены силой, происхождения которой они так и не поняли. Зато понял это В. В. Шувльгин, отметивший такие положительные, с его точки зрения, факты, как восстановление дисциплины в армии, восстановление почти в полном объеме старых границ, и предсказавший восстановление, в конечном итоге, и единичной власти"* (стр. 110). В другом месте Сталин весьма возвеличивается: *"Поэтому так часто люди категорических суждений затрудняются в оценке революционных кульминаций и не могут уловить, где кончается революция и начинается контрреволюция, кем были, например, Кромвель, Наполеон, Сталин. Сами по себе подобные извержения жизненной энергии народов — естественные явления, которые не могут быть искусственно вызваны по чьему-либо желанию в любой момент истории или предотвра-*

щены по чьему-либо нежеланию" (стр. 112).

Так Сталин, разгромивший основу народа — крестьянство, уничтоживший мыслителей, интеллигенцию, покрывший всю страну погребальным покрывалом, объявляется "извержением жизненной энергии народа"! Так творятся легенды о Сталине. Кому это нужно? Авторы "Слова нации" вообще склонны к диктатуре. Они издеваются над демократией, издеваются над свободой мнения, над тем, что "лучшие умы" (в "Слове" стоит в кавычках) будут давать советы правителям, которые, мол, сами знают, что делают. Т. к. конкретно не называется, кто эти правители, и нигде вообще не ставится вопрос о свержении советской власти, то эти правители, видимо, и есть теперешние правители. Авторы требуют централизованного государства, оговариваясь в скобках, что имеется в виду не конкретная форма, а сущность. Но если конкретная форма безразлична, то отчего бы не взять уже существующую?

Далее авторы требуют централизованного экономического планирования, т. е. сохранения нынешней экономической системы, хотя и несколько оговариваются в вопросе крестьянства. Они издеваются над критикой теперешней бюрократии и привилегированного слоя. Их не страшит и тоталитаризм, они слова "свобода" и "тоталитаризм" пишут в кавычках и заявляют, что не в этом дело. Во внешней политике они требуют роспуска НАТО и Варшавского пакта. После свержения советской власти? Об этом нигде ничего не говорится. Кроме того, если б советская власть так или иначе была свергнута, то от Варшавского пакта сразу же не осталось бы и следа. Так что, видимо, это требование применимо и к теперешнему положению, а оно-то и является программой советской власти. Авторы ставят как пункт *"отвод русских войск с территории других стран при условии аналогичных действий со стороны США"* (стр. 129). Но никаких русских войск нет на территориях других стран. Есть советские войска. Анонимные авторы "Слова" ставят знак равенства между "русский" и "советский", как это делают русофобы всех мастей. Они подписали "Слово" "Русские патриоты" — не было бы правильнее "Советские патриоты"?

Но, сохраняя почти полностью структуру тоталитарного государства, авторы хотели бы смены идеологии. Идеология

должна быть националистической. Их лозунг: *"Для нас нация первична, а все остальное — производное от нее"* (стр. 114). От нации они производят и христианство, искажая его до неузнаваемости. Они христианство называют идеологией и в краткой главе, посвященной религии, показывают, что не имеют ни малейшего понятия о христианстве, думая, между прочим, что человек дошел до идеи Бога (т. е., что Бог — лишь идея человека), а не Бог дал Свое Откровение людям. Отсюда и выпады против Бога Ветхого Завета (Который даже пишется с маленькой буквы), против Которого якобы выступил Иисус Христос! Т. е. полное невежество и полное непонимание христианства. Так что лозунг в конце: *"Да здравствует победа христианской цивилизации против взбунтовавшегося против нее хаоса"* (стр. 131) имеет в виду какое-то фантастическое лжехристианство, а не истинное христианство.

Об этом документе, пожалуй, не стоило бы и писать, если бы не внесение авторами в национальный вопрос расизма, который русским был прежде несвойственен, но теперь пробивается то тут, то там.

Вопреки своему же постулату, что нация для них первична, а все остальное — производное от нее, они упрекают Гитлера в том, что он был националистом, а не расистом. *"Оскорбленное национальное достоинство породило Гитлера. Новый режим объявил беспощадную войну вырождению. Но выполнить эту задачу он был не в состоянии, потому что руководствовался вовсе не расовыми принципами, а узконациональным эгоизмом, объявляя неполноценными даже народы, стоящие на том же уровне развития, что и немцы"* (стр. 110).

Авторы "Слова" весьма ошибаются. Гитлер был настоящим расистом. Он играл роль националиста до тех пор, пока для ведения войны ему нужен был *весь* немецкий народ, так же и его круглоголовые*, темноглазые и темноволосые представи-

*Главным признаком "полноценной" расы считались не светлые волосы и глаза, а форма головы. Так называемая долихоцефальная (продолговатая) форма головы гарантировала "высшую" расу, тогда как брахицефальная (круглая) голова характеризовала малопенную, так называемую "средиземноморскую" расу.

тели. Если б он выиграл войну, то разделил бы и немецкий народ на "овец" и "козлиц" и обрек бы "расово неполноценных" немцев на подчиненное существование. Следуя одному из своих учителей, англичанину Стюарту Чемберлену, и Гитлер думал, что древние славяне и кельты были близки к германцам, поэтому уже во время войны начались эксперименты по "германизации" длинноголовых, белокурых и светлоглазых польских детей. После победы Гитлер хотел произвести грандиозную перетасовку всех народов Европы, выбрав из каждого народа "полноценные" расовые элементы для создания из них единой "полноценной" германской расы. Авторы могут успокоиться: Гитлер следовал расовым принципам и был настоящим расистом.

Первым признаком нации, в глазах авторов, является расовый тип, который определяет и психический склад. Здесь налицо биологическая детерминация, которая в национал-социализме привела к таким страшным результатам. Но авторы утаили от нас критерии расового типа русских. Намерены и они измерять форму головы и определять цвет глаз? Или у них имеются другие приметы и инструменты?

Перескакивая снова от расы к нации, авторы заявляют, что в национальном государстве русские не по ложному обвинению, как это имеет место теперь, а на самом деле должны стать господствующей нацией. (Чтобы ложное обвинение стало оправданным?) Конечно, тут же заявляется, что никого русские угнетать не будут (а над кем же они будут господствовать?) И, хотя на странице 130 говорится о русских как о нации, которая должна стать господствующей, перед тем, на странице 126 говорится о равноправии наций России. Но заявляется: *"Ни один представитель какой-либо другой нации или расы никогда не будет трактоваться в России как существо второго сорта, если только он сам не даст повода к такому отношению"* (подчеркнуто нами). Вот в этом-то и вся заковыка: кто будет определять, дал ли представитель другого народа или расы повод к тому, чтобы его считали "существом второго сорта?" Вероятно, тоталитарная диктатура. Вот уже и создана лазейка для объявления сотен тысяч или миллионов "врагами народа" или "унтерменшами". Причем существами второго сорта могут быть, видимо, объявлены лишь не угодившие диктатуре пред-

ставители других наций и рас, а не русские, себя дурно ведущие. Нет, русские, которые никогда не были расистами, с отвращением отвергнут весь этот расовый бред.

Но вот так творятся легенды о Сталине. Так пытаются не только оправдать, но даже возвеличить одного из самых кровавых диктаторов в истории. С какой целью? Готовят нам нового Сталина? Где? Все в той же несчастной России или уже в других странах?

В. Пирожкова

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЕЩЕ РОССИЯ?

Мы печатаем главу из польской книги Иосифа Мацкевича «Победа провокации» (Józef Mackiewicz, «Zwycięstwo Prowokacji», München 1962). Эта книга, в русском переводе Галины и Сергея Крыжицких, выйдет в скором времени в изд. "Заря" (ZARIA, 73 Biscay Rd., London, Ont., Canada N6H 3K8).

Иосиф Мацкевич, известный польский зарубежный публицист и писатель, талантливо и убедительно раскрывает в своей книге настоящую суть большевизма, предостерегает об его опасности, угрожающей свободному миру, строго разграничивает столь модное теперь смешение понятий "Россия — СССР" и, основываясь на примерах истории XX века, указывает на неоспоримые факты, что коммунизм и СССР — продукт чисто западный, который сознательно создавался и укреплялся усилиями многих политических деятелей разных стран мира. Книга Иосифа Мацкевича, несмотря на двадцатилетнюю давность, ныне актуальна больше, чем когда бы то ни было. Прим. перев.

Концепция сегодняшнего "польреализма" опирается на два основных тезиса: 1) Польское государство существует по-прежнему, хотя им завладел коммунистический режим, 2) Польша по-прежнему лежит между Россией и Германией.

По нашему мнению оба тезиса ошибочны и происходят из изначального непонимания сути большевицкой революции 1917 года. Совокупность концепции выходит из предпосылки, что Советский Союз, а сегодня центр, так называемой, "мировой социалистической (коммунистической) системы", остается в своей первооснове прежней Россией. Ввиду того, что многие представители общественности в свободном мире, по разным причинам, заинтересованы в том, чтобы именно удержать термин "Россия", — "польреализм" не только включается в это общепризнанное ошибочное течение, но углубляя его, тем самым поддерживает

основную дезинформацию — дезинформацию на тему, что есть Россия и что вообще из себя представляет, так называемый, "Европейский Восток".

Мнения. Не умаляя ни в чем заслуг многих ученых, политиков, писателей, создается иногда впечатление, что если бы о Европейском Востоке было написано меньше, то, может быть, мы лучше бы его знали. Нередко бывает, что даже специалисты в области точных наук склонны к слишком опрометчивым диагнозам. Эта склонность, вполне понятная с человеческой точки зрения, находит еще более широкое распространение в областях менее определенных. К ним как раз принадлежит и "Европейский Восток". Согласно известной поговорке — за деревьями не видно леса. Область "Европейского Востока". так велика, что в силу обстоятельств снабжает неисчислимым количеством деревьев, которые заслоняют лес.

Одним из самых распространенных заслонов этого типа является теория, что большевизм — историческая преемственность прежней России, что это продукт типично восточный, ибо сама Россия была всегда продуктом Востока. Теория эта совсем не принимает во внимание хотя бы то, что дореволюционная Россия была государством (даже по закону!), связанным с верой в Бога, — государством, опиравшимся на христианскую мораль, частную собственность, свободную конкуренцию, капиталистическую экономическую структуру, индивидуализм личности и т. д. Это было государство более похожее, скажем, на Португалию, расположенную на Западном мысе Европы, чем на теперешний Советский Союз, если уж говорить о сравнениях. Нельзя, однако, отрицать специфических различий, — различий географических, климатических, этнических, бытовых, исторических и многих других. В итоге, все же, они не создавали больших органических различий, которые нормально присущи той или иной западно-европейской стране. Жизнь в Петербурге или в Москве была более похожа на жизнь в Лондоне, чем жизнь в Лондоне на жизнь в Сицилии. В действительности не было той почти мифической по силе линии раздела на Восток и Европейский Запад, которую обыкновенно любят проводить.

Богословский спор. Тем не менее, линия такого раздела очень стара. Родилась она из спора между западной и восточной цер-

ковью, между католицизмом и православием. Спор чисто богословский. То, что теперь называется западной культурой, является наследием культуры латинской, короче говоря, культуры католической. Пропаганда не изобретение новейших времен. Пропаганда существовала всегда. Классическим ее примером была пропаганда церковная. На Западе целые поколения жили под влиянием католической пропаганды, которая веками формировала взгляды. Еще по сей день, если предложить среднему европейцу определить тремя словами из чего состоит история Европы, он ответит: Рим — средневековье — возрождение. В его памяти почти не найдется места для тысячелетней Византийской империи. Что же касается Византии, то была она на протяжении веков очагом европейской культуры, особенно когда ее западная часть тонула в, так называемом, "мраке средневековья". Произошло однако так, что латинская пропаганда в своем споре с православием не только постаралась изгладить из памяти эту историческую роль, но даже исказила ее, придав ей отрицательное понятие. Мы все знаем, что значит определение "византийский". Однако, не все отдают себе отчет, что это "mot d'ordre" имело тогда такое же значение, как имеют в период национализмов лозунги, служащие для пробуждения, якобы исторических, раздоров между народами. Итак, что бы то ни было плохого в Византии, многое принято клеймить, как "византийское", т. е. восточное. В то же самое время такому же злу на Западе не придавалось постоянного эпитета и оно считалось проходящим заблуждением.

В действительности же не было принципиально качественной разницы ни в положительных, ни в отрицательных признаках европейского Востока и Запада. Выбивали и выкалывали глаза и тут и там. Проявление варварства было повсюду аналогично, если не тождественно. Когда мы теперь рассматриваем в Италии исторические памятники византийского искусства, частично замазанные или поврежденные только потому, что они не латинские, трудно не поддаться впечатлению, что такое поведение считалось бы типично "византийским", если бы не было как раз римским. Подобным же образом были бы приписаны к категории "типично восточной" все зверства, войны, религиозные преследования, а уж во всяком случае Св. Инквизиция, если бы они не были делом рук Запада.

Территориальная граница этого раздела, впрочем мало отличающаяся от нынешней, носила название "оплота христианства". В действительности же оплот этот не лежал на границе христианства, а только на рубеже католической Церкви. Крестоносцы дали свое самое большое сражение на озере Пейпус в 1242 году не язычникам, а Александру Невскому, ставшему впоследствии святым восточной Церкви. В истории Польши крещение Литвы датируется 1386-ым годом. На самом же деле в Великом Княжестве Литовском в то время было ничтожное количество язычников, а большинство населения давно приняло христианство в форме православной религии. Старейшие храмы в Вильно и Гродно принадлежат именно этому обряду. Так, именуя крещением, окрестили, собственно, введение католицизма в Литве.

И наоборот. Когда 29 мая 1453 года гибла под напором неверных тысячелетняя столица христианской империи на Востоке, латинский Запад не пришел ей на помощь, за исключением венецианского флота, который так и не дошел до Константинополя из-за неблагоприятных ветров.

Два мерила. Двойное мерило в оценке, так называемого, европейского Востока и Запада берет свое начало в традиционной, и по сей день существующей, обоюдной неприязни двух Церквей. Помню, как неметрическая система в дореволюционной России считалась типичной отсталостью, в то время как аналогичная система в Америке, употребляемая по сей день, должна служить примером привязанности к традициям. То, что последний император Николай II был главой Церкви считалось примером "типичного византийства", в то время как то, что королева Елизавета возглавляет одновременно две Церкви, доказывает "популярность монархии". Когда в сегодняшней большевицкой нишете люди покорно стоят в очередях перед магазинами, говорится о рабском повиновении, наследии Ивана Грозного и т. д. Когда же в Лондоне, по менее важным причинам, люди, с неким даже удовольствием, становятся в послушные очереди — это приводится, как пример общественной дисциплины. Царский городской, бьющий кулаком в зубы, представлял собой яркий пример "варварского Востока". Когда же французская полиция, иногда даже без особого повода, лупит дубинками по головам — это не трактуется типичным для Запада поведением. Можно с уверен-

ностью сказать, что если бы Швейцария не лежала в сердце Европы, а — на ее Востоке, то нашлось бы много специалистов, которые сумели бы доказать, что лишение женщин права голосования есть пережиток татарского влияния. В таком же свете рассматривались в свое время в России еврейские погромы в 1905 году и процесс Бейлиса в Киеве в 1913 году, в котором ему приписывали, якобы, ритуальное убийство. Всё это считали явлениями возможными исключительно на темном Востоке. Однако, наивным кажется сопоставление тех "эксцессов" со страшной формой, до какой дошло преследование евреев Гитлером. Следует добавить, что преследование евреев в гитлеровское время, правда, — под нажимом и по приказу Гитлера, имело место во всей Европе и было делом рук и венгров, и французов, и голландцев, и бельгийцев, и многих других западных европейцев.

Изобилие эрудиции было пролито на бумагу западных газет во время московских процессов 1937-1938 годов, чтобы доказать что неслыханное дотоле излияние покаяний подсудимых можно объяснить только пережитком византийской психики и рабским воспитанием. Однако, когда, после 1945 года в аналогичных большевицких процессах показания давали немецкий генерал, британский атташе, католический епископ, римский кардинал и прочие — не было уже речи о "восточных душах", а говорилось только о каких-то загадочных пилюлях.

Существует ли "восточная душа"? Многие специалисты в этой области подчеркивают мнимое своеобразие восточной души, особенно русской души. Ссылаясь на высказывания философов, великих русских писателей, они цитируют Герцена, Бакунина, Гоголя, Хомякова, Аксакова, Тютчева, Достоевского и других: "Послушайте, что они сами пишут о себе!" Не будем тут углубляться далеко в историософскую полемику, как и не будем вдаваться в спор, какая из Церквей права: та, которая утверждает, что Св. Дух происходит только от Бога-Отца, или та, которая утверждает, что Он происходит от Отца и Сына? Ибо, как известно, в этом кроется одна из главных причин расхождения. Похоже на то, что обе полемики, — богословская VI-IX веков и историософская XIX-XX веков, имеют некие общие черты в их несколько запутанном толковании. Однако, трудно не поддаться убеждению, что трудности, которые находят многие специалисты в поисках "русской" души,

закljučаются в том, что они ищут то, чего не существует.

Существенная разница между западноевропейской и восточноевропейской психикой, там где она обнаруживается, коренится скорее в культурной отсталости восточных областей Европы и, в вытекающей отсюда, неграмотности. Помню, как в 1911 году, когда я ребенком был первый раз во Франции, мое внимание обратили на извозчика: "Смотри! Извозчик на козлах читает газету!" Русский мужик газет не читал. Он не интересовался вопросом, какая футбольная команда победит, и всем тем, что печаталось в газетах. В свободные от работы минуты его интересовал вопрос более подходящий для рассуждений: существует ли Бог и в чем есть правда? Отсюда пошло это типично русское "бого- и правдоискательство", которое нашло отражение в литературе. В Америке Э. Хемингуэй написал книгу под заглавием «Старик и море», за которую в 1954 году получил Нобелевскую премию. Так вот в этой книге читаем, что старик, рыбак, в борьбе с океаном и рыбой, один между небом и водой, все время мысленно возвращается к бейсболу и к "American League".

С другой стороны, в той же Америке существует 118 самых разных вероисповеданий, а также в западной литературе, как и в жизни и в уголовной хронике, т. е. в миллионах и миллионах случаев, мы найдем тождественные темы, тождественные рефлексy, побуждения, мечты и поступки, которые специалисты по распределительным картотекам, в каждом единичном случае, приписали бы "восточной психике", если бы их подметили на Востоке. Подобным образом, впрочем, как в эпоху национализмов, поспешно принимается что-нибудь за типично французское, английское, польское или немецкое, когда в сущности своей оно только типично человеческое.

До Первой мировой войны "типично русским" считалось "человеколюбие", "нигилизм", "достоевщина" и т. д. Сегодня в Советском Союзе от "любви к человеку" осталось не много, а что касается "достоевщины" — отражения темных сторон человеческой души, — то, читая некоторых западноевропейских писателей, создается впечатление, что в некоторых случаях они перешеголяли старую "достоевщину". У Жана Ануи, например, молодая девушка ходит, помнится, голая по комнате и, чтобы убить время, плюет на портрет матери... У Грехема Грина, например, в

романе о детях, разрушающих дом, или в повести «Черная скала», насыщенность инстинктов зла, убийства, уничтожения и крайнего нигилизма не дорастает, правда, до таланта изображения в «Бесах» Достоевского, но количественно далеко таковые превосходит. Во Франкфурте-на-Майне недавно был найден мертвый человек, прибитый к кресту. Полиция обнаружила, что этот человек был лидером религиозной секты, которую он сумел довести до состояния такого экстаза, что велел своим единоверцам распять себя как Христа. Если бы что-нибудь подобное случилось не в центре современной Европы, а где-нибудь в глухой сибирской тайге, то легко себе представить комментарии специалистов по "восточной душе"

Мы не трактуем эти сравнения ни как "упрек" по адресу Запада, ни как "защиту" Востока. Хочется просто констатировать факт, что проблемы Бога и правды не стоят с культурной точки зрения ниже, чем проблемы текущей политики, спорта и кино. Человек, затоптанный насмерть толпой, который хоть издали хочет увидеть маэстро "rock'n'roll" в экстазе восторга, не умер смертью более культурной, чем человек убитый в экстазе единоверцев религиозной секты.

Неграмотность, с которой совершенно справедливо борются все народы мира, сыграла в восточной Европе некую положительную роль. А именно: в дореволюционное время она лишала общественные низы той псевдокультуры, которая сегодня затопляет Запад, находя адресатов среди масс полунинтеллигентских или "четверть" интеллигентских. На Востоке, так называемое "общество" состояло до революции исключительно из высших слоев на уровне культуры, не уступающей наивысшему уровню западной культуры. "Self-made-man" из низов общества сразу приобщался к этой культуре и начинал с чтения классиков, минуя всяких посредников.

Советский Союз это не продолжение, а противопоставление прежней России. Лишь октябрьская большевицкая революция совершила в России перемены, изменившие порядок вещей. Уничтожив старую "буржуазную" культуру высших слоев и ликвидировав неграмотность, она "подняла" массы до уровня "псевдокультуры". Полицейским запретом был положен конец

вопросам Бога и правды и ничего не было дано взамен, так как все проблемы мира были уже раз и навсегда решены Лениным и нужно было знать их наизусть. Сомнение каралось. А там, где нет сомнений, не может быть размышлений, и тем самым никаких проявлений пытливой мысли. Таким образом, прежняя Россия, славившаяся "расщеплением волоса", преобразилась в коллектив, бессмысленно повторяющий строфы ленинских догм.

Несомненно нужно согласиться с мнением, высказанным И. А. Кургановым, что: "Россия резко изменилась; она стала СССР — новой страной, не только по названию, но и по существу" ("Нации СССР и русский вопрос", Франкфурт-на-Майне 1961, стр. 168). Не рискуя можно утверждать, что СССР больше, чем только измененная старая Россия, — он ее *прямая противоположность*. И в любом отношении: политически-государственном, экономическом, философском, бытовом и, быть может больше всего, в психическом. Сохраняя внешнее обрамление империи, большевики изменили ее внутреннюю сущность.

Вкратце можно было бы представить следующую схему: Россия XIX века была страной заговорщиков и бунтарей. Советский Союз стал страной молчаливого послушания; символом России были ее церкви с куполами и крестами, символ же Советского Союза — уничтожение креста; русская поэзия воспевала леса и просторы, советская поэзия воспевает фабричные трубы; русская литература была одержима духом сопротивления и критики, советская литература отличается духом повиновения и восхваления; в старой России люди поднимались на защиту униженного, в Советском Союзе люди собираются на митингах, чтобы растоптать униженного; в старой России было принято все подвергать сомнению, в Советском Союзе царит непоколебимая во всем самоуверенность; в России шпиона и доносчика презирали даже те, кто пользовался их услугами, в Советском Союзе доноительство вознесли до высокого звания гражданской добродетели. Россия XIX века создала прослойку "интеллигента-гражданина" и атмосферу крикливого общественного мнения, Советский Союз ликвидировал общество и свел на нет общественное мнение; Россия после реформы судопроизводства была известна наиболее беспристрастными судами в Европе, Советский же Союз славится самой кровавой в истории пародией на судопроизводство. Подоб-

ные примеры можно приводить без конца.

Многие, указывая на иностранную политику Советского Союза, ссылаются на ее сходство с иностранной политикой царской России. Однако, направленность иностранной политики зависит от географического положения. Если заменить итальянцев китайцами или скандинавами, то последние поведут такую иностранную политику, какую навяжет им географическое положение Апеннинского полуострова.

Ленин учил, что для достижения цели допустим любой тактический прием. Было бы странным, если бы при этом он исключил приемы прежней России. Несмотря на это, в целом, иностранная политика Советского Союза представляет радикальное расхождение с политикой прежней России, ибо политика Советского Союза не является политикой на благо государства, а — политикой заговора против других государств. Трудно даже себе вообразить, что дипломатические представители прежней России где-нибудь в Чили, Аргентине, Конго, Индии, на Малаях и на всем земном шаре содержались бы главным образом для того, чтобы свергать правительства и системы тех государств, где они были аккредитованы. В советской же политике такого рода деятельность и есть их главное назначение. Следовательно: не русский империализм пользуется международным коммунизмом, а международный коммунизм пользуется методами русского империализма, в тех случаях, когда это ему на руку.

Подчас слышится вопрос, который одновременно должен служить и аргументом: "Чем, однако, объясняется, что коммунизм пустил свои корни именно в России?" — Ответить можно на него или объемистым трактатом или контрвопросом: "А чем объясняется, что кровавая французская революция пустила корни во Франции? Или, чем объяснить реставрацию? Чем объясняется, что создатель европейского романтизма, народ — "Dichter und Denker" — дошел до гитлеризма? Гитлеризм был явлением отвратным, поэтому враги Германии пытаются доказать, что родился он из своеобразной немецкой души. Большевизм есть явление отвратное, поэтому враги России стараются доказать, что он "искажил науку Маркса тем, что ввел в нее чисто русские элементы". А в действительности же воцарение коммунизма в России является аналогичным результатом стечений обстоятельств, так

же как возникновение гитлеризма в Германии, фашизма в Италии, или хотя бы того же коммунизма на Кубе. Как мы знаем, малого не доставало до триумфа коммунизма на западной окраине Европы, в Испании.

"Тайна" коммунизма лежит на Западе. Загадку психики большевиков, обычно, пытаются найти в Москве. Неверно. В Москве царит внешнее принуждение, т. е. побочный механический фактор, влияющий на искажение изучаемого предмета. Кроме того, доступ в Москву затруднен. Более целесообразно было бы перенести исследования этого рода на территорию, где феномен коммунизма проявляется почти в чистой форме, это значит без примеси внешнего политического нажима и, одновременно, в центрах обще- и легко доступных. Например, в Италии г-на Тольятти или во Франции г-на Тореза, где до 30% населения без всякого принуждения голосует за коммунистов. Трудно отрицать, что коммунизм продукт не восточной, а западной Европы.

Принято думать шаблонами, что большевизм это плод Востока (Азии). Эта шаблонная фраза слышится часто, как в так называемых антисоветских (антирусских) западных сферах, так и среди прореволюционных исправителей большевизма, среди "ревизионистов", национал-коммунистов и т. п. Такой же шаблон так же глубоко пустил корни и среди гитлеровцев. В Третьем Рейхе проповедовал его доктор Альфред Розенберг. В июле 1941 года он убеждал Гитлера, что "большевизм уничтожил старый господствующий слой в России и заменил его новым кавказско-азиатского происхождения". Легенда эта явно противоречит исторической правде. Именно в азиатских областях дольше всего продолжалась борьба с большевизмом, вплоть до 1927 года.

Ленин, как известно, проживал больше в Швейцарии, Берлине, Париже и Лондоне, чем в Москве. Не в России, а в Западной Европе черпал он свое идеологическое вдохновение. Он был противником всех типично русских, не-марксистских партий. И марксизм шагал по дороге с Запада на Восток, а не наоборот. В конце XIX века, из немецкой социал-демократии марксизм проник в Польшу и завладел Польской Социалистической Партией. Главным образом он нашел характерное и радикальное выражение, — уже тогда близкое к большевизму, — в партии "Социал-Демократии Королевства Польского и Литовского", во

главе которой стали, в будущем такие не безызвестные коммунисты, как Роза Люксембург, Мархлевский и первый чекист в России, поляк, Феликс Дзержинский. Они были связаны крепкими узами с немецкой социал-демократией через предтечу мирового коммунизма, типа Карла Либкнехта и Карла Радека, и свое идеологическое вдохновение черпали в Берлине. О немецкой социал-демократии Ленин писал в «Рабочей Правде»: "...единственная полностью прогрессивная в наилучшем смысле... массовая партия рабочих..." (16 июля 1913 г.).

Хронологически, марксизм, перенятый лидерами еврейского "Бунда" в Вильно, в согласованности с киевским "Бундом", положил начало Русской Социал-Демократической Партии, основанной на тайном съезде в Минске, в марте 1898 года. Только после официального вступления в нее Ленина, на втором партийном съезде в июле-августе 1903 года в Лондоне, произошел раскол на "меньшевиков" и "большевиков".

Во время февральской революции 1917 года и отречения императора, большевиков в Петербурге почти не было. Их главный авангард, по инициативе правительства и генерального штаба императорской Германии, был привезен из западной Европы в "запломбированных вагонах", 500 человек с семьями, с помощью услужливого содействия правительств Швейцарии и Швеции. Итак, все дороги вели с Запада на Восток, а не наоборот.

Многие, особенно среди бывших европейских коммунистов и прокоммунистов, в какой-то мере разочарованных "сталинскими" методами, с упорством утверждают, что "русский большевизм" и "европейский коммунизм" не то же самое. С утверждением этим трудно вести полемику, так как оно основано на явном пренебрежении фактами, которые свидетельствуют о тождественности идеологии, крепких узах и одинаковой внутренней дипломатии всего международного коммунизма на любой географической широте. Итак, выискивание принципиальных различий базируется на "wishful thinking", на видении того, что хочется увидеть.

Феномен коммунизма. О коммунизме написаны тысячи книг. Я хотел бы тут указать на феномен, по-моему наиболее характерный, — феномен, который лишает человеческие слова

их первоначального значения. Феномен этот принимает различные формы. Иногда его цель состоит в том, чтобы замутить значение слова, а иногда, чтобы придать ему совершенно обратное значение. Такая деградация и такое обесценивание человеческой речи, этого самого главного орудия человеческой культуры, выступают в эпоху после XX-го, а особенно после XXII-го съезда партии и "десталинизации", еще ярче, чем в период Ленина-Сталина. Ибо еще никогда не было сказано во всеуслышание с партийной трибуны, что миллиарды слов, извергаемых на протяжении десятков лет в наивысших политических "аэропагах", в литературе, в театре, в школах, на митингах и т. д. — не только представляют собой пустые звуки, но освобождают от ответственности из-за своего массового характера.

Как в Советском Союзе, так и в его "народных" филиалах, при полном сохранении строя, главные актеры, как правило, остались на своих постах, несмотря на то, что годами говорили и писали то, что сегодня порицается. Лишь бы сегодня говорили и писали, что велено. Теми же словами и в том же духе. Такое управление "сверху" смыслом слов, а вернее их обесмысливанием, приняло неслыханные в истории жонглерства размеры. Так, например, процессы сталинских чисток 1936-1938 годов и покаяния старых коммунистов, подвергнутых, в точности неизвестным, репрессиям, могут показаться менее странными, чем обвинение в 1961 году Ворошилова, восседающего на председательском подиуме перед лицом пяти тысяч делегатов со всего мира. Какое должно было быть необыкновенное психологическое давление, чтобы старик, посвятивший всю свою жизнь большевицкой революции, мог в такой обстановке каяться таким нелепым образом. И на этот раз не из тюрьмы, а по собственной воле...

В иерархии политических явлений коммунизм становится высшим феноменом, сверхнациональным и сверхгосударственным. Его ни в коем случае нельзя отождествлять с Россией, как впрочем ни с каким народом или государством в мире. Лишая слова их первоначального значения, называя агрессию "освобождением", неволю "свободой", нетолерантность "толерантностью", назначение "выборами" и т. д., коммунизм заставляет всех людей пользоваться языком — им же во вред. И обещает в

награду за отказ от слов в их первоначальном значении, за отказ от культуры и свободы духа — тотальное рабство.

ПОЛЬША ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИИ И ПОЛЬША ПОД ВЛАСТЬЮ КОММУНИЗМА

Если мы сравним ситуацию Польши после 1945 года с ситуацией Польши под русским владычеством до 1914 года, то при объективной оценке положения должны прийти к выводу, что дело тут не в аналогии исторической ситуации, а скорее в ее перестановке.

В конце XVIII столетия на Польшу напали три соседних государства и силой разделили ее между собой. Насилие это, в справедливом возмущении, можем эмоционально клеймить как "неслыханное" — в действительности, однако, "неслыханным" оно не было. Оно представляло род насилия, которое можно назвать "общепринятым" с точки зрения веками создавшихся отношений между народами и государствами. Почти вся человеческая история состоит из захватнических войн, в которых более сильное государство попирает права или захватывает территорию более слабого. Более странным может показаться совершенное отсутствие эффективного сопротивления со стороны такого в свое время могучего королевства. Но и это не представляет исторического исключения и не накладывает особенно отрицательного пятна на польский народ, ибо все народы наверно переживали и переживают временные периоды взлетов и падений, глубокие внутренние кризисы и, связанные с ними, психологические сдвиги. Это, скорее, должно служить предостережением против слишком поспешных заключений, обобщающих "органическую" характеристику отдельного народа на основании лишь одного из его исторических периодов.

"Польская сторона" и "русская сторона". Польша попала под влияние России еще до разделов. Некоторые историки считают, что последний король, Станислав Август, был безвольным орудием или даже марионеткой в руках Екатерины II. Другие отрицают это. Не вдаваясь в суть спора и исторических интерпретаций, надо однако признать, что как бы ни оценивали его склонность к компромиссам, Станислав Август во всяком

случае оставался в политическом отношении "стороной" противостоящей "русской стороне". Иными словами, в отношениях между Польшей и Россией он представлял (опять, не говоря о том, хорошо или плохо) интересы польской государственности и польского народа. То же самое относилось и к людям окружавшим его, к правительству, к польскому сейму. Эта "польская сторона" вынуждена была сопротивляться, или, во всяком случае, реагировать на давление и влияние русских послов в Варшаве, скажем, Репина или Штакельберга, которые по мере усиления русской мощи и ослабления польского государства, увеличивали свою власть до роли фактических диктаторов, навязывая Польше русские государственные интересы. Это и есть образ действия и давления, не отступающий от традиционного типа внешнего насилия в отношениях между государствами.

"Коммунистическая сторона". С минуты, когда Польша попала под коммунистическое владычество, произошла вещь не аналогичная, а противоположная. Самый высокий представитель "Народной Польши", глава коммунистической партии, представляет в, якобы, "межгосударственных польско-советских отношениях", не польскую сторону, а наоборот, советскую. То же самое касается людей его окружающих, членов правящей партии, самого правительства, сейма, всего без исключения государственного аппарата и всех других учреждений, навязанных стране. Государственность, так называемой, Народной Речипосполитой становится не противостоящей советской государственности, а противостоящей польскому народу. Это государственность, которая не защищает интересы польского народа в отношениях с советским государством, а, напротив, она навязывает польскому народу интересы международного коммунизма, представленные советским государством.

Константин Павлович и Константин Рокоссовский. Характерной иллюстрацией перестановки ситуации в сравнении с ситуацией под русским владычеством, а одновременно и иллюстрацией того упорства, с каким "польреализм" старается не замечать фактического положения и поддерживает дезинформацию, может служить сравнение роли Великого Князя

Константина Павловича с ролью советского маршала Константина Рокоссовского.

Как известно, Венский Конгресс 1815 года создал Польское Королевство ("конгрессовое") под скипетром русского императора Александра I, но с собственным правительством и сеймом. Наместником Королевства был назначен генерал Юзеф Зайончек. Однако, командование армией отдано было не в польские руки, а русскому, брату императора, Великому Князю Константину Павловичу, который вскоре стал первым человеком в Варшаве. Когда в 1949 году главным вождем в Народной Польше был назначен советский маршал Константин Рокоссовский, который вошел одновременно в президиум Польской коммунистической партии, сторонники "польреалистической" интерпретации разглядели в этом историческую аналогию, приписывая Рокоссовскому роль Великого Князя Константина. Ввиду того, что происходило это во время "холодной войны" и антисоветской пропаганды по радио, которая велась с разрешения западных держав, то все польские секторы американских, британских, французских и других радиостанций взяли на мушку особу Рокоссовского. Особенно использовали сходство имени Константин. На эту тему посыпались колкости и шутки. Имени придавалось русское звучание, вплоть до уменьшительного "Костя", а фамилию произносили "Ра-ка-ссов-ский". Все это должно было подчеркнуть "русскость" Рокоссовского, как решающий фактор при его назначении.

В действительности же Рокоссовский подлинный поляк. Однако, ни его национальность, ни то, что он был советским маршалом, стало решающим фактором при его назначении "польским маршалом", а то, что не нашлось в то время среди польского генералитета кандидата с равным ему партийным стажем. Словом, Москва не руководится критерием — русский или поляк, — а тем, надежный ли это или ненадежный коммунист.

Зато в упорном сравнении Константина Рокоссовского с Великим Князем Константином недвусмысленно проступает тенденция, которая должна показать, что "Народная Польша" "скатывается" до уровня "Конгрессовой" Польши, и проводится аналогия с ситуацией под русским владычеством. Рокоссовский

не имел влияния на ход событий в Варшаве, так как не он давал распоряжения партии, а партия ему. Он не имел, впрочем, как каждый кадровый военный при коммунистическом строе, большего влияния в Москве, чем польский партийный сановник. Он не сыграл никакой решающей роли, и как показал дальнейший ход событий, его отозвание несколько не повлияло на перемену положения. Аналогия не могла иметь места потому, что степень зависимости Польши под коммунистической властью "количественно" во много раз больше, чем под русской. а в "качественном" отношении необходимо учесть вышеуказанную "перестановку ситуации". Об этом свидетельствует сравнение "польской сущности" под русским владычеством с "польской формой" теперешнего коммунистического владычества.

Политическая суть наизнанку. В период русского владычества даже крайне компромиссное направление осталось до конца "польской стороной" в противовес "русской стороне". Соглашательский лагерь, начиная от политики графа Александра Велёпольского в половине XIX века и включая позднейшие формы группировок, представлявших его до Первой мировой войны, несмотря на всякого рода компромиссы, отстаивал польские, а не русские интересы. Граница между этими противоположными интересами определялась вполне ясно. В период, когда русское правительство проводило руссификацию, защита польских интересов сводилась к получению действительных льгот и полномочий, дающих возможность проводить польскую национальную деятельность — школы с польским языком, книги, газеты и театры на польском языке, польские общества, высшие курсы на польском языке и т. д. Это представляло собой квинтэссенцию тогдашних польских интересов, это была защита "польской сущности" перед угрозой руссификации. Все это являлось предметом "концессий", получаемых от "русской стороны".

Под коммунистическим владычеством "польская сущность" в действительности преобразилась в "польскую форму", так как настоящей "сущностью" стал "социализм" (коммунизм). Таким образом вид прежних концессий потерял всякий смысл, ибо суть этих концессий преобразилась в их противоположность и стала не уступкой на благо польского народа, а наоборот, орудием воздействия враждебной власти на народ. Школы, универ-

ситеты, книги, газеты, театры и кино, радио, общества, организации, кружки, общественная деятельность, даже точные науки, даже музыка и живопись, — все это, прямо или косвенно, в большей или меньшей степени, служит коммунистам эффективным инструментом для так называемой "перековки" свободного народа, свободного общества, в коммунистический коллектив. Инструмент тем именно эффективен, что он пользуется языком данного народа. Отсюда возникло с виду парадоксальное явление: не руссификация, как раньше, а наоборот, полонизация стала инструментом порабощения польского народа. Парадокс исчезает, если принять во внимание, что дело тут касается конечно "полонизации" только по форме, а сущность ее заключается в большевизации, советизации и коммунизации.

Что же касается концессий в "органической" сущности, т. е. очищенной от насильственной коммунистической инфильтрации, то в противовес русскому владычеству, получение таковых невозможно ни в виде школ, ни курсов, ни газет, ни организаций, которые являлись бы оппозицией или в ином виде противостояли бы господствующей власти.

Правда, эмигрантский "польреализм" для отвлечения внимания от подлинного состояния вещей и для поддержки своего тезиса о тождественности Советского Союза и России, неоднократно пытался популяризировать дезинформацию о, якобы, проводимой в стране руссификации, но попытки эти следует причислить к категории такой же самой легенды, как сопоставление "двух Константинов". Итак, чествование Пушкина в Варшаве — "руссификация", но чествование Мицкевича в Москве — не "полонизация". Гастроли варшавских театров не только в Москве, но и в Литве, в Белоруссии, на Украине и т. д. тоже не рассматриваются как проявление "полонизации". Впрочем, надо признать, что в последнее время версия о мнимой руссификации, совершенно лишенная солидных основ, почти изъята из оборота "польреалистической" дезинформации.

Сравнение: "человек". Царская Россия была государством сословным. Не столько государством социальной несправедливости, ибо по сегодняшним временам в ней легче было найти справедливость, чем в иных позднейших демократиях, сколько большого социального неравенства. Помимо проводимой подчас

драконовскими мерами руссификации, опиралась она не на народ, а на сословия. Что же касается повседневной жизни в Польше, то настоящим "господином" на своей земле оставался попрежнему польский шляхтич, а не русский чиновник или полицейский, который этому помещику низко кланялся. Просматривая дореволюционный ежегодник офицерских назначений, самое большое количество польских дворянских фамилий мы находим в Пажеском корпусе, в кавалергардах, в кирасирских и других гвардейских полках. Процент этот резко уменьшается в простой армейской пехоте, уступая место фамилиям почти исключительно русским. Эта небольшая иллюстрация, на полях, доказывает лишний раз насколько ошибочно проводить аналогию между тогдашним понятием "национального преследования" с преследованиями XX века. Ибо сегодняшнее понятие "преследования" отождествляется с понятием человеческой судьбы.

Иной был тоже подход и к, так называемым, "политическим преступлениям". Профессор Владислав Студницкий, большой враг России, душой и сердцем ненавидящий все русское, но человек принципиально честный и гнушающийся лжи, рассказывал мне как-то о своей ссылке в Сибири, в районе Минусинска. Слушая в эмиграции его рассказы об условиях жизни в этой ссылке, я не мог отделаться от мысли, что охотно заменил бы свою судьбу сегодняшнего эмигранта на судьбу тогдашнего политического ссыльного... На судьбу профессора Студницкого в ссылке влияло не только его дворянское происхождение, но и отношение к, якобы, "привилегированному" преступлению. Ибо политическое преступление принадлежало к "почетной" категории и, в противоположность нынешним коммунистическим формам, считалось отнюдь не чем-то "худшим", а "лучшим" по сравнению с другим родом преступлений.

Думаю, что подоплеку этого иного отношения следует искать в другом подходе к личности, к человеку, как к объекту в основном охраняемому законами божескими, человеческими и государственными. Сегодня, ни один из этих законов не охраняет человека, подданного коммунистического строя, перед нормами партийного "права".

Известный до революции в России адвокат Грузенберг, русский еврей, издал в эмиграции свои воспоминания. По содер-

жанию видно, что автор пылает яркой ненавистью к царскому режиму и ко всему, что тогда было. Среди прочего он описывает на шумевший процесс еврея Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве в Киеве. С гневом и возмущением Грузенберг приводит приемы, путем которых полицейские власти старались повлиять на крестьян, выбранных в состав присяжных, чтобы добиться осуждения Бейлиса. И вот, после этих, как он утверждает, многочисленных усилий, чашу правосудия в пользу обвиненного перевесил крестьянин, судья-присяжный, который неожиданно встал, перекрестился на икону и сказал: "Не возьму греха на душу и не буду голосовать за осуждение невинного". С глубоким отвращением цитируя ход этого процесса, адвокат Грузенберг не проводит сравнений. Если бы он это сделал, сам наверно удивился бы до какой степени вся тогдашняя процедура полицейского давления показалась бы наивно анахронической. А огромная затрата энергии полицейского аппарата, израсходованная из-за того, что крестьянин перекрестился на икону, свидетельствует о том, что принято было считаться с человеком. Сегодня же подход к массам в Советском Союзе происходит по нажатию кнопки, а с отдельным человеком вообще не считаются. Стоит только двинуть пальцем, как не только все судьи коммунистического блока, но и все миллионы населяющих его людей, вынесут любой приговор или примут любое решение, какое потребует от них партийная власть.

Поскольку политическая жизнь в Польше под русским владычеством подвергалась ограничениям со стороны властей, постольку, как правило, не было вмешательства властей в личную жизнь человека. В своих воспоминаниях, Федор Степун справедливо замечает: — "Какая в этом отношении громадная разница между царизмом и большевизмом... Очевидно государственный деспотизм не так страшен своими политическими запретами, как своими культурно-педагогическими заданиями, замыслами о новом человеке и о новом человечестве. При всем своем деспотизме, царская Россия никого не воспитывала и в духовно-культурной сфере никому ничего не приказывала. Эта роль была ей не под силу. Отдельные анекдоты не в счет". («Бывшее и несбывшееся», том I, Изд. им. Чехова, Нью-Йорк 1956, стр. 276).

Не следует забывать, что демократия это еще не свобода. Демократия это только равенство. И только либерализм — свобода. Соединение равенства и свободы — вот тот идеал, которого мы все жаждем добиться. Царская Россия не была государством демократическим, но под конец своего существования была государством либеральным. Коммунистический же строй считает либерализм своим злейшим врагом.

Не под владычеством государства, а под владычеством партии. Мы видим, что после 1945 года, теперешние властители Польши, польские коммунисты, являются самыми усердными глашатаями не польских, а советских политических интересов. Возникает вопрос: кто они в их отношении к Польше? Чиновники советского государства? Если бы это было так, то Польша была бы несомненно, подчинена внутреннему аппарату советского государства. Все же не только официально, но даже практически, Польша не включена во внутренне-государственную советскую аппаратуру. Тут мы имеем дело с совершенно новой структурой, вытекающей из специфической структуры Советского Союза, совсем особой, не похожей на структуру остального мира. Соответственно этой структуре, теперешние правители Польши причисляются не ко внутренне-государственным инстанциям Советского Союза, а ко внутренне-партийному центру. Таким образом Польша не подчиняется советскому государству, а подчиняется непосредственно коммунистической партии, которая правит этим государством.

Интересы партии стоят выше интересов государства, будь это Советского Союза, Народной Польши или других членов коммунистического блока. Таким образом, Польша, как страна, по отношению к России, как к стране, находится не в отношении зависимости, а как бы в состоянии "товарищества" в общем подчинении одной партии. Их объединяет общность несчастья, которое свалилось на обе страны и на народы, живущие в них.

Польшу не присоединили к Советскому Союзу в качестве 17 союзной республики, что отвечало бы, возможно, интересам советского государства, но не совпадало бы с интересами мировой политики партии. В интересах "мировой социалистической системы" лежит удержание фикции суверенитета Польши, как и других "народных" республик. Фикции полной и, как видим,

весьма эффективной.

Теперешнее положение Польши, подчиненной не советскому государству, а центру мирового коммунизма, не обозначает, конечно, что Народная Польша по этой причине располагает теми или иными "количественными" ценностями в сопоставлении, например, с Украинской Союзной Советской Республикой, или с другими, включенными в Советский Союз, республиками. Суть дела не в этой плоскости. Обозначает это только то, что Польшу, согласно планам международного коммунизма, "дислоцировали" в иную плоскость, и она играет в этих планах иную, чем союзные республики, предназначенную ей роль — роль "качественную". Одновременно это значит, что Польша находится в большей неволе, чем когда бы то ни было на протяжении всей своей истории. А именно, она находится под воздействием сильнейшего гнета, который не только лишает ее независимости, но парализует сущность ее органической жизни, угрожая тем самым преобразить весь народ в особый, по коммунистическим планам, "социалистический народ".

Дойдет ли до этого — не знаем. А пока что нас интересует вопрос, как дошло до того, что многие поляки умудряются считать заключение Польши в величайшую тюрьму мысли и духа преемственностью польской государственности, и только уже в самом худшем случае сопоставляют с неволей под "русским" владычеством, которая была "количественно" меньшей, а "качественно" совсем иной? Чтобы ответить на этот вопрос, не достаточно понять полностью окружающую нас атмосферу, схему которой мы пытались набросать в предыдущей главе. Надо обратиться к первоисточникам этого ошибочного диагноза, который стал началом сегодняшней дезинформации. Иными словами, надо вернуться к историческим элементам, которые способствовали нынешнему преображению восточной Европы и стали одновременно угрозой современному миру.

Иосиф Мацкевич

Перевод с польского Галины и Сергея Крыжицких

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЩИТНИК РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(А. В. ЧАЯНОВ)

Александр Васильевич Чаянов родился 17 января 1888 г. В 1913 г. он стал преподавателем Петровско-Разумовской Сельскохозяйственной Академии, а с 1922 по 1930 г. был директором Сельскохозяйственной экономики в Тимирязевской Академии. В 1930-м году был арестован по обвинению в организации оппозиционной Рабоче-Крестьянской партии.

А. В. Чаянов принадлежал к тому поколению и слою русских интеллигентов, которые на деле, своей работой, помогали народу, русским крестьянам, в начале XX века. Это были не народники и мечтатели, "ходившие в народ" в 60-х гг. прошлого века, это были не "лишние люди", и не революционеры и террористы "на благо народа" — 1880-90-х гг. Агрономы, врачи, учителя, инженеры — они строили новую Россию в дореволюционное время.

Среди этих людей Чаянов выделялся блестящим образованием, разносторонними интересами и талантами, острым умом и редкой работоспособностью. Он был последним защитником русского крестьянства, буквально заплатившим за это своей жизнью. Он рано понял ценность семейного крестьянского хозяйства, особенно для России при условии оказания ему помощи организацией сбыта, кредита, снабжения инвентарем, путем объединения крестьян в мощные кооперативные союзы. Все это намечалось уже до революции 1917 г. и без большевической катастрофы развилось бы, превратив Россию в одну из

самых богатых и прогрессивных стран мира. Проследим деятельность Чаянова параллельно с событиями в крестьянском вопросе в России.

С 1911 г. он изучает на статистическом материале вопрос о доходности крестьянского хозяйства. Это было время быстрого роста числа и доходности индивидуальных семейных крестьянских хозяйств в связи с проведением в жизнь Столыпинских реформ (выделения на хутора и отруба крестьян, до того принужденных быть членами общины-мира). В это время увеличивалась агрономическая помощь крестьянам: число земских агрономов поднялось в России с 124 в 1895 г. до 2701 к 1912 г. В печати появились труды А. И. Чупрова, В. Косинского о мелком земледелии (1905, 1907 гг.).

В 1911 г. Чаянов работал агрономом в Харьковской губернии и в 1912 г. выпустил "Очерки по теории трудового хозяйства", в которых тщательно исследовал хозяйственные основы крестьянской семьи. Он сконструировал трудовой-потребительский баланс крестьянина, в котором учитывались потребности семьи и необходимый для их удовлетворения труд: удовлетворение потребностей уравнивалось длительностью и трудностью работы. Учитывались при этом число едоков и работников в семье, эластичность потребностей, в зависимости от привычек семьи и ее культурного уровня.

Особенность крестьянского хозяйства, по мысли Чаянова, заключается в том, что крестьянин трудится до тех пор, пока потребности семьи не будут удовлетворены, сверх этого тяжесть труда перевешивает для него пользу и теряет для него смысл. Таким образом, оптимальное использование труда в этих хозяйствах иное, чем в капиталистических. К этим выводам Чаянов пришел уже в 1911 г. и они легли в основу его теории крестьянского хозяйства. Он излагал свои выводы в печатных трудах, например, "Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России" (1912 г.), "Крестьянские хозяйства в Швейцарии" (1913 г.), "Очерки по теории трудового хозяйства", М., 1912-13 (два выпуска), "Участковые агрономы и организационный план крестьянского хозяйства" (1916) и др.

Чаянов пришел к выводу, что экономические законы капита-

листического хозяйства о прибавочной ценности и о земельной ренте не приложимы к русскому крестьянскому хозяйству. С. А. Первушин подготовил почву для дальнейших работ Чаянова своим исследованием "О крестьянских бюджетах и их изучении земствами" (1911).

Чаянов исследовал также крестьянские бюджеты (в Волоколамском уезде Московской губернии) и выработал систему учета статей бюджета (1910-12). Он пользовался также материалами по Старобельскому уезду Харьковской губернии. В этом же направлении работал А. Челинцев ("Участковые агрономы", 1914). В 1912 г. Чаянов сделал доклад о своих работах в Вольном Экономическом Обществе.

Будучи тесно связан с кооперацией, Чаянов, ставший профессором сельскохозяйственной экономики в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, на основании своих работ ("Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянских хозяйств Московской губернии", 1919 и др.) пришел к заключению о рентабельности семейных трудовых хозяйств в России и предвидел "мирную революцию" в русском хозяйстве в результате объединения этих мелких хозяйств в вертикальном направлении через производственную, кредитную и торговую кооперацию. При этом, сохраняя семейный трудовой уклад, можно внедрить в деревню и механизацию, и рациональную обработку сельскохозяйственных продуктов.

По Чаянову, основным критерием для крестьянина в его деятельности был размер семьи (число едоков), число работников, возможность наилучшим способом использовать труд для удовлетворения потребностей семьи и тем самым получить с земли максимальный доход.

В его группе с-х экономистов были расхождения относительно того, на что обращать внимание при исследованиях. А. Н. Челинцев ограничивал их изучением психологии крестьянина, Г. А. Студенский включал также стремление крестьян к приобретательству. Чаянов занял среднюю позицию в вышедшей на немецком языке работе ("Исследование крестьянского хозяйства. Опыт семейного хозяйства в обработке земли", 1923). Он подчеркивал редкость возможностей "приобретательства" для русского крестьянина.

В процессе развития теории крестьянского хозяйства пришлось уделить внимание и таким экономическим категориям, как прибыль. Иногда (по мнению Макарова) ограничивались принятием во внимание амортизации инвентаря и построек. Изучали также понятие дифференциальной с-х ренты на землю, роль подсобных промыслов и т. д.

В 1915 г. появился труд Чаянова "Бюджеты крестьян Старобельского уезда" на основании данных, собранных земством этого уезда о составе и деятельности крестьянских хозяйств. Выводом этого исследования было, что сельскохозяйственная деятельность крестьянина зависит главным образом от состава семьи. Эти выводы Чаянова расходились с принципами классической теории капиталистического хозяйства, т. к. элемент заработной платы как бы исключался из поля исследования хозяйства. В хозяйствах с наемным трудом элемент этот играл определенную роль.

Один из старших коллег Чаянова по Организационно-производительной экономической школе, проф. Н. П. Макаров, напечатал в 1920 г. историю этой школы и историю изучения крестьянского хозяйства в России. Он намечал в этой истории два направления: социэкономическое, первым выразителем которого был в 1875 г. Н. Г. Чернышевский, принятое впоследствии марксистами, и "организационно-производственное", начатое в то же время А. Людогорским и продолженное группой Чаянова-Макарова-Челинцева, делавшей упор на внутреннюю организацию крестьянского хозяйства. Они исследовали оптимальное распределение ресурсов между различными формами деятельности, экономический подход главы хозяйства и взаимосвязь разных отраслей хозяйства.

Началась война. Чаянов продолжал свою исследовательскую работу, преподавал в Академии и работал в разных организациях, в том числе в кооперативных союзах. Он помог экспорту избытка льна из России в 1914 г. при посредстве кооперативных союзов. Организовал экспорт молочных продуктов, в первую очередь масла; 150 тыс. производителей льна были объединены в 350 кооперативных обществ и в 11 союзов, которые получили монополию на вывоз льна. Он заботился о продовольственном снабжении страны, участвуя в Земском союзе. В 1917 г. при его

участии была создана Лига для аграрной реформы, предложившая передачу всей земли крестьянским хозяйствам (в неё входили марксисты С. Маслов и Н. Макаров, с-р. Огановский, народник С. Маслов и консерватор Стебут).

Лига предлагала организовывать крестьянские хозяйства согласно географическим условиям районов. Свои мысли Чаянов изложил в брошюре "Что такое аграрный вопрос?", 1917. Преобладание трудовых крестьянских хозяйств в России было основой всех планов Чаянова. Решение аграрного вопроса предусматривалось на этой основе. Передача земли тем, кто на ней работает, не означала национализации или огосударствления земли.

Национализировать можно было только очень крупные частные хозяйства, в которых развито было скотоводство и селекционное рациональное земледелие. Помещичье хозяйство уже не играло доминирующей роли в России в 1916 г.: на 100 милл. га посевной площади только 11 милл. принадлежало помещикам, а 89% — крестьянам.

Но пришли к власти догматики марксисты с их террористическими методами ограбления сначала помещиков, а потом и крестьян. Перед самой смертью Ленин как-будто понял ошибки первых лет революции и стал на позиции, близкие к Чаянову и его школе организационно-производственного хозяйства на основе кооперирования без принуждения (см. его статьи о кооперации в январе 1923 г. и еще до этого выступления на 10 съезде РКП в 1921 г. в защиту середняков и вообще крестьянства; см. И. Малый, "Вопросы аграрной статистики в послеоктябрьских трудах Ленина", "Вестник статистики", № 4, 1964, стр. 15-16). Уже в 1921 г. он подчеркивал необходимость быть в союзе с крестьянством, т. к. только такой союз сможет "спасти социалистическую революцию" в России, пока нет революции в других странах. Он предвидел в 1923 г., что объединение крестьян в кооперативы будет настоящей культурной революцией. Теперь Ленин уже не рассматривал объединение крестьян как форму государственного капитализма, что он еще думал в 1921 г. Теперь он считал кооперативы уже социалистическими предприятиями.

Взгляды Ленина на кооперацию менялись в течение первых

лет Советской власти. Последнее слово по этому вопросу было сказано им незадолго перед смертью. В 1923 г. он заявил, что мелкое буржуазное хозяйство может эволюционировать к социализму через кооперативы. Очевидно, эти высказывания побудили аграрников-марксистов пересмотреть свои позиции. В 1923 г. он написал две статьи, в которых утверждал также, что кооперирование крестьян поставит Советский Союз "обеими ногами в социализм".

После смерти Ленина в компартии разгорелась полемика по вопросу о том, какие кооперативы он имел в виду: производственные или потребительские? Левое крыло утверждало, что речь шла о потребительских кооперативах. Хотя еще в 1925-26 гг. аграрники-марксисты вроде Критцмана, считали, что для крестьян Ленин предвидел кооперативный путь развития и что это путь к крестьянскому социализму.

Может быть, не без влияния Чаяновских взглядов группа Зиновьева-Бухарина провела в Политбюро в 1925 г. декрет о разрешении крестьянам арендовать землю, как меру одобряющую более гибкую политику в отношении крестьян. Но это была только временная "передышка" и сталинские опричники через 4 года согнали крестьян с их хозяйств, сослали и убили миллионы самых усердных и хозяйственных, а остальных загнали в колхозы и совхозы, т. е. как раз против того, к чему стремилась группа экономистов во главе с Чаяновым.

Чаянов опубликовал в 1924 г. в Германии работу под названием "К вопросу о теории некапиталистической хозяйственной системы". Капиталистическую теорию экономики он представил как систему, в которой все экономические явления формулируются в терминах капиталистического хозяйства. В приложении к семейному сельскому хозяйству отпадает элемент зарплат, понятие чистой прибыли становится несущественным. Вместо понятия прибыли он предложил понятие "продукта" хозяйства, получаемого в виде материальных благ, который он назвал "трудовым продуктом". Поведение такого хозяйства отличается от поведения капиталистического фермера. В заключение Чаянов предлагал, чтобы вместо единой капиталистической теории хозяйства создавалось множество теорий, прилагаемых к различным формам хозяйства.

Чаянов проводил резкое различие в своих исследованиях между хозяйствами с наемным трудом и семейным хозяйством без наемного труда, типичным видом хозяйства для русского крестьянства. Теоретики капиталистической экономики, начиная с Адама Смита и кончая т. н. "молодой" австрийской школой предельной полезности и американской школой предельной производительности, подходили дедуктивно к экономическим факторам, основываясь на поведении капиталистического предпринимателя, в распоряжении которого имеется наемная рабочая сила.

Но в таких аграрных тогда еще странах, как Россия, большую роль играют "организаторы семейного производства", и к ним не приложимы теории капиталистической экономики. Народное хозяйство здесь организуется взаимоотношениями между семейными единицами.

Чаянов иллюстрирует теоретическую важность этого своего нового подхода к русскому хозяйству сравнением его с открытием Лобачевским новой геометрии параллельных линий, независимой от Эвклидовой геометрии. Теоретические выводы из своей теории он сделал в ответ на критику и возражения иностранных экономистов. Он цитирует также русских экономистов близкого ему направления: Косинского, Челишева, С. Первушина и Макарова, доказывавших на большом статистическом материале неприменимость обычной капиталистической интерпретации по вопросам цен на землю, рынка сель. хоз. продуктов, влияния промышленных кризисов на сельское хозяйство и размер земельных владений к такой аграрной стране как Россия.

Теория Чаянова подверглась критике, как западных экономистов (А. Вебер, К. Риттер, А. Скалвейт), так и советских (Л. Критцман, Г. Меерсон). Одни обвиняли его в том, что он покушается на монизм экономической теории, другие — в том, что он изучает семейное хозяйство в отрыве от социо-экономического целого. Марксистские критики упрекали его в том, что он не учитывает экономическое неравенство крестьян и влияние рынка на хозяйство и его планирование.

Выводом из теории Чаянова было, что крестьянское хозяйство становилось некапиталистическим сектором в народном

хозяйстве, что шло в разрез с теорией марксизма в советском понимании.

В изучении крестьянских бюджетов группа московских экономистов (Н. П. Макаров, С. Первушин, А. Рыбников, А. В. Чаянов) уточнила факторы, которые необходимо принимать во внимание, и к 1925 г. Чаянов выпустил работу "Крестьянская организация хозяйства", в которой признавал необходимость учитывать не только состав семьи, но и рабочую силу, средства производства, природные условия и рынок. Рынок должен регулировать и способствовать рационализации крестьянского хозяйства.

Группа Челинцева-Чаянова вела также ценные работы по экономическому районированию в России с точки зрения сельского хозяйства и стремилась ускорить рационализацию этого хозяйства при помощи кооперации. Они рекомендовали вертикальную интеграцию с помощью организации крестьянских кооперативов на добровольных началах. В своей работе "Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации" (1919) Чаянов рекомендовал сохранять семейные крестьянские хозяйства, но не стремясь к их укрупнению, а к более рациональному и интенсивному хозяйствованию, т. к. небольшие хозяйства более эффективны, чем крупные, в противовес промышленности. Он пользовался своим удачным опытом организации крестьянских кооперативов во время войны.

Вначале Чаянов мотивировал предпочтение вертикальной кооперации мелких крестьянских хозяйств преимуществом этой организации для крестьянских интересов. В 1925 г., учитывая политическую обстановку, он рекомендовал такое объединение как самый успешный способ включить крестьянские хозяйства в плановое хозяйство страны. В дальнейшем такая интеграция будет способствовать осуществлению социализма, но при условии сохранения небольших семейных хозяйств. По сути же он пользовался модным словом "социализм", чтобы спасти крестьянское семейное хозяйство. Марксистские критики возражали, называя его взгляд на социализм не ортодоксальным, а его — последователем австрийской школы экономики.

Одной из главных основ теории Чаянова было его исследо-

вание об оптимальном размере крестьянского хозяйства. Он учел результаты работ двух немецких экономистов на ту же тему — К. Вернера и К. Штебеля — и пришел к выводу, что индивидуальное семейное хозяйство будет одним из звеньев оптимальной организации, причем каждое звено будет оптимальным по своему размеру и функциям с учетом географических и природных условий. Из круга работ семейного хозяйства будет исключено все, что лучше осуществлять в крупных масштабах (т. е. сельскохозяйственные работы, для которых мелкое хозяйство не эффективно).

Главная заслуга Чаянова, по-моему, заключается в том, что он научно, на основании фактов, доказал, что семейное крестьянское трудовое хозяйство, излюбленная крестьянская форма земледелия, освященная тысячелетней традицией, может быть и самой производительной при сохранении всех положительных свойств ее (семейные традиции, личная заинтересованность) и при вертикальной организации в форме сельскохозяйственной производительной кооперации. Он выработал также (вместе со своими единомышленниками) оптимальный размер крестьянского хозяйства для разных районов России. В такой форме осуществлялось преимущество как индивидуального мелкого хозяйства, так и крупных предприятий по сбыту, снабжению и т. д. Для этого в России были уже готовые кадры и среди агрономов, и среди кооператоров, статистиков и др.

В политическом отношении Чаянов в предреволюционные и революционные годы был близок к трудовикам, активно политической не занимался. При Временном правительстве был членом Главного земельного комитета, а до этого членом Союза по аграрной реформе. Будучи свидетелем "июньских дней" в Петрограде, он опубликовал во "Власти народа" очерк "Петроградский кошмар", в котором, описывая хаос в столице, он написал: "Петербург Достоевского вышел из берегов Васильевского острова и Выборгской части и в диком бешенстве затопил Петербург Пушкина". 13 октября Чаянов был назначен товарищем министра сельского хозяйства. Он в то время был профессором Сельскохозяйственной Академии.

Он участвовал в 1920 г. в Комитете для оказания помощи жертвам голода (Помгол), многие члены его (Прокопович,

Кускова, Осоргин, А. Л. Толстая) были арестованы и некоторые потом высланы за границу. Его, как ценного специалиста, не тронули, очевидно потому, что тогда Ленин сказал: "Нам в настоящий момент нужны головы с мозгами, их осталось немного у нас". Чаянов был одним из главных деятелей кооперации и стал членом Наркомзема.

В десятых годах Чаянов начал и свою литературную деятельность, как поэт ("Лёлина книжка", 1911), драматург (трагедия из римской жизни, 1921) и с 1918 по 1928 как автор романтически-стилизированных повестей под прозу начала 19 века или лубок. Писал он под псевдонимом "Ботаник X"; это были: "История парикмахерской куклы или последняя любовь московского архитектора", "Венедиктов или Достопамятные события жизни моей", "Венецианское зеркало или Удивительные похождения стеклянного человека", "Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина" и "Олия или Встреча под Новодевичьем".

Кроме перечисленных стилизованных под романтизм литературных произведений Чаянов опубликовал за подписью И. Кремнев в Госиздате с предисловием большевика В. Воронского (псевдоним П. Орловского) в 1920 г. замечательную книжку тиражом в 20.000 экземпляров (другие его повести вышли тиражом не больше тысячи) под названием "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии". Появление такой книги возможно было при относительном либерализме той эпохи (в отношении к печати). Ниже дается пересказ ее глав, касающихся крестьянства.

Алексей Васильевич Кремнев, важный советский чиновник, старый социалист, заведующий секцией Всемирного экономического совета, с остатками буржуазной психологии, сидит в доме, глядит на ночную Москву из окна и думает о том, что фантазии и мечты великих утопистов теперь, в 1922 году, стали будничными явлениями в 4-й год Революции. На полках — книги Чернышевского, Герцена, Плеханова; он вчитался в томик Герцена, предсказывающего светлое будущее человечества при социализме, на смену которому после нового восстания придет новый строй, сменяющий ставший консервативным социализм. Вдруг полка грохнулась на пол и удушающий запах серы напол-

нил комнату, стрелка часов начала бешенно крутиться и листки календаря стали обрываться, стены задрожали, Кремнев бросился вон из комнаты, обливаясь холодным потом, и потерял сознание.

Он очнулся в Москве в 1984 г. в доме Никифора Алексеевича Минина. Из рассказов Минина выясняется, что страна сильно изменилась к 1984 г. Большие города исчезли, их заменили небольшие, а такие как Москва потеряли огромное число постоянных жителей и стали местом, куда на короткое время приезжают по делам или для развлечения люди из разных мест. Большинство населения живет в деревнях, на хуторах. В Москве, напр., только 100.000 постоянных жителей. Кремнев узнал, что в 1934 г. крестьянская партия под руководством Митрофанова взяла власть в свои руки и, поняв опасность для демократии от концентрации огромных масс в городах, провела закон о разукрупнении городов. Около четырех миллионов людей было расселено по разным пригородам и селам, заводы разбросаны по всей стране и к 1944 г. Москва стала тем городом-садом с историческими зданиями, каким его увидел Кремнев.

В России сохранилась советская система, но сельское хозяйство не было национализировано. Разные социалистические партии боролись за первенство, в 1934 г. была попытка олигархии интеллектуалов взять власть на манер французской, но большинство на Съезде Советов перешло в крестьянские руки и в 1934 г. Митрофанову удалось создать Совет народных комиссаров исключительно из крестьян. После неудачной попытки Варварина захватить власть для городов в 1937 г., крестьяне прочно стали у власти.

Основой экономической деятельности России является индивидуальное крестьянское хозяйство; эпоха коллективного хозяйства завершилась полной анархией; введение плюралистической системы позволило поднять техническое и культурное развитие на самую высокую степень. Труд стал творческим процессом. За государством остались монополии на лес, на нефть; оно распоряжается топливными ресурсами, горючим и промышленностью. Распределение товаров осуществляется преимущественно кооперативами. Государственная финансовая система основана на производительности предприятий, пользующих-

ся оплачиваемой рабочей силой и на косвенных налогах. Больше внимания уделяется стимулам хозяйственной деятельности и введена сдельная плата, премии за качество, премии за хорошую организацию производства, справедливое распределение прибыли за торговлю при помощи кооперативов.

Чаянов писал свою утопию "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии" в 1919-20 гг. Он предчувствовал смертельную угрозу, нависшую над русским крестьянством, будучи свидетелем ограбления крестьян коммунистическими продотрядами, читая статьи, направленные против "кулаков" и крестьян-собственников, не желавших вступать в коммуны, которые возникали по велению власти, зная о бешеной антинародной, антикрестьянской и антирусской пропаганде и изгнании всего традиционно-русского из страны.

Он читал также о подготавливаемых в Западных странах коммунистических восстаниях, в первую очередь в Германии, куда послан был для этой цели Карл Радек.

Чаянов решил нарисовать картину *желаемого* будущего государственного строя для России, в котором власть перешла бы в руки самих крестьян и их представителей. Это было, может быть, наивно с политической точки зрения, но тогда еще можно было писать не по коммунистической указке и были в партии люди, вроде Воронского, считавшие, что нужно знать настроение и беспартийных, не явных противников власти. Цель Чаянова была, по-видимому, толкнуть мысль русских людей на возможность и этой альтернативы, соответствующей желаниям огромной массы населения.

Он писал, когда в стране еще шла гражданская война, подходя к концу, когда гремели пушки Кронштадта и бушевали остатки восстания тамбовских крестьян, усмиренных пулеметами латышей и чекистов, заканчивалось Антоновское восстание и бродили еще на Юге банды Махно.

К тому времени он уже создал в общих чертах свою теорию крестьянской экономики на основании изучения крестьянских бюджетов, нужд и возможностей индивидуального сельского хозяйства. Ленин уже начал понимать важность налаживания хороших отношений с массой крестьянства и ошибочность марксистско-бандитского подхода к нему, восстановившего

против новой власти весь этот слой населения.

Был канун НЭПа. Кооперативы были теми последними организациями, в которых еще тлел демократический дух, как я могу засвидетельствовать, т. к. в это время работал в потребительской кооперации. Они стремились предотвратить голод и экономическую разруху, в чем им мешали городские коммунисты. Мужики предпочитали прятать хлеб и резать скот, иначе всё могли забрать "кожаные куртки". В самой коммунистической партии назревал раскол и намечалась правая оппозиция.

Чаянов был в самом центре событий и решений. В них он не принимал участия, но знал о настроениях в стране и в партии. Естественно ему было мечтать о подлинно-крестьянской России, в которой главную роль играла бы кооперация, так блистательно развившаяся за последнее десятилетие старого режима в России.

"Путешествие" Чаянова принадлежит к жанру настоящих утопий, жанру, восходящему к "Государству" Платона, к "Новой Атлантиде" Бэкона, "Городу солнца" Кампанеллы и т. д., и, конечно, к произведению, написанному по-латински сэром Томасом Мором, давшим этому жанру название своим "Островом Утопия" от греческого значения — несуществующая страна. Позднее в этом жанре научной фантастики писали и Кабэ, и У. Моррис, и Г. Уэллс, а также советские писатели Ефремов и братья Стругацкие.

В июле 1929 г. одновременно с профессорами Дояренко, Челинцевым, Макаровым и мн. другими Чаянов был арестован после разгрома Сельскохозяйственной Академии. Из других кругов в это время были арестованы быв. министр Временного правительства Н. В. Некрасов, занимавший видные должности в советской кооперации, историк Тарле, меньшевик Рубин, кооператоры Сабырин и Коробов, экономисты Громан и Кондратьев, Юровский, инженер и профессор Рамзин, публицисты Суханов, быв. коммунист и философ-марксист Базаров. Некоторые из арестованных участвовали в "показательных процессах" — Промпартии, меньшевиков и др. Процесс против группы Кондратьева-Чаянова шел при закрытых дверях, по слухам из-за "неврастеничности" Чаянова, т. е. его отказа участвовать в инсценировке. Он был приговорен к 5 годам

тюремного заключения в Суздале, а потом к ссылке.

По словам отбывавшего вместе с ним заключение проф. Н. П. Макарова, в Суздале Чаянов написал исторический роман "Юрий Суздальский" и... поваренную книгу. После тюрьмы Чаянов был сослан в Алма-Ату. Там, по словам Ю. А. Домбровского, в 1935-36 он был под наблюдением НКВД, и должен был являться в комендатуру 1 и 15 числа для прописки. Он так описывает его внешность тогда: высокий и худой, седеющие волосы, черная борода. Он преподавал в Сельскохозяйственном институте в Алма-Ате и произнес речь о науке вообще и об обязанностях агрономии в частности. Никакого самобичевания и раскаяния в ней не было. Он исчез из города в 1936 г., в следующем году был вновь арестован и расстрелян в тюрьме Алма-Аты 20 марта 1939 г. Таков трагический путь одного из замечательнейших русских людей нашего времени.

Вряд ли он был убит за свои научные труды, он был противник коллективизации и этого одного было достаточно для решения его судьбы, его крестьянская утопия не могла быть прощена. "Утопия", — но, учитывая полный крах сельскохозяйственной политики в СССР с неспособностью обеспечить население продуктами питания без импорта из-за границы, надо признать, что чаяновский подход к индивидуальному крестьянскому хозяйству сулил радикальное разрешение вопроса и выход из тупика.

Н. В. Первушин

БОЛЬШЕВИКИ И РАБОЧИЙ ВОПРОС В ОКТЯБРЕ 1917-1918 ГГ.

Когда читаешь советскую историческую литературу часто удивляет не столько наличие пропагандистской софистики, ругань по отношению к своим "идеологическим противникам" и тенденциозный подбор фактов (ко всему этому мы, к сожалению, давно привыкли), сколько неприкрытая грубость, граничащая с наивностью, в анализе документов, используемых в работах советских авторов. Расчет ли это на неподготовленность и невнимательность читателя? Или простое отсутствие логики у самих советских историков? Не будем гадать. Но фактом остается то, что черное преподносится белым, а белое — черным. Не составила исключения и книга Л. К. Баевой "Социальная политика октябрьской революции".¹

"Рабочий вопрос" оказался одним из пропагандистских маневров российской большевицкой партии. До октябрьского переворота большевики скорее всего не отдавали себе полного отчета в том, что их многочисленные "рабочие" требования являлись в лучшем случае — утопией, а в худшем — намеренной провокацией. До прихода к власти и в тылу, и на фронте большевики всегда были носителями идеи разрушения. Анархия, голод, военное поражение России — вот к чему стремились они. Вот что увеличивало шансы на социалистическую революцию. С тем

1. Л. К. Баева, Социальная политика октябрьской революции (октябрь 1917 — конец 1918 гг.), Москва, 1977.

большим рвением большевицкая партия отстаивала до октября 1917 г. права рабочих на 8-часовой рабочий день, отмену сдельной системы оплаты труда, отмену сверхурочных работ, месячный отпуск, равноправие на производстве мужчин, женщин и подростков и запрещение локаутов. Не задумываясь о реальности своих требований, лишь мечтая о захвате власти, ни о чем больше, большевики не хотели понять, что экономика не может строиться на энтузиазме, сознании, правосознании или классовых законах Маркса, но подчинена своим *экономическим* законам.

В длинной цепочке "рабочих" требований вопрос о 8-часовом рабочем дне был первым. 8-часовой рабочий день начали вводить на предприятиях сразу же после февральской революции, где явочным порядком, а где по соглашению с предпринимателями. Так, уже 10 марта Петроградский совет, возглавляемый меньшевиками, заключил первый договор о 8-часовом рабочем дне с Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков. Одновременно, договор предусматривал введение 7-часового рабочего дня при сохранении прежних размеров заработка накануне праздничных и воскресных дней и разрешил сверхурочные работы лишь с согласия фабрично-заводских комитетов. Формально соглашение распространялось только на частные заводы. Однако сразу же после 10 марта Временное Правительство поручило военному и морскому ведомствам установить "однородный с принятым... распорядок работ" и на государственных предприятиях. В то же время оно начало "обсуждение вопроса о возможности и условиях введения сокращенного рабочего времени" и за пределами столицы.

Из-за продолжавшейся войны и тяжелого экономического положения России март 1917 г. был не слишком удачным месяцем для введения 8-часового рабочего дня. Отдавая дань времени, Петроградское общество фабрикантов и заводчиков вместе с тем призывало рабочих то к добровольному "повышению интенсификации труда в течение установленного 8-часового дня", то к пониманию "необходимости работать и большее время" в интересах обороны государства. Те же причины заставили представителей торгово-промышленных организаций признать, что "теперь не время для проведения в жизнь 8-часового рабо-

чего дня". Этого мнения придерживался и министр торговли и промышленности Коновалов, считавший, что "вопрос о 8-часовом рабочем дне... должен послужить предметом осторожной и внимательной разработки".

В мае законопроект о 8-часовом рабочем дне, автором которого являлся кадет А. Н. Быков, перешел на рассмотрение министерства труда, возглавляемого меньшевиком М. И. Скобелевым, но так никогда и не был одобрен Временным Правительством.

В советской историографии принято считать, что декрет о 8-часовом рабочем дне большевики издали сразу же после прихода к власти. Это утверждение является ошибочным и основано на недоразумении. Дело в том, что 30 октября в одной из большевистских газет был ошибочно опубликован "декрет Наркомата труда" о 8-часовом рабочем дне. Что же произошло?

Первым Наркомом труда советской республики стал А. Г. Шляпников. Однако текст "декрета" появился в печати за подписью Ю. Ларина.² Как представитель профсоюзов Ларин входил в комиссию по рабочему законодательству при Министерстве труда Временного Правительства. Через несколько дней после захвата большевиками власти Ларин незначительно изменил проект Быкова о 8-часовом рабочем дне и послал его в печать, подписав "за народного комиссара — Ю. Ларин".³ Советские историки как раз и принимают эту самочинную публикацию Ларина за официальный правительственный декрет. Баева, в частности, пишет: "Одним из первых документов Наркомтруда явился закон о 8-часовом рабочем дне, принятый 29 октября 1917 г. и опубликованный 30 октября в правительственной газете". Источник этой информации Баева не указывает по очень простой причине: ни в "Собрании Указаний Правительства РСФСР", ни в "Декретах Советской власти" подобного закона не числится. Наоборот, ряд правительственных постановлений 1918 года доказывает, что декрета о 8-часовом рабочем дне не существовало. Так, декретом ВЦИК и СНК в декабре 1917 г. был установлен 8-часовой рабочий день

2. Ю. Ларин — М. А. Лурье, член партии большевиков с августа 1917 г.

3. Ю. Ларин. У Колыбели. "Народное хозяйство", 1918. № 11, стр. 16.

для служащих железных дорог. А ведь очевидно, что появление подобного частного закона было возможно лишь при отсутствии общего.

После большевицкого переворота в крупных промышленных центрах короткий рабочий день существовал "по инерции", со времени февральской революции. Но во многих районах России его вводили явочным порядком уже после октября.⁴ Иногда Наркомат труда узаконивал 8-часовой рабочий день на отдельных заводах в виде "наказания" предпринимателям. Так ввели 8-часовой рабочий день на заводах "Наваль" и "Рассуд" в Николаеве. Делалось это, конечно, не для рабочих, но назло владельцам. В ряде губерний, однако, местные исполкомы в законодательном порядке устанавливали 8-часовой рабочий день,⁵ не поняв всей изощренности ленинской тактики.

Уже в ноябре 1917 г. советская власть начала открытое наступление на то, что только недавно называла "правами рабочих". Массовое дезертирство русской армии с фронта, топливный, сырьевой и транспортный кризис и последовавшее закрытие многих предприятий привели к безработице в городах, особенно в Петрограде. В теории отвергая законы "капиталистической эксплуатации", большевики вынуждены были руководствоваться именно ими, так как экономика не могла работать ни на каких других законах. Выброшенными за ворота фабрик и заводов в первую очередь оказались женщины, подростки и старики. А уже 17 ноября Первая общегородская Петроградская конференция профсоюза рабочих-металлистов, обсуждавшая проблему безработицы и необходимость введения новых тарифов, приняла постановление о трудовой дисциплине: нарушители подлежали исключению из профсоюза и увольнению с работы.⁶ И началась цепная реакция...

4. Например, в декабре 1917 г. 2-я конференция фабрично-заводских комитетов, представителей профсоюзов горнорабочих и подрайонных советов Донбасса ввела явочным порядком 8-часовой рабочий день в Донбассе. ("Вестник Народного Комиссариата Труда", 1918, № 1, стр. 146).

5. Например, в Северо-Двинской (см. док. ЦГАОР, ф. 382, оп. 17, в кн. Басовой) и в Вологодской губерниях (см. "Борьба за власть Советов в Вологодской губернии, 1917-1918 гг.", сб. док-тов, Вологда, 1957, с. 106).

6. Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата, Москва, 1964, стр. 146.

27 ноября на совместном заседании заводского комитета Путиловского завода, представителей Петергофского районного Совета, политических партий и союза металлистов рабочим продиктовали следующую резолюцию: путиловцы обязаны выполнять любые работы, в том числе и по заготовке топлива. Несогласные — лишаются двух третей заработка. Недовольные — подлежат увольнению.⁷ Поскольку необходимо было уволить как можно большее число людей, так как рабочие простаивали без дела, но получали зарплату, советское правительство начало организованную борьбу с опозданиями и прогулами. Так, в январе 1918 г. завком радиотелеграфного завода Морского ведомства постановил: "за выход из порта ранее гудка (т. е. до окончания рабочей смены — Ю. Ф.) посылать гулять на одну неделю без содержания". А рабочее правление Ликинской мануфактуры во Владимирской губернии придумало даже своеобразный уголовный кодекс для нарушителей дисциплины: "за опоздание выхода на работу до 15 минут виновный подвергается первый раз товарищескому выговору и при повторении увольняется с фабрики; опоздавшие свыше 15 минут караются отчислением полудневного заработка в кассу безработных, то же самое за преждевременный уход с работы; уличенный в краже увольняется с фабрики". Но ведь это и были те естественные правила дореволюционной царской России, которые постоянно подвергались резкой критике со стороны большевиков и других социалистических партий! В чем же тогда отличие рабочего, "эксплуатируемого буржуазией", от рабочего, "дисциплинируемого" советской властью? А только в том, что до октябрьского переворота рабочий должен был считать, в согласии с теорией Маркса, что его угнетает предприниматель, представитель чужого класса. Ведь свою задачу советское правительство как раз и видело в подчинении рабочих "их собственным интересам" — диктатуре пролетариата. Во имя этих интересов и от имени этой диктатуры большевистская партия и терроризировала все российское население, в том числе и рабочих. Что это было именно так, подтверждается резолюцией, принятой одной из организаций

7. Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917-1919 гг.; сб. док-тов, т. I, Ленинград, 1947, стр. 264.

РКП(б): "Долг каждого рабочего — удесятерить свои силы для создания железной, классовой дисциплины, иначе эту дисциплину, основанную на сознании самих рабочих, сменит буржуазная дисциплина, основанная на каторжном труде и палке".⁸ Таким образом, производственные отношения оставались теми же, только теперь и к палке, и к каторжному труду рабочие должны были относиться по-иному. Не восставать же против собственной диктатуры! (Но восстанут еще и не раз, да поздно!)

Большие изменения претерпело отношение большевиков и к сдельной оплате труда. До революции большевики утверждали, что сдельщина есть лишь скрытая форма эксплуатации трудящихся. Но не прошло и двух месяцев с момента большевицкого переворота, как в связи с падением производительности труда металлургические предприятия Петрограда вновь перешли на сдельную оплату. Этот до анекдотичности грубый поворот привел к тому, что большевиков подвергли критике даже их собственные сопартийцы — "левые коммунисты", не говоря уже об эсерах и меньшевиках. Меньшевик И. А. Исуев писал, в частности, в газете "Вперед", что "под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения 8-часового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тейлора... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области..."

Но пролетариат, в этом смысле, уже потерял все, что мог. 1 апреля 1918 г. президиум ВСНХ с участием Ленина обсудил проект "Положения о трудовой дисциплине". Ленин предложил ввести сдельную оплату труда на всех предприятиях, а там, где это невозможно — установить систему премий и учредить "промышленные суды". Одновременно Ленин ратовал за использование научных приемов организации труда системы Тейлора, подчеркнув, что "без нее поднять производительность труда нельзя, а без этого мы не введем социализма".⁹ Впрочем, учитывая плохое питание рабочих, Ленин предложил принять "голодную" норму выработки, но за несоблюдение трудовой

8. Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 гг.). Сборник документов. Свердловск, 1958, стр. 240.

9. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 212.

дисциплины установить суровые карательные санкции, "вплоть до тюремного заключения".

По Ленину, в качестве меры наказания могло применяться и увольнение с работы, т. е. то, что иногда делалось и в царской России. Сейчас же Ленин нашел этому дореволюционному методу борьбы с прогулами вполне современное диалектическое объяснение: "При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара". Усиление мер наказания за нарушение трудовой дисциплины, разумеется, производилось исключительно для "блага самих рабочих". Большевики уверяли, что падение трудовой дисциплины в условиях хозяйственного развала "грозит окончательным разрушением всему народному хозяйству, следствием чего явится не только гибель завоеваний революции, но и вымирание класса производителей — пролетариата". А вымрет он не из-за чего другого, как полной дезорганизации предприятий и отсутствия "какой бы то ни было производственной дисциплины".¹⁰

Положения о трудовой дисциплине и нормировании производительности труда, принятые ВЦСПС 3 апреля 1918 г., явились важной вехой в истории становления советского крепостного права. И можно ли было дойти до большего цинизма, чтобы, с одной стороны, "в связи с общим истощением рабочего класса... временно установить особые голодные, но твердые нормы выработки",¹¹ а с другой — увольнять за "нерадение", как за саботаж, без уплаты денег при расчете?¹²

"Положения", называвшиеся часто "правилами внутреннего распорядка", были обязательны для всех предприятий страны. Но в зависимости от обстоятельств местные власти могли вносить в них свои дополнения. Так, в "Брянских правилах" специ-

10. Подробнее об этом смотри: Документы трудового энтузиазма, Москва, 1960 г.

11. Профессиональный вестник, 1918, № 5-6 (13-14), стр. 12.

12. Положение о трудовой дисциплине, утвержденное 7 мая 1918 г. Уральским областным советом профсоюзов и областным бюро союза рабочих металлистов.

ально отмечалось, что "никакие митинги или собрания в заводе не допускаются и возможны лишь в самых крайних случаях по особому каждый раз объявлению за подписью заводского комитета или директора завода"¹³; времена "первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач"¹⁴ прошли, или, выражаясь словами большевиков, оказались "преждевременными".

"Брянские правила" предусматривали именно то, что считалось нормальным и естественным на многих предприятиях дореволюционной России: строгий учет производительности труда, ответственность рабочих за брак, оплата только за выполненную работу. И конечно же, именно эти правила пришлось по душе Ленину, пришедшему к власти с лозунгом отрицания "законов капиталистической экономики". В "Письме конференции представителей национализированных предприятий" Ленин предложил узаконить "внутренний распорядок по типу брянских правил в интересах создания строгой трудовой дисциплины".¹⁵ Делегаты, вероятно, уже подобранные большевиками, возразить не осмелились и приняли "спущенную" Лениным резолюцию.

Шаг за шагом Ленин вводил на производстве диктаторскую систему. Добровольно сознательное крепостное право закреплялось в сознании "в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*".¹⁶ Именно в этом Ленин видел важнейшую задачу, решение которой "даст нам социалистические порядки... с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного человека, советского руководителя"¹⁷ (курсив везде Ленина).

22 мая 1918 г. Ленин выступил с речью на втором Всероссийском съезде Комиссаров труда, представителей бирж труда и страховых касс. Он сказал: "Нужен крестовый поход для того, чтобы трудовая дисциплина... распространилась по всей стране, чтобы самые широкие массы поняли, что другого выхода нет".¹⁸

13. Рабочий класс Советской России..., стр. 153.

14. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 202.

15. Ленин, ПСС, том 36, стр. 348.

16. Ленин, ПСС, том 36, стр. 202.

17. Ленин, ПСС, том 36, стр. 202-203.

18. Ленин, ПСС, том 36, стр. 367.

И съезд одобрил ленинскую идею и обязал "комиссаров труда на местах устраивать собрания по установлению трудовой дисциплины и проведению ее в жизнь".¹⁹ Заметим, что это важнейшее для рабочего класса решение принималось не рабочими делегатами фабрично-заводских комитетов, но комиссарами труда и представителями бирж. А чтобы лишить профсоюзы и рабочие комитеты права выступать против партийных решений и принимать свои собственные постановления, противоречащие декретам Наркомата труда, Съезд записал в своих резолюциях, что, "как выразитель воли рабочего класса в целом, комиссар труда не может и не должен считать все без исключения постановления профсоюзов обязательными для себя".²⁰ В том же месяце Совнарком принял декрет об учреждении инспекций труда. Старые фабрично-заводские и горные инспекции, избранные рабочими в соответствии с их желаниями, упразднились. Инспекторы труда избирались теперь советами профсоюзов, уже огосударствленных в значительной степени, и утверждались областными комиссариатами труда, т. е. государственной властью. На инспекцию труда прежде всего возлагались обязанности по контролю за проведением в жизнь всех "рабочих" декретов советской власти.

Постоянно разгоняемые, терроризируемые ВЧК, последними славались профсоюзы. Но — славались. Уже в апреле-мае огромное их большинство выносило резолюции в поддержку антирабочих законов советской власти: "Прямая обязанность профессиональных союзов внедрить в сознание рабочих масс производственную дисциплину, а именно — никакого произвольного прекращения работ и твердая выдержка. Рабочие должны понять, что сейчас они работают на себя по восстановлению разрушенных производительных сил народного хозяйства, а не для создания прибавочной стоимости капиталисту и что небрежное отношение к своим обязанностям есть то же самое, что локаутные поползновения и саботаж".²¹ Но рабочие не пони-

19. Подробнее см.: Протоколы II Всероссийского съезда Комиссаров труда, Представителей бирж труда и Страховых касс, 18-25 мая 1918 г., Москва, 1918 г.

20. Вестник Народного комиссариата Труда, 1918, № 4-5, стр. 356-7.

21. Национализация промышленности на Урале, стр. 262.

мали. И даже пробовали выйти из-под контроля просоветских профсоюзов, уже переставших представлять их интересы. Но не сидела сложа руки и советская власть, а услышав о проявлении рабочими подобной самостоятельности, наложила новую резолюцию: "Все мероприятия и начинания на фабриках и заводах должны проводиться рабочими с ведома союза. Главное внимание фабрично-заводских комитетов должно быть обращено на повышение производительности труда".²²

Похороны социальных завоеваний русских рабочих советская власть производила последовательно и верно. С 14 июня 1918 г., согласно декрету СНК, "в виду особо тяжелых условий, переживаемых страной", ежегодные отпуска были сокращены до двух недель.²³ Тогда же Советское правительство официально разрешило применение сверхурочных работ, на бумаге ограничив их 50 днями в году, и использование труда подростков, начиная с 14-летнего возраста (по закону их рабочий день не мог превышать 4 часов, но в 1918 году ни на часы не смотрели, ни о возрасте не спрашивали).

Ну, а дальше катилось по задуманному. 2 июля объединенная конференция Московских профсоюзов и Моссовета призвала рабочих смиренно надеть на себя хомут, уготовленный для них советской властью. "Наступило время, — говорилось в принятом на конференции обращении, — когда рабочий класс (не "советское правительство", но сам "рабочий класс": "мы и вы это — вы" — Ю. Ф.) вправе ожидать от рабочих каждого предприятия, каждой профессии, что они сумеют в интересах общепролетарского дела поставить на первое место не свои групповые интересы, а интересы всего рабочего класса". Фактически, обращение призывало профессиональные союзы добровольно отказаться от права защищать интересы своих членов. Взамен же предлагалась опека со стороны государства: "с другой стороны, объединенное собрание заявляет от лица рабочего класса и его центральных организаций (советской власти и РКП(б) — Ю. Ф.), что интересы... всех групп рабочих... будут в свою очередь и всеми мерами защищаться".²⁴

22. Национализация промышленности в СССР, стр. 259.

23. Декреты советской власти, т.2, Москва, 1959, стр. 431-434.

24. Профсоюзы СССР, документы и материалы, т.2, М. 1963, стр. 114.

Все это время продолжалась борьба и за повсеместное введение сдельной заработной платы. 21 мая Петроградский комитет союза металлистов признал "принципиальную необходимость перейти к сдельным работам и создать техническое бюро при Петроградском комитете союза металлистов для разработки более детально этой системы".²⁵ Четырьмя днями позже Петроградская общегородская конференция рабочих-металлистов согласилась ввести сдельную оплату труда на всех работах, где это возможно.²⁶ И уже в июле-сентябре 1918 г. от 25 до 30% петроградских рабочих были переведены на сдельщину. Советской власти эта мера, как правило, давала очевидную выгоду. Так, на Невском судостроительном заводе, в Петрограде, в августе-ноябре 1918 г., после перехода на сдельные работы, производительность труда выросла на 350%; на заводе Эйхвальда — на 100%; на авиационном заводе Мельцера — на 150%; в Первой государственной типографии — на 35%; на лесопильном заводе Семенова — на 203%.²⁷ Впрочем, производительность труда не увеличилась на петроградской бумагопрядильной мануфактуре Северного ткацкого общества, где с апреля по август на сдельной зарплате находилось примерно 40% рабочих. Но на Сампсониевской мануфактуре, в связи с произведенным по требованию рабочих комитетов сокращением сдельных работ, производительность труда упала на 8-10%.²⁸

В целом, по данным промышленной переписи 1918 г., к декабрю 85 процентов 613-тысячной армии петроградских рабочих получали сдельную заработную плату.²⁹ Осуществив практический переход на сдельщину, советское правительство закрепило его формально в "Кодексе законов о труде", принятом в декабре 1918 г.³⁰ А в январе 1919 г. 2-й Всероссийский съезд профсоюзов утвердил сдельную и премиальную формы оплаты

25. Профсоюзы СССР, т.2, стр.111.

26. См.: Национализация промышленности в СССР, стр. 651.

27. См.: Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата, стр. 372, 373; Г. А. Струмилин, Избранные произведения, Москва, 1964, т.3, стр. 362.

28. ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 7, д. 7, лл. 7-9. (Цит. по кн. Басовой).

29. См.: Рабочий класс Советской России..., док. 147 (таблица).

30. Декреты Советской власти, т. 4, Москва, 1968, стр. 174.

труда. И на повестку дня советским правительством была выдвинута новая проблема — размеры заработной платы.

Теоретически Ленин разрешил этот вопрос довольно просто: оклад специалистов не может превышать зарплаты среднего хорошего рабочего. На практике все было иначе. Оклады специалистов доходили до 1200 рублей в месяц, членов правительства — до 800, служащих — от 350 до 750 рублей. Ведь "когда со всех сторон мы видим новые требования, мы говорим: это так должно быть, это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни".³¹ И значит — необходимо довести заработную плату рабочих до средней зарплаты служащих? Нет, сделать этого нельзя — "страна бедна, страна нищая, — удовлетворить все требования невозможно пока, оттого так трудно в процессе разрухи строить новое здание". А фундамент будущего здания должно закладывать руками пролетариата по расценкам: мужчинам — 9 рублей в день, женщинам — 8 рублей, подросткам — от 6 до 9 рублей. Впрочем для работ особенно вредных или тяжелых ставки повышались на один рубль, причем степень тяжести и исключительности труда определялась не фабрично-заводскими комитетами, а профсоюзами данной отрасли промышленности и представителями Наркомата труда.³²

Справедливости ради укажем, что правительство снижало заработную плату рабочих до разумных пределов. И если кто из рабочих и голодал или мерз, то лишь потому, что *ни за какие деньги* нельзя было купить необходимых продуктов питания и дров. Но не станем же мы винить в этом большевицкое правительство, которое, между прочим, делало все от него зависящее, чтобы снабдить город хлебом, помня, что именно голодные бунты явились непосредственной причиной февральской революции. Важно было, однако, не просто накормить рабочих, но накормить их из рук большевицкого правительства. Но как назло в эти руки не хотели сдавать бесплатно свой хлеб крестьяне. И сколько Ленин ни писал телеграмм, сколько ни расстреливала Продовольственная Чрезвычайная комиссия Троцкого,

31. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 501.

32. См.: Профессиональный вестник, 1918, № 1-2, стр. 17.

хлеба не становилось больше. Неожиданный выход советское правительство нашло в введении так называемого "классового пайка".

Вопрос о "классовом пайке" был впервые рассмотрен 29 мая 1918 г. на экстренном заседании Петроградского Совета, где обсуждалась проблема голода в целом и проект увеличения хлебного пайка для рабочего населения за счет нетрудящихся. 1 июля "классовый паек" ввели в Петрограде. А 27 июля Наркомпрод принял специальное постановление о введении классового продовольственного пайка повсеместно. Несколько позже, 19 октября, были определены и его размеры. Рабочим, занятым на особо тяжелых физических работах и на вредных производствах, выдавалось 36 фунтов хлеба в месяц; фабрично-заводским рабочим, почтовым, железнодорожным и советским служащим и детям от 3-х до 14-ти лет — 25 фунтов; всем прочим трудящимся — 18 фунтов; а неработающим — 12 фунтов в месяц.³³

Даже по свидетельству советских историков, "несмотря на все принятые меры, положение с продовольствием оставалось тяжелым: при нерегулярном поступлении его не обеспечивался прожиточный минимум рабочим и их семьям. Поэтому Советы стали на путь организации общественного питания".³⁴ Последнее было необходимо и для того, чтобы прокормить огромную армию безработных.

Уже в ноябре 1917 г. СНК дважды обсуждал проект страхования трудящихся при потере ими работы. Но лишь 26 декабря Совнарком утвердил "Положение ВЦИК и СНК о страховании на случай безработицы". Безработным считалось "всякое трудоспособное лицо, главным источником существования которого является работа по найму, не имеющее возможности найти работу", а также "лица, лишившиеся заработка вследствие локаутов". Безработный имел право на пособие "начиная с четвертого дня безработицы". Пособие устанавливалось в размере "средней поденной заработной платы для данной местности", но не превышало действительного заработка безработного и "в зависимости

33. См.: Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата, стр. 193.

34. Баева, указ. соч., стр. 86.

от обстоятельств" могло быть понижено.³⁵

В январе 1918 г. Совнарком принял "Положение о биржах труда",³⁶ учреждаемых "для правильной постановки дела подыскания работы безработным". По замыслу Ленина, биржи труда должны были стать "классовыми пролетарскими организациями... находиться в ближайшей связи с профессиональными союзами и другими рабочими организациями и получать средства из общественных самоуправлений".³⁷ К концу мая 1918 г. в России насчитывалось 194 биржи труда, а в конце сентября — 259.

По заведенной традиции фонд безработных местные Советы образовывали за счет дополнительных налогов, взимаемых с работодателей. Так, если в середине декабря 1917 г. Тверской Совет провел в городе однопроцентное обложение дохода всех жителей, то уже в феврале 1918 г. он стал осуществлять "классовый принцип обложения": все наниматели рабочих должны были платить в фонд безработных 3% с выплачиваемой ежемесячно заработной платы. На пособия по безработице этих денег, однако, хватить не могло. Поэтому 14 апреля 1918 г. ВЦИК потребовал от Советов принять самые энергичные меры для создания фондов помощи безработным.³⁸

Если само Положение о страховании на случай безработицы возлагало всю тяжесть по созданию фондов на предпринимателей, то ВЦИК предложил взимать "добровольные сборы в пользу фонда" с рабочих и служащих. О степени "добровольности" взносов можно лишь догадываться, но, безусловно, мы имеем право предположить, что не все рабочие смогли подняться до той "высоты классового сознания", с которой уменьшение и без того крохотной зарплаты казалось им несущественным. В среднем рабочие вносили в фонд безработных 3-6% своего заработка. Но и этих денег не хватало на пособия. Уже в апреле 1918 г. Совнарком вынужден был выдать Наркомату труда 30 млн. рублей "для организации помощи безработным".

35. Декреты советской власти, т. I, стр. 200-204.

36. Там же, стр. 424-426.

37. Ленин, ПСС, т. 32, стр. 159.

38. Декреты советской власти, т. 2, стр. 97.

Советское правительство никогда не публиковало точных сведений о количестве безработных. Цифры, просочившиеся в печать, существенно занижены. Так, по данным Наркомата труда, на 15 мая 1918 г. в Советской России насчитывалось более 300 тыс. безработных, наибольшее число которых приходилось на Московскую и Петроградскую губернии, Поволжье, Урал и Западную Сибирь. Уже осенью того же года в Москве насчитывалось не менее 400 тыс. безработных; а в Петрограде, к концу года — более 300 тысяч.³⁹

В целях борьбы с безработицей в России была введена пятидневная рабочая неделя. Один день недели как бы предоставлялся безработным. Это, естественно, несколько уменьшило безработицу, но и существенно снизило заработную плату работающих. Временной мерой борьбы с безработицей явилась и организация общественных работ. Только в Петрограде в течение марта и апреля правительство выделило на борьбу с безработицей и организацию общественных работ 200 млн. рублей. Безработица резко пошла на убыль лишь в конце 1918 г. в связи с возобновлением работы промышленности на оборону. В это время работу получил почти миллион безработных России.⁴⁰

Политика угнетения рабочих советской властью не осталась достоянием 1920-х годов, но нашла свое продолжение в сталинских планах сверхиндустриализации, безудержной эксплуатации трудящихся в годы Отечественной войны и позже при восстановлении промышленности. В этом безостановочном беге "догнать-перегнать" экономические причины давно уступили место военным и политическим. Стоящие во главе советского правительства "вожди" никогда не забывали, и лучше самих рабочих помнили (и понимали) ту прописную истину, что революцию делают не голодные люди, а сытые, которых не накормили лишь один день, не угнетенные, но те, кому дали вздохнуть глотком свободы.

Юрий Фельштинский

39. Рабочий класс Советской России..., стр. 204, 221-222.

40. Д. А. Коваленко, Оборонная промышленность Советской России в 1918-1920 гг., Москва, 1970, стр. 197.

КЛАСС ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Когда сознание человека научилось отрываться от будничных нужд и восходить к абстрактным концептам, представление о движении во времени не судьбы отдельной личности (рождение, детство, юность, возмужание, старость, смерть), а всего человеческого рода в целом — стало постепенно подниматься на поверхность общественного сознания. Этому помогали, сохранившиеся в родовой памяти, сказания о необыкновенных людях, необыкновенных событиях, климатических и географических изменениях, катастрофах, физическом расселении человечества.

Поначалу история мыслилась простым калейдоскопом событий, а человеческое общество по существу — статическим. Но уже в самом начале, сохранившихся не только как туманные мифы (Атлантида, Мю), культур в историческом движении стали видеть известную эволюцию — целенаправленность, по крайней мере — направленность к финальной катастрофе: симптоматично, что выражавшие воззрение исторических народов (т. е. с мировоззрением и космогонией) религии в прогнозах об отдаленном будущем обычно весьма пессимистичны: греческие боги при всей олимпийской озаренности, подчинены непреодолимой, трагической для них судьбе, а в нордических мифах корни поддерживающего небесный свод гигантского дуба Иг-драззила день и ночь подгрызает дракон Нидхауз, и в свой час Азы погибнут в общем крушении земли и неба.

Эта статья покойного Сергея Милича Рафальского прислана нам его вдовой, Татьяной Николаевной, за что мы приносим ей сердечную благодарность.
РЕД.

Помимо такого пути из неосознанного природного бытия через осознанно исторический, движение истории, как разворачивание общественной эволюции, может мыслиться еще по трем направлениям: либо ведущим в тупик внеисторического, "животного" существования путем превращения условных общественно-социальных рефлексов в рефлексы безусловные, либо уводящим человека по бесконечной прямой (материально и духовно) "все вперед и все выше", либо направленным по кругам-циклам постоянного — через длительные промежутки времени — повторения, вечного возвращения.

Прометейанский европейский человек до сих пор не принимал в качестве предела эволюции ни раз навсегда сложившегося внеисторического существования, ни вечного возвращения к некогда пройденным этапам. И хотя даже в конечной судьбе своих собственных природных — и олимпийских, и нордических — богов предвидел трагическую гибель, он все же упрямо, с мужественным скепсисом, шел "всё вперед и всё выше", как будто стремясь превратить в собственную вотчину всю вселенную.

Надо сказать, что в свете современных наших познаний об окружающем мире, теория эволюции (истории) по бесконечной прямой (или по бесконечной спиральной восходящей) не представляется ни достаточно глубокой, ни убедительной. Это, в конце концов, словесная ширма, которая, ни к чему не обязывая, удобно прикрывает и неспособность додумать до конца, и инстинктивный страх перед таким долумыванием.

Поскольку жизненная активность всех организмов в основном сводится к поискам наиболее питательной среды и наиболее действенных (анатомических и вещных) средств (орудий) для такого воздействия — предел необходимого прогресса уже поставлен самой природой вещей: максимальное — в данных условиях — обеспечение, максимальная гарантия жизни рода и его продолжения, предельное приспособление органического вида к окружающей его среде. Самодовлеющий прогресс данного вида биологически такой же абсурд, как социально-политическая перманентная революция.

В огромных космических масштабах (в "днях" и "ночах" Браны — по 4.320.000.000 наших лет) — теория замыкающихся

циклов, вечного их повторения — это, конечно, безвыходность, — грандиозный, если угодно, но все-таки пессимизм, но в пределах индивидуального сознания, развернутое на четыре миллиарда с лишним лет движение кажется почти бесконечным. Так в индуизме, как-будто, примиряются умозрительный пессимизм с экзистенциальным оптимизмом. Необходимо, однако, прибавить, что разработанная с проблесками необычайной, почти чудесной интуиции индусская доктрина с европейской точки зрения пессимистична и в масштабах человеческой истории (одного цикла, одного “дня” Браммы): начинаясь блистательным, исполненным совершенства, периодом Критаюги — этот “день” в постепенной моральной деградации человечества заканчивается полным его декадансом — Кали-Югой, которая в священной книге первого тысячелетия после Р. Х. определяется так: это тот период “когда в обществе собственность дает положение, богатство становится единственной добродетелью, страсть — единственной связью между мужем и женой, фаллоп — источником успеха в жизни, сексуальные отношения единственным наслаждением и поверхностные умищования смешиваются с глубинной религиозностью”. Любопытна еще деталь периода Кали-Юги: “парки и сады вырубаются и лишаются своего населения”. Нужно ли добавлять, что, по индусским расчетам, мы сейчас находимся в этой мрачной эре, начавшейся 18 февраля 3.102 года до Р. Х.

“Окормившее” двухтысячелетний период истории европейского прометеянского человечества христианство, в представлениях о земной истории крайне пессимистично: перед Вторым Пришествием еще углубятся и обострятся все те социальные неурядища человеческого общества, которые проявляются в нем теперь. И даже само христианство, как общественный феномен, не удастся: “Сын Человеческий придет (второй раз) едва ли найдет веру на Земле...”

В общественном плане бессмысленная (с точки зрения христианской) толча мировой истории в личном плане осмысляется “облагораживающим искупительным страданием” и сопричающей Христу жертвенностью, “любовью к ближнему” и, в конце концов, покрывается внеисторическим духовным бытием, сущим уже вне времени и пространства, абсолют-

но оптимистическим для тех, кто способен в него поверить и вложить в трехмерные слова и понятия должествующее быть содержание. Для недостойных же, т. е. для огромного большинства человечества, обещаются "вечные муки"

Пока в периоде медленной истории общество накапливало одни привычки и теряло другие, оно усложнялось и перестраивалось почти незаметно, разворачиваясь в том органическом процессе, который обычно называется эволюцией. Поскольку, однако, члены общества ощущали данное иерархически организованное постоянное единство их коллектива, как гарантию наибольшей безопасности и максимального жизненного удобства, они стремились крепко-накрепко зафиксировать данный строй во всякого рода институтах и законах. Но история продолжала двигаться и накапливать непредусмотренные узаконенным распоряжением потребности. Так под формальной броней общества образовывались пустоты на месте умерших традиций и опасные выпуклости над рвущимися на поверхность новыми потребностями. Наступал тот момент заторможенной эволюции, который можно назвать революционной ситуацией.

Когда несоответствие установленного распорядка новым фактам переходило за критический предел, т. е. когда большинство переставало ощущать данный распорядок, как наибольшую гарантию возможного благополучия, он обрушивался на пустотах и разлетался в местах накопления новых сил. Начиналось новое эволюционное движение и продолжалось до новых попыток торможения, т. е. — фиксации "навсегда" найденной общественной формы.

При медленном движении истории революционные скачки происходили сравнительно редко. Они воспринимались как ненормальность, как болезнь, как зло. Это были скорее бунты (переходившие порой в "междуусобные брани"), чем революции и направлялись они на узкую конкретную задачу (свержение бесовестного правителя, отмена налога и т. д.) и часто меняли правящих или ведущих, но не общественный порядок в его целом.

Даже громкие события в последнем полу столетии *до* и в первом *после* начала нашей эры общественный строй Мирового Римского государства по существу переменили мало. Они, употребляя выражение Момзена, как-будто "искали человека,

который перевел бы Рим из республиканских форм в монархические". Происходившая в то же время глубокая духовная христианская революция стала сказываться только через много столетий после.

Только в христианской эре создаются все предпосылки для подлинных революций, т. е. — насильственных общественных перестроек, имеющих заданием не выправление временно заторможенной эволюции и восстановление ее движения к ближайшим конкретным заданиям, а устройство общества согласно верованиям и умозрительно выведенным и интуитивно найденным нормам и координатам. Если и до Р. Х. существовало понятие общественного порядка, то не было общественного идеала (платоновская о нем мечта не создала ни одной попытки обосновать и направлять ею повседневную гражданскую активность современников). Поскольку богам (и не только олимпийцам) было свойственно пристрастие — и среди людей не могло быть глубокого понятия о справедливости, т. е. о той социально-нравственной норме, которая не только бы применялась в настоящем, но и устремлялась бы творчески к будущему, поскольку настоящее несовершенно.

Конечно, в античном мире (и не только в нем) часто упоминался "золотой век", но это понятие заполнялось скорее материально-физическим содержанием, но никак не оптимальным общественным устройством. Возможно, что в нем выражались уцелевшие в родовой памяти впечатления от климатического оптимума, закончившегося в Европе приблизительно за пять тысячелетий до Р. Х.

Утверждая равенство всех людей и равенство всех племен и народов перед Высшим Бесстрастием и Беспристрастием, христианство тем самым поставило принципиальный вопрос о правомерности, т. е. о справедливости равных людей в социально-политических и экономических неравенствах.

Вошедшее в мир прежде всего, как моральная и нравственная революция, христианство, даже под привалившим его, как могильной плитой, язычеством варварских цивилизаций, расположившихся на руинах и обочинах Римского Вселенского Государства, сохранило в себе все-таки свой революционный заряд, который, время от времени, прорывая установления и

нормы по существу нехристианского общества, выходил на поверхность разного рода, опиравшимися на подлинный смысл священных текстов, восстаниями (жакерии), общественными движениями (моравские братья) и обличениями вопиющих в языческой пустыне проповедников (Савонарола).

Никогда не казались более соответствующими действительности слова Христа — “Я принес вам не мир, но меч” — чем в одном из самых трагических столетий человеческой истории — в нашем XX веке: вся исполинская динамика его революционных взрывов предопределена христианством. Хотя широкий интерес к последнему, как к религии, и отмирает, но в революционных идеологиях основу как раз создает то из него, что способно было перекалькироваться на материальную плоскость и лаицизироваться: субстанциональное (не только гражданское и юридическое) всеобщее равенство, царство правды и справедливости, неизбежно долженствующее завершить человеческую историю, и, наконец, Страшный Суд мировой революции над социальными грешниками и преступниками, открывающий путь в Возвращенный Земной Рай.

Так Свет Тишайший, еле осязаемое дуновение Божественного, возносящее сердце человеческое к бесконечности Духа, стало атомным зарядом в уставшем ждать Второго Пришествия человечестве.

В исключительной сверхварварской жестокости революционных взрывов, а также в моральном распаде и разложении, охватившем весь почти цивилизованный мир, сказалось и то наследие христианства, которое лучше всего определить, как полное присвоение своей личности каждой данной персоной. Это крайняя и вредная вульгаризация христианства. Последнее если и признавало первоценность личности в человеческом мире, то лишь под условием добровольного отказа ее от самой себя ради других. Только способные на жертвенную любовь к ближнему спасены будут, т. е., являются персонами с положительным показателем.

Но, как и следовало ожидать, персоны с отрицательным показателем опустили необходимое самопожертвование, духовно сращивающее личность с обществом ей подобных и сочли себя самоценными всегда, везде, при всех обстоятель-

ствах. Отсюда губительный эгоцентризм, особенно акцентировавшийся в материалистическом обществе и его изнутри разлагающий.

Христианские положения ранее принимались известной категорией мечтателей и визионеров, как аксиомы, но после того, как симпатии интеллектуалов от умозрительных заключений стали склоняться к выведенным из опытов положениям позитивных наук, все они, получив экономическую подкладку, вошли в так называемый научный социализм и в порожденный им революционный марксизм.

В настоящее время есть все серьезные основания утверждать, что попытка насильственного (т. е. революционного) общественного переустройства под марксистским руководством привела к результатам прямо противоположным их первоначальным заданиям: к полному закрепошению (вместо полного освобождения) личности, к всеобщему несчастью вместо всеобщего счастья, к полному бесплодию во всех областях культуры духовной и гораздо более трудному, чем при капиталистическом строе, движению материальной цивилизации.

В 1867 году, когда вышло первое издание "Капитала", еще была в полном разгаре борьба Пастера со сторонниками гетерогенеза (последняя "антипастеровская" записка Бастиана была подана лондонскому Королевскому Обществу в 1910 году) и никто не слышал ни о расширяющейся Вселенной, ни о значении "спин", т. е. об антиматерии, ни о множественных составляющих, на которые все больше и больше распадается последнее, будто бы неделимое, вещество — атом.

Субстанциональному антропоморфизму европейского мышления — с эллинскими корнями и христианской окончательной установкой — еще не были нанесены самые серьезные удары: если Земля уже перестала считаться центром мира, то не существовало представления о Вселенной внегалактической, т. е. даже специалисты еще не знали того, что не только Солнце с его свитой планет, но и даже весь Млечный Путь в целом не более как звездный островок среди 1500 (каталогизированных впоследствии) ему подобных в астрономических пространствах "Замкнутой Вселенной".

Современная радикальная трансформация не только науч-

ной, но и технической, эстетической и религиозной умственной активности человечества явно подготавливает его к большему чем новая культура или новая эпоха: мы вступаем в новый Эон, когда изменится всё — и наши восприятия мира, и наши выводы из этих восприятий. И неудивительно, что в это переходное (смутное) время скоропостижно погибают еще недавно блиставшие научной самоочевидностью утверждения, тогда как вчерашние трупы вдруг начинают проявлять признаки новой жизни. Только что была сдана в архив отработавших научных теорий презумпция мирового эфира и вот уже производятся (пока еще из-за колоссальной трудности неудачные) опыты его реабилитации. Даже скорость света, как непреодолимый предел, уже пытаются взять под сомнение. И лишь основанный на сделанных сто лет тому назад наблюдениях и романсированных выводах из них "научный социализм" остается герметически запечатанным, как консервная коробка, и (к своему юбилею) не только не изменил ни одной теоретической позиции, но — что всего курьезнее для научной доктрины — не пустил ни одного свежего эволюционного ростка.

Монументальная неподвижность, основанного якобы на диалектическом движении, марксизма превращает эту "науку" в социологическое суеверие, которое у людей известной категории (хочется сказать известного биологического отбора) становится настоящей "религией наоборот". "Мы владеем истиной в ее конечной форме", — как говорится в страшной книге Е. Гинзбург "Крутой маршрут". И вот именно по экзистенциальным, а не диалектическим основаниям хронические неудачи в проверке действительной жизни священных марксистских текстов так мало смущают их адептов.

И действительно — тот коллективный Демиург Пролетариат, который должен был подготовить окончательный "прыжок из царства необходимости в царство свободы", оставаясь еще на вооружении ретроградных революционеров, вот именно в силу развития производственных отношений, начинает исчезать из поэтической действительности цивилизованных стран и нарастающая автоматика вскрывает основную ошибку марксистского анализа: все ценности в человеческом мире создает мысль, а труд их только материализует, причем

труд безразлично чей — прирученного животного, раба, рабочего, автомата, робота.

Частичное отчуждение стоимости произведенных рабочим ценностей происходило и будет происходить даже в государственном и даже в социалистическом хозяйстве, но вот именно при классическом "марксистском" капитализме особенно горестным был тот, незамеченный профессиональными экономистами, факт, что, признаваемая и религией и общественным сознанием полноценной и равноправной личность пролетария входила в производственный оборот в *вещном* качестве, т. е. вынуждалась к превращению в простое орудие в руках другой персоны.

Совершенно ясно, что корень зла в другом: в превращении человека в вещь, в орудие. И переход рабских масс на положение салиариата, видоизменяя внешнюю видимость вопроса, по существу — при классическом капитализме — дела не менял. Основное зло было не в собственности, неравномерным распределением которой облегчалась эксплуатация, а во включении в массу вещей, способных быть объектом права собственности и человеческой персоны либо целиком (рабство), либо частично (салиариат).

Очень долго цивилизованное человечество не ощущало особого морального ущемления от оскорбляющего и принижающего превращения человека в орудие. Эллинские философы, никого из современников не возмущая, могли утверждать, что у раба душа отсутствует, и что только творческая, а значит обязательно свободная, личность может быть вполне Человеком. И только умножение рабских масс, сплошь и рядом включавших высокие индивидуальности (Эзоп, например) и широкая специализация производственных функций, приведшая к появлению рабов на командных местах с инициативой и активностью, подготовила почву для постановки моральной проблемы рабства.

Только христианство образу эллинско-римского человека — Героя, Титана — противопоставляет человека вообще ("ни эллин, ни иудей, ни раб, ни свободен, но всяческая и во всех Христос") и тем самым закладывает моральные основы для всех последующих и политических и социальных революций.

Опережающая действительность на столетия, социальная

интуиция воплощается, однако, только тогда, когда развитие материальной культуры подготовило для нее соответственный базис. Мечта Икара стала действительным полетом только через тысячелетия, встретившись с двигателем внутреннего сгорания, но без нее — без ее изначального импульса — человек, даже с самым мощным мотором, ползал бы по земле, не стараясь превратить в подлинное воздушное передвижение случайные прыжки.

К XX-му столетию сознанию общественной элиты цивилизованных стран уже вполне открылась глубокая неправда в учете взаимоотношений между рабочим и работодателем, как исключительно частного дела, а бурно развивающаяся техника создает, наконец, те материальные основания, которые могут позволить человеку перейти к освобождению личности от вещного ее снижения в производственных процессах.

Пока отсталые страны, истекая кровью и слезами, корчатся в муках марксистских рождений и, после невиданных по жестокости кесаревых сечений, производят обычно мертворожденных и уродов, в высокоразвитых обществах обозначается и крепнет процесс, направленный к постепенному и безболезненному обезвреживанию основного зла исторического человечества: вынужденного превращения человека (хотя бы временно) в орудие в руках более счастливого собрата и (тем самым) уничтожение того, что в условиях классического капитализма было злостной эксплуатацией.

Хозяин и рабочий, которые во времена классического капитализма непримиримо враждебно противопоставлялись на диком поле эгоистических интересов, совершенно одинаково включаются теперь в направленный на общую пользу трудовой процесс и демократия экономическая, счастливо дополняющая "кривую" демократию политическую, осуществляется, во-первых, принципиальным обобществлением производителей в целом, во-вторых, общественным контролем над собственностью, становящейся данностью функциональной, своего рода займом от общества или государства.

Если прибавить введенное в конституцию демократических государств право стачек, обязательное социальное страхование и обеспечение старости становится ясным, что процесс

принципиального обобществления хозяйства в передовых странах мира настолько продвинулся и органически слился с эволюционирующими "капиталистическими" производственными системами, что революционная перестройка западноевропейских обществ путем грубого (по шпаргалкам XIX-го века) насильственного отчуждения всех средств производства и уничтожения всякой собственности на них — практически становится нелепой. Тем самым как-будто отходят в архив исторических иллюзий мировая революция марксистского типа и тот "класс гегемон" (пролетариат), который ее будто бы произведет.

И тем не менее почти во всех высокоразвитых странах, в особенности у молодежи, не перестают тлеть, порой опасно вспыхивая, революционные настроения. Их анализ, вернее, — анализ их корней, достаточно сложен, потому что таких корней много.

Что же заставляет молодых интеллектуалов повторять и аргументацию, и лозунги учения, потерявшего и свою основную людскую базу и свои экономические основания? Прежде всего и раньше всего это, конечно, отсутствие оригинальной "идеологии", способной покрыть настойчивое беспокойство, охватившее молодежь всех цивилизованных стран после Второй Мировой. При желании это беспокойство легко объясняется исключительно материальными причинами: угрозой Третьей Мировой с атомной смертью если не самой планеты, то всего живого на ней, технической цивилизацией, показавшей и обратную сторону своей блестящей медали: отравление отбросами окружающей среды и убийство природы, и, наконец, уже совсем узкоэгоистический момент: перепроизводство интеллектуалов в некоторых областях, затрудняющее их устройство в жизни.

На грани марксистской и немарксистской мысли ставится и вопрос о труде: общественное благоустройство и теоретические его возможности в ближайшем будущем, вместе со все возрастающей автоматикой, отняло у человеческого труда его стихийную — космическую — оправдываемость, подчеркнуло его калечащие, угнетающие, закабаляющие стороны, заставило вспомнить о свободном труде, труде-развлечении — творчестве утопистов.

Под всем этим вскрываются и более глубокие — эпохаль-

ные — пружины. И, прежде всего, завершение, истощение культурного цикла, который для европейских народов начался вместе с христианством. Его можно охарактеризовать, как неустанную борьбу остававшегося языческим по существу человечества с наложенным на него христианским мировоззрением. Из этой борьбы родилось великолепное искусство, большая философия, создались установления и интуиции, объективирующие "любовь к ближнему", позволяющие осуществлять принудительно некий ее минимум.

Христианство, даже для тех, кто с ним боролся, служило координирующей величиной. Его выпадение составляет зияющую пустоту, которая не для всех закрывается материалистической философией. Такую же пустоту в плане социальном оставило исчезновение пролетариата. Ожидаемый коллективный Мессия оказался дезертиром, и даже предателем: незаметно перешел в другой класс. И вот наречение самосознания в этом классе-дезертире пока мучительно заставляет себя ждать. Серьезнейшей препоной на пути к такому самосознанию становится самодержавно утверждающий себя "средний человек". Обычное о нем представление, почти делающее это понятие синонимом маленького буржуа или "мещанина", слишком поверхностно. На самом деле прежде всего "средний человек" это биологический тип, это *Homo sapiens* по существу, т. е. по сравнению его с австралопитеками, питекантропами, неандертальцами или предполагаемым новым существом — сверх-человеком.

По поводу открытой в гrotах Альтамары, Нио и Ласко предысторической живописи известный английский искусствовед писал: "Тайна (потому что это тайна) в том, что на этом уровне развития человечества изобразительное искусство достигло такой утонченности, которая потом никогда не была превзойдена".

Никакой тайны, однако, в этом нет. Субстанциональная эстетическая константа совершенно одинакова и в кроманьонском и в современном *Homo sapiens'e*. Когда человек дорос до этого сознания, он стал восхищаться теми негритянскими шедеврами, которые еще столетие тому назад были только курьезными уродцами эстетически неразвитых и технически беспо-

мошных дикарей.

Самообнаруживающаяся в изобразительном искусстве константа наличествует во всех других планах духовной культуры человека. Ее не так уже трудно заметить и в самых вознесенных наших религиях.

В конце концов, так называемая, культура для очень многих не более как результат поверхностной дрессировки. Благодаря происходящим у немногих индивидуумов психологическим мутациям культура движется скачками, (если угодно) восходит по крутым ступеням: когда мутационное меньшинство утвердится на высшей ступени, оно начинает подтягивать к ней, дрессировать на нее всех остальных. Только у способных к психологическим мутациям культура — самопел, которую не надо ни обосновывать, ни оправдывать.

Для среднего человека культурная дрессировка — средство к лучшей, и прежде всего, материально лучшей, жизни. Однако материальное удовлетворение не может быть вполне насыщающим, если налицо неудовлетворение психическое, возникающее так же, как и недовольство материальное — из неравенства. Именно поэтому средний человек допускает у других высшую психику только как орудие служения его же — среднего человека — потребностям. Высшая психика для него есть только орудие на службе общества. Она не должна приобретать самостоятельное значение, а тем более так или иначе развиваться за счет его — среднего человека — жертв. Даже те, как будто антиобывательские возражения против "потребительского общества", которые сейчас в такой моде у известной части молодежи, оказываются бунтарскими только по форме. Сплошь и рядом то "освобождение", о котором трактуют эти "революционеры", есть не что иное, как возвращение к константе — к *Homo sapiens*'у, как таковому, с уничтожением всех тех психических контрформов, при помощи которых строилось его культурное оформление (общественных привычек, законов, традиций), но с сохранением их материальных достижений: "хиппи" не отрицают средств сообщения и даже очень уважают гитару.

Поскольку освобождение от дрессировочных (религиозных, научных, общественных) стеснений ставится как самопел, оно является окончательным раскрытием среднего типа *Homo*

sapiens'a, как полного хозяина родовой эволюции и ее космического предела.

Технический процесс неуклонно и бесповоротно социально обесценивает физический труд и повышает производственную роль творческой мысли и, тем самым, общественную значимость ее носителей, число которых внушительно возрастает. Казалось бы, что именно класс творческой мысли в современном мире должен заменить теряющих ведущую роль людей "решимости и инициативы" (третье сословие) — буржуазию, и взять в свои руки не только организацию нового технического общества и политического его возглавления, но и управление дальнейшей эволюцией самого человека, как зоологического вида.

Возражения против самой концепции Класса Творческой Мысли идут, обычно, со всех сторон общественного горизонта. Тут сказывается и интеллигентская традиция "служения народу", и привычка феодально-буржуазного барства "нанимать мысль" и, наконец, пролетарская и вообще эгалитарно-либеральная боязнь новой аристократии, "нового фашизма".

Если считать пределом прогресса всеобщее благосостояние, устойчивый материальный и психологический (в относительной свободе и равенстве) комфорт — Классу Творческой Мысли не обязательно выделяться в особую социальную силу: и общедемократическим путем история человечества способна дойти до тупика всеобщего благополучия. Но если, переорганизовав по своему мир, в котором он живет, человек захочет пересоздать самого себя — он только под водительством Класса Творческой Мысли, ставшего "гегемоном" новой эпохи, с этой задачей сможет справиться, например, создать необходимые условия и необходимый контроль для развития стоящей уже у порога нашего века — революции биологической.

Но прежде чем говорить собственно о ней, следует напомнить, что помимо лабораторного — пересоздание Человека, как такового, — может мыслиться и в совершенно ином порядке, а именно, как развитие в нем паранормальных, парапсихических способностей для непосредственного воздействия на окружающий мир.

Так же, как выход в Космос (т. е. межпланетные путеше-

ствия), возможное развитие парапсихики вызывает у очень многих все тот же недоуменный вопрос: "а зачем это нужно?". Так рассуждают люди, в известной комфортабельности высокотехнической цивилизации уже притупившие субстанциональные качества каждого, преодолевшего среду организма — т. е. самодовлеющее любопытство и побеждающую даже страх смерти потребность всегда искать и более широких горизонтов, и более высоких точек восхождения, чтобы дальше и шире распространялась, неизменно угрожаемая безднами небытия жизнь. Таким "успокоенным" можно указать, в частности, на явную необходимость, если не заменить, то дополнить имеющиеся в распоряжении человечества запасы "грубой" энергии теми, пока еще слабо улавливаемыми нашими счетчиками, космическими силами, которые проявляются в парапсихике.

Гораздо раньше Парапсихических Институтов в этой области с успехом работала аскетическая практика некоторых религий, прежде всего, конечно, в Индии, вся религиозно-философская система которой особенно способствует развитию паранормальных психических данных у так называемых "освобожденных" (т. е. достигших будто бы при жизни единства с Божеством).

Ознакомление с невызывающими сомнений в добросовестности сведениями об "освобожденных" — создает впечатление, что все их парапсихические способности (телепатия, телекинез, левитация и т. д.) только следствие гораздо более значительного факта уже не религиозного, а биологического порядка.

По словам такого специалиста по данному вопросу, как Ж. Герберт, и в Индии имеется достаточное количество жуликов, которые из-за почета и материальных выгод представляются "освобожденными". То, что отличает подлинного "освобожденного" от притворщиков — это его взгляд, которого ни фотография, ни тем более описание, передать не могут, но который выражает совсем иной уровень сознания, чем наш. Этот взгляд не всегда легко перенести: Ж. Герберт знал европейцев, которые от него падали в обморок.

Позволяя себе такое сравнение, можно сказать, что взгляд "освобожденного" так же относится к взгляду человеческому, как

тот ко взгляду коровы. Это последнее сравнение Ж. Герберта наводит на весьма любопытные и серьезные размышления: все знают, что животные с достаточно развитым психозом не очень любят, когда человек смотрит в их глаза в упор: выражение выше их стоящего на биологической ступени сознания — их пугает.

Отсюда сам собой напрашивается вывод, что некоторые "освобожденные" уже собственно не люди, а мутация *Homo sapiens'a*. способная, при известных благоприятных условиях, положить начало высшей породе разумных существ, по отношению к которой мы уже своего рода неандертальцы.

Рама-Кришна различает пять категорий "освобожденных", которые в конце концов, сводятся к двум: во-первых, те, кто тем или иным путем (иногда совсем для себя неожиданно) пришел к "освобождению" и, во-вторых, те, кто в нем от рождения пребывает. Любопытно, что сами "освобожденные" на вопрос, когда они вошли в такое состояние, обычно отвечают, что всегда в нем были. Так же любопытно и то, что, по мнению индусских знатоков, — обратного пути из этого состояния в обычный человеческий мир нет. Поэтому приходится считать "освобождение" состоянием не психическим, а органическим, т. е. мутацией, которая всегда безвозвратна. Даже если "освобождение" явилось результатом долгой работы над собой, это никак не значит, что "освободившийся" не был мутантом, что он такой же *Homo sapiens*, как и все. Среда — это мощный формирующий, стимулирующий, тормозящий или деформирующий фактор.

Если общество складывается из индивидуальностей, то личность, как раз, вычитается из общества. Лев Толстой, родившись среди папуасов, никогда не стал бы тем, кто жил в Ясной Поляне в России девятнадцатого века. Сейчас уже и наука не оспаривает, что Маугли не только досужий вымысел Киплинга, но хотя и невероятный, но действительный факт, который время от времени сбывается в индийских джунглях, да и не только в них. Начиная с 1341 года насчитывается 52 достоверных случая нахождения человеческих детенышей, воспитанных зверями и приобретших характер и привычки своих приемных родителей.

Наибольшую известность приобрели девочки-волчата Атала и Камала. Они были найдены в 1920 году в Индии, вместе с дру-

гими волчатами в норе после того, как волчицу застрелили. Две девочки защищались гораздо более агрессивно, чем настоящие волчата. В плену обнаружилось, что они часто дышат высунув язык, как волки, и зевают, безмерно раскрыв челюсти. Днем они забивались в темный угол и оживали ночью, когда, повизгивая, искали возможности убежать, передвигались только на четвереньках, воду лакали языком и пищу хватали, наклонив голову, прямо зубами. Атала, младшая, умерла через год, а Камала жила еще девять лет. К концу жизни приучилась стоять на двух ногах и знала около пятидесяти слов. (Один немецкий биолог, изучавший человекообразных обезьян в девственном лесу, насчитывал в их языке около 60 слов).

Если человеческие дети, вырастая в волчьей норе, настолько "звереют", что после девяти лет в особо благоприятных для перевоспитания условиях выше уровня приматов подняться не могут, совершенно естественно, что и ребенок-мутант, выросший в обычной человеческой среде и воспитанный в условиях нормальных для *Homo sapiens*'а, не сразу находит подлинную свою надчеловеческую природу и даже не всегда может ее раскрыть.

Разумеется, такого рода дети рождались и рождаются не только в Индии. Читая жития христианских святых, например, нельзя не отметить, что одни из них обходятся почти без чудес и, если даже творят чудо, то такое, которое больше зависит от веры тех, с кем оно сбывается, чем от духовных сил самих святых. Другие — наоборот, проходят окруженные паранормальными явлениями.

Среди просиявших в нашем отечестве, примером первых может быть большой аскет и трудник Сергей Радонежский, примером вторых — Серафим Саровский и, в особенности, Иоанн Кронштадтский. Последний, как известно, никаким особым аскетизмом не отличался и даже, к соблазну некоторых благочестивцев, носил шелковые рясы, но — за исключением, кажется, левитации — все виды паранормальных способностей проявлял с большой легкостью и даже перед людьми, которые по их психической настроенности никак не могли служить для него трамплином.

Конечно, Индия, так сказать, кодифицировала приемы и упражнения для раскрытия высших духовных способностей,

однако этого для возникновения сверхчеловеческой породы недостаточно. Надо выяснить тот возбудитель, который вызывает человеческие мутации. Сейчас уже известно, что у одних органических видов неожиданные комбинации генов создают разного рода радиации, у других температура, у третьих химические возбудители.

Чрезвычайно важно найти стимулятор, действенный для человека. Затем надо установить, что именно определяет настоящего мутанта, и следить за таким с детства. Однако — одна белая ворона породы не создает — нужны настоящий подбор и селекция, подобные тем, что теперь применяются к животным и растениям. Но путь естественного отбора слишком длинный и едва ли может сбыться, если ему на помощь не придет упомянутая раньше биологическая революция.

Что же такое, собственно говоря, биологическая революция?

В задачу данной статьи не входит перечисление всех направлений, по которым в лабораториях всего цивилизованного мира ведется сейчас штурм живой клетки и тайны жизни вообще. Для характеристики всей удивительности того, что уже сейчас серьезными учеными считается возможным (по отношению к человеку), вот что говорит известный французский биолог Жан Ростан о новом "Гомо биологикус": — "Странное существо (т. е. будущий человек; С. Р.), которое кумулирует способности размножаться без самца, как травяные тли, оплодотворять самку на расстоянии — как моллюск наутилус, менять пол, как ксифофорные рыбы, воспроизводиться из частей, как земляные черви, восстанавливать недостающие части тела, как тритон, развиваться вне материнского лона, как кенгуру, и впадать в спячку, как ёж..."

Это разнообразие пока еще не свойственных человеку способностей уже само по себе подымает много вопросов, но, по крайней мере на первый взгляд, не таит в себе никаких угроз для обычного среднего современного человека. Гораздо серьезнее, глубже, величественнее и страшнее именно возможность генетических трансформаций.

"Начиная с момента, когда мы узнаем программы (т. е. последовательное расположение нуклеотидов в цепочке АДН — двойной молекуле дезоксирибонуклеиновой кислоты, содержа-

шей наследственные данные, согласно которым создаются разные организмы, С. Р.), мы будем иметь возможность программировать комбинации характеристик, которые еще никогда не существовали в природе. Ничто, следовательно, не помешает, благодаря этому искусственному зарождению, фабриковать совершенно новые существа. В конце концов (после вирусов, бактерий растений и домашних животных) мы можем по определенной программе создавать улучшенных людей и даже существа сверхчеловеческие, намного превосходящие человека и не имеющие пока имени" ("Биологическая революция", Гордон Тейлор).

Любопытно, что никто другой как Ренан в своих "Философских диалогах" писал в 1871 году: "Широкое применение физиологии и селекции может привести к созданию высшей расы, имеющей право господствовать не только благодаря своим знаниям, но и благодаря превосходству своей крови, своего мозга, своей нервной системы". Однако прозорливец девятнадцатого века ошибся в главном: он предполагал, что прочие смертные "будут счастливы подчиняться авторитету этой высшей расы, которая будет для них воплощением божественного".

Когда во второй половине XX века эти перспективы открылись, энтузиасты возможного восхождения "всё вперед и всё выше" натолкнулись на очень серьезное сопротивление своих же ученых-коллег. Так на заседаниях "Круглого стола", организованных ЮНЕСКО в Париже 4-7 сентября 72 г. на тему "Прогресс новейшей биологии и его социальное и этическое значение", доктор Клейн отнесся более чем скептически к возможностям программирования АДН и назвал их новой мифологией, "которая увлекает наиболее выдающихся специалистов современной биологии". По его мнению, "мы пока еще не располагаем ни знаниями, ни мудростью, позволяющими такое развитие".

Последнее (особенно в смысле мудрости) похоже действительно соответствует, потому что раньше доктора Клейна известный биохимик и геронтолог Маршалл В. Ниренберг заявил: "Надо особенно настаивать на том, что человек будет программировать свои собственные клетки синтезированными информацией значительно раньше, чем он будет в состоянии

корректно учесть последствия таких трансформаций в отдаленном будущем, значительно раньше чем сформулирует ясно свои цели и значительно раньше, чем сможет разрешить моральные проблемы, которые всё это ставит перед ним”.

Именно эти “значительно раньше” заставили другого специалиста Бентлей Гласс, более оптимистического по отношению к возможности “программирования”, чем д-р Клейн, но не менее осторожного, поставить вопрос прямо: “Можем ли мы позволить себе такие изменения в человеке?”

Итак, вот он, коренной вопрос, первоочередная задача не завтрашнего, а уже сегодняшнего общества. Оно должно раз навсегда решить, как быть человеку с двумя его самыми великолепными победами, способными стать его самым жестоким и смертным поражением — наукой и техникой?

Заморозить ли техническое оборудование на его нынешнем уровне или же продолжать его усложнение и совершенствование под серьезным и эффективным контролем? Остановить ли соответственные науки на не беспокоящем среднего человека рубеже и, тем самым, “гомо сапиенса”, как окончательную модель “высшей формы”, направить в тот биологический тупик, в котором когда-то “потух” неандертальский человек и многие другие “параллельные ветви”, или же, предоставив среднему человеку все полезности, какие только ему может дать прогрессирующая техника и наука, продолжать научную и техническую работу над преобразованием человека, как биологического вида, с тем, чтобы, пробудив в нем мутационные возможности (или создавая их и руководя ими), позволить новому “венцу творения” подняться еще на одну ступень того восхождения, пределом которого является сам Творец.

Едва ли кто-либо станет серьезно утверждать, что такого рода вопросы можно решить всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, Необходим Арбитр. Таким Арбитром может быть только Класс Творческой Мысли, себя осознавший, и так или иначе свое организованное единство утвердивший. Однако, сплоченная каста людей, для которых психический и духовный (и биологический) прогресс и его достижения могут легко стать всепоглощающей самоцелью, способна приносить ему в жертву то, чем жертвовать никак не должна, т. е. — личностью никакого

“восхождения” не ищущей и в перспективах “новой культуры” никак не заинтересованной. Другими словами, Класс Творческой Мысли способен вырождаться в тиранию тем более страшную, чем больше невиданных горизонтов ему откроется.

Только новое религиозное восприятие мира и Жизни способно в людях творческой мысли утвердить прежде всего моральную сторону их служения и арбитража, и позволить большинству без страха, ненависти или отвращения согласиться на возможность существования тут же (рядом с ними) меньшинства из персон уже вышедших (или способных выйти) из родового типа Гомо сапиенса и взойти на высшую эволюционную ступень.

Бесспорно, что Великие религии современности подошли вплотную к весьма критическим для них проблемам. Все они создавались в то время, когда исключительная редкость подлинных магических удач оторвала передовые общественные слои от магических религий и в то же время, когда огромному большинству в данной государственной среде жилось трудно, тогда загробное, вечное вознаграждение за временные земные муки казалось весьма заманчивым. Оставалось только, следуя наставлениям Великих Учителей, возможно лучше уравновесить свою личность в данной конкретной среде, чтобы возможно легче перетерпеть сравнительно короткий антракт земного существования. Но с началом индустриальной культуры и с ростом механизации стали открываться для всех возможности более легкого устройства здесь, на Земле. Вместе с тем, то духовное перерождение, которое должно было помочь претерпевать трудности реального бытия, не сбылось и не могло сбыться, потому что подлинной религиозностью одарены немногие, а вера масс такими горами, как нравственное перерождение, не двигает. Вдобавок родившиеся тысячелетия тому назад религиозные системы оказались вне целого ряда насущных социальных проблем современности.

Все это, однако, вовсе не свидетельствует о какой-то субстанциональной реакционности религий. Такие утверждения звучат особенно неубедительно после того, как в первой половине XX-го века ультра-передовая революционная доктрина, победив, стала ультра-реакционной и заморозила жизнь великой

страны на полвека. Пытаясь — по необходимости грубо — определить неопределимое, можно сказать, что религиозность расширяет арену действия человека от пределов его питательной среды до бесконечности вселенной, что она Мир, как целое, воспринимает как соответствие цели, средства и достижения и, вместе с тем, провидит поставившую цели и избравшую средства Верховную Сущность — один из самых могучих факторов человеческой эволюции. Она не оставляет человека одиноким в космической пустыне, она необыкновенно — отрывая от тесного месторазвития и доводя до бесконечности вселенной обогащает его, необыкновенно укрепляет личные психические силы и, вот именно она, чаще всего и легче всего вводит человека в область паранормальных психических возможностей. Инстинкт религиозный так же заботится о продолжении духовного восхождения человека, как инстинкт сексуальный о продолжении его рода. И если, все-таки, наступают времена, когда религия в человеческих обществах подвергается остракизму — то, единственно потому, что подобно эстетической (или технической, или магической) способности — религиозностью люди одарены далеко не в одинаковой степени. Так же, как итальянские примитивы по-настоящему (эстетически) воспринимаются некоторыми, а прочие (очень многие) лишь принимают их на веру, так же точно и живым религиозным ощущением одарены единицы, а для остальных — это дело веры. Но вера состояние непрочное и легко иссякает, когда конкретная религия уже изживает свои социальные основания, т. е. становится общественно неубедительной.

Все религии происходят из религиозности, путем полученных в Духе откровений, которую они пытаются уточнить, конкретизировать, материализировать (в культе), но религии проходят и умирают, а религиозность остается. Она пребывает вне Истории, не зависит ни от социальных, ни от технических, ни от культурных состояний человечества, в то время как конкретные религии весьма историчны.

Каждая очередная маска, прикрывающая для слабых человеческих глаз нестерпимое сияние Того Верховного, Непознаваемого и Неопределяемого Принципа, которому настоящего имени нет (потому что имя Бог в исторической религиозной

практике чересчур покрыто антропоморфическими злоупотреблениями) создается человечеством в известной степени по образу и подобию своему.

Несомненный факт распространения современного, технического, если так можно выразиться, атеизма даже у далеко не наивных людей создает убеждение, что умирание Великих Религий Спасения (в частности, христианства) означает вообще смерть религий, как остатков тающего под солнцем науки обскурантизма и переход человечества к арелигиозной культуре. Однако, если вера скудеет не потому, что люди стали хуже, впали в материализм (Карель), погрязли в грехах "бестиализировались" (Бердяев), то уже никак и не потому, что наука подорвала доверие к религиозному "обскурантизму": если науке иногда и удастся поразить суеверие, то *против веры* (вернее, против религиозности) она совершенно бессильна. И понятно почему: в то время как наука шаг за шагом идет по пути, который она сама считает бесконечным — религиозность стремится к Тому, Кто находится во всех бесконечностях и вместе с тем вне их и над ними. Это стремление и составляет неизменную параллель "орудийной" эволюции человечества и без него она невозможна, потому что обращенное на себя сознание может становиться выше, больше и лучше только противопоставляясь Большему и Высшему, чем оно есть.

Эта аксиома неизменно оправдывается, когда среднее (нормальное) сознание предоставляется самому себе. Все, так называемые, гуманитарные идеалы религиозны по (близким или далеким) корням, настоящей атеистической культуры пока не существует, а попытки ее построения, т. е. попытки создания гуманизма, основанного исключительно на самоцентризме человеческого рода, в стране насильственного материализма привели к ужасающей грубости и жестокости. В той же стране в течение уже второго полустолетия единственными (бесспорными и для посторонних) культурными ценностями оказываются остатки религиозной по корням цивилизации прошлого, а также творчество тех "отверженных", которые вернулись (наперекор догме и приказу) к религиозному восприятию Мира и Человска.

Для нового воплощения извечной религиозности в эпохальную религию необходимо новое Благовестие, новое Откровение.

После Древнего Завета Отца и заканчивающего в наши дни свое историческое служение Евангелия Сына — Откровение Духа — если оно произойдет, способно будет сочетать в органическом единстве религию, искусство и науку, вернуть взбунтовавшуюся в эгоизме индивидуальность в Соборное Общение и дать каждому оправдание его бытия и всему Человечеству — смысл его истории, и, в частности, сделать Класс Творческой Мысли ее арбитром, а не тираном.

Сергей Рафальский

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

НЕДОСТАВЛЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

(Письмо в редакцию)

Глубокоуважаемый Роман Борисович!

В книге "Нового Журнала" № 147 была напечатана Ваша запись рассказов графини Л. Н. Воронцовой-Дашковой о великом князе Михаиле Александровиче.

В этой записи сообщается, что Государь после своего отречения в пользу своего брата Михаила Александровича послал ему телеграмму, которую великий князь не получил. Этот рассказ напомнил мне о документе, сохранившемся среди моих семейных бумаг. Дело обстояло следующим образом.

Отчим моей матери, Сергей Петрович Малыхин, был в свое время начальником телеграфа Риги-Орловской ж. д. В его архиве остался и теперь находится у меня оригинал телеграммы, которая была отправлена Государем с поезда под литерой "А" 3-го марта 1917 г. со станции Сиротино (между Полоцком и Витебском).

Телеграмма была подана в 14.56 и передана в 15.10. Ее текст гласит:

"Его Императорскому Величеству.

Петроград.

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня если им огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным тебе братом. Возвращаюсь в Ставку откуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и нашей Родине.

Твой Ники."

Насколько мне известно, бланки подобного рода телеграмм, заполненные отправителем, обычно пересылались в служебном порядке в надлежащие инстанции. В данном случае

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ПРОФЕССОР С. А. КОНОВАЛОВ
1899-1982

С тех пор прошло полвека, но как ясны в моей памяти студенческие годы в Оксфордском университете. Мой первый семестр. Нерешительно направляюсь в указанную аудиторию в Taylogian, где мне предстоит первое свидание с моим, будущим профессором, тогда еще только лектором русского языка и литературы. Ожидающих его студентов всего трое: М. Цетлин, А. Вайнман и я. Отдел наш был совсем маленький.

Первое, что поразило меня в нашем наставнике, — его почти великанский рост, представительная фигура и странно контрастирующий с таким обликом довольно высокий голос. Гораздо позже, когда я ближе познакомилась с Сергеем Александровичем, я поняла, что и характер его соткан из противоположностей. Был он купеческого происхождения, но по природе своей — русский барин. После революции жил некоторое время во Франции, потом переехал в Англию, где старался приспособиться к условным взглядам среды, в которой вращался и боязливо избегал нарушителей не писанных, но общепринятых правил.

Так, не забуду, как он мягко журил меня и дипломатически предупреждал, встретив меня на главной улице с индусскими студентами. Он объяснял, что не подобает белой девушке якшаться с туземцами и такое афиширование может повредить моей репутации. Конечно, его отеческие увещевания не привели ни к каким "положительным" результатам и он, в конце концов, махнул рукой, увидя мое упрямство и светские промахи, но тем не менее нисколько не изменил доброго отношения к своей непокорной студентке.

Преподавание русской литературы интересовало Сергея Александровича гораздо больше, чем внедрение нам знаний об этапах развития нашего родного языка. Вообще, когда какой-либо предмет не занимал

его, А. С. был тяжеловат на подъём и в нём порой проскальзывало даже что-то обломовское.

Зато, когда он читал лекции или просто беседовал с нами на излюбленную тему о русских писателях и особенно о поэтах 19-го и 20-го веков, он становился неузнаваем, оживлялся, делался красноречив, вдохновлён, и мы слушали его с величайшим вниманием, как зачарованные. Самым любимым поэтом Сергея Александровича был Лермонтов и он долгие годы всё собирался написать о нём книгу, но, к сожалению, этот труд так и не появился в печати.

Первое время С. А. приезжал к нам из Бирмингама, где был лектором раньше, чем в Оксфорде, и продолжал преподавать в обоих университетах. В Оксфорде он жил очень скромно в двух маленьких комнатах и вёл, как нам казалось, не только замкнутый, но почти монашеский образ жизни. Во время каникул, длинных летних, он исчезал из Англии и путешествовал по Европе, занимаясь какими-нибудь литературными или историческими исследованиями. Так, по крайней мере, думали мы. Велико же было мое изумление, когда один из моих друзей, уже не индус, а англичанин, рассказал мне, как совсем случайно, будучи проездом в Румынии, он отправился в ночной клуб (по его описанию что-то вроде Московского Яра) и там нашел среди поющих и плясавших цыган и цыганок нашего, всегда такого корректного, Сергея Александровича! Сперва он не верил своим глазам и что удивило его больше всего, было то, что наш наставник, как будто, чувствовал себя совсем как дома, принимая самое деятельное участие в общем весельи. Такой мир был только известен нам по романам Достоевского, и такой кутёж, или "купеческий загул", шокировал моего приятеля, он "никогда не ожидал такой двойственности в серьёзном академике". Но рассказ об этом инциденте не только не умалил С. А. в моих глазах, а наоборот придал его облику ширину и глубину, и окружил его какой-то таинственностью...

Окончив Оксфордский университет, получив степень и проживая в разных местах, я поддерживала контакт с Сергеем Александровичем, женившимся и ставшим уже профессором. Переселившись в Южную Африку с семьёй после Второй мировой войны, которую мы провели в Лондоне, где я работала цензором, я получила письмо от моего бывшего наставника о том, что в Оксфорде (в 1950 году) стал издаваться журнал: *Oxford Slavonic Papers*, и что он его редактор. Сергей Александрович регулярно писал в нём статьи и оставался его редак-

тором до 1967 года. Его статьи были, главным образом, на исторические темы. Особенно занимал С. А. вопрос об отношениях России и Англии в начале и середине 17-го века.

Среди работ его о 17-м веке были статьи о нескольких русских посольствах, отправленных в Англию, письма царя Михаила Федоровича английскому королю Карлу Первому и генералу Патрику Гордону, казнь Стеньки Разина (описанная иностранным очевидцем) и в одной из последних статей переписка (7 писем) царя Александра Второго с его будущей морганатической супругой княжной Екатериной Долгорукой...

В Южной Африке не было русских отделов в тамошних университетах до 1960-го года. Первый отдел был основан в университете Южной Африки в Претории и я была назначена его главой. У нас не было не только никаких учебников для преподавания русского языка, но и никаких русских книг. Надо было начинать всё с самого начала. Чтобы закупить всё необходимое и войти в контакт с другими русскими отделами в разных странах, я была отправлена в шестимесячную командировку в Англию, Францию, США, Канаду и также в Советский Союз.

Я начала и закончила моё путешествие по "Западу" в Оксфорде. Перед отлётом на родину, которую я покинула в 1920-м году, я попросила Сергея Александровича дать мне рекомендательное письмо к ректору Московского университета. С. А., не замедля, исполнил мою просьбу, дав мне несколько полезных советов (он сам уже побывал тогда в Москве). Своим письмом он оказал мне большую услугу, т. к. я, будучи подданной Южной Африки — державы, у которой не было дипломатических сношений с СССР, — могла повредить С. А. в его наладившихся отношениях с советскими академическими кругами. Он же, полностью отдавая себе отчёт в этом, не задумываясь дал мне рекомендацию.

Помнится мне, как вооруженная этим письмом я поднималась в лифте на верхний этаж нового здания Московского университета, где находился кабинет ректора профессора Петровского, который был уже предупрежден о моём визите. Мы поздоровались. Ректор был не один. Тут же находилась, вероятно, секретарь его, энергичная с виду женщина средних лет. Я протянула письмо ректору, но он, не взяв его, сделал жест своей помощнице принять его из моих рук и прочитать ему вслух. В тёплых выражениях, по отношению ко мне, Сергей

Александрович просил ректора оказать мне посильную помощь, за которую вперёд благодарил.

Через несколько лет я снова посетила Оксфорд, где узнала, что С. А. — в больнице и медленно поправляется от серьёзной операции. Купив большой вазон с бледно-розовой азалией в цвету, я поспешила навестить его. Как он удивился и обрадовался, увидав свою старую студентку, оставшуюся верной своему профессору. Он так доверчиво и сердечно говорил со мной. Мне же было больно смотреть на него: так он осунулся и исхудал. Когда же он встал с трудом и, надев халат, прошелся, чтобы доказать мне, что уже может ходить, мне пришлось смахнуть слезу, так как я думала, что вижу его в последний раз.

Я ошиблась. Нам снова суждено было встретиться уже в конце семидесятых годов. Я была уже на пенсии и приехала в Оксфорд на машине из Кембриджа вместе с долголетним другом, профессором Елизаветой Федоровной Хил.

Сергей Александрович жил в маленьком домике на 175 Divinity Rd. со своей милой, молодой женой. Мы попросили её не говорить, кто мы, когда она ввела нас в уютную комнату, где С. А. сидел в кресле, погруженный в чтение какого-то журнала. Увидав нас он встрепенулся, вскочил и был очень тронут, особенно посещением Елизаветы Федоровны. Выглядел он довольно бодро, хотя был уже почти восьмидесятилетним. Жена очень гостеприимно напоила нас чаем, а потом мы с ней сидели, обмениваясь изредка словами. Все наше внимание было сосредоточено на наших собеседниках. Было так отраднo смотреть на их оживленные, радостные лица и слушать, как они вспоминали о росте русских отделов повсюду после войны и обменивались новостями о многих своих коллегах, как и они потрудившихся плодотворно на своем веку, из которых многих уже не было на этом свете.

Когда настало время уезжать, мы трижды облобызались с Сергеем Александровичем, как бы в Пасхальную ночь. Когда мы отъезжали он стоял на пороге дома и смотрел нам вслед — такой просветленный.

Я надеялась повидать его еще хоть раз, но... узнала об его кончине.

Мир праху твоему и вечная память тебе, дорогой раб Божий Сергей...

Елизавета Кандыба-Фокскрофт

БИБЛИОГРАФИЯ

ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК КОНСТАНТИН БОГАТЫРЕВ. Редактор-составитель Вольфганг Казак. Мюнхен. 1982. 316 стр.

"Константин Богатырев с самого начала своей деятельности считал себя прежде всего поэтом-переводчиком" (хотя переводил и прозу), пишет в предисловии к этой книге известный немецкий литературовед проф. Вольфганг Казак. К. Б. лучше других переводил стихи Райнера Мария Рильке. Сознаюсь: я лично плохо верю в стихотворные переводы — разве что с двумя соседствующими текстами — оригинала и дословного перевода. Проф. Казак напечатал все подлинники переведенных К. Б. немецких стихов, и это хорошо. Насколько я могу судить, для Рильке характерны очень точные, богатые и неожиданные рифмы, формирующие не только его очень *вещные* стихи, но и зыбкую лирику, поэзию неуловимого. К. Б. не дает эквивалента рилькевской богатой и звучной рифмы в "Торсе Аполлона" aber — Kandelaber, но зато в следующей строфе, очень в рилькевском стиле, но, конечно, по-русски, рифмует *своею мощью б, не влеклась наощупь*. У К. Б. много удач, напр., эта в стихотворении "Брюгге" — с очень парадоксальным, но и убедительным сравнением:

У здешних улиц осторожный шаг
(вот так постель покинувши
порой бредут, задумавшись, больные...).

Удачно переложена и знаменитая "Пантера":

В глазах рябит. Куда не повернуть их
Одни лишь прутья, тысяч прутьев ряд.
И для нее весь мир на этих прутьях
сошелся клином, притупляя взгляд.

Сошелся клином — "отсебятина" К.Б., но это разговорное выражение вполне уместно: их немало у Рильке (хотя бы и не в этом стихотворении).

Редактор В. Казак назвал К. Б. другом немецкой литературы, он им и был, и переводил не только Рильке, но многих поэтов от Гёте до Целана.

Константин Петрович родился в 1925 г. в Праге. Он — сын известного русского фольклориста. Мать уехала с трехлетним Костей в Москву. Его призвали на войну, некоторое время он служил в оккупированной зоне Вост. Германии. Был по доносу арестован. Его, "потенциального террориста", даже приговорили к смертной казни, и освободили только в 1956 г. Позднее ему удалось поселиться в Москве. Казалось бы полегчало... и он мог заниматься переводами и германистикой. А вот как он умер: 26 апр. 1976 г. на улице убийца (или убийцы) проломили ему череп и после долгих мучений он скончался 18-го июня 1976 г. Его друзья, Лидия Чуковская и др. убеждены, что К. Б. прикончили "пустоглазые парни" из КГБ. К. Б. жертва "либеральной" брежневщины.

В. Казак поместил около 30 отзывов, откликов о К. Б., включая 2 дружественных письма Пастернака. Внятна боль невнятного поэта Геннадия Айги, потерявшего в лице К. Б. близкого друга, и внятен его ужас: "но люди-убийцы / вкраплены в тьму этой ночи земной: / страшно-простая / московская страшная ночь". Вспоминает о нем и недавно скончавшийся проф. Р. О. Якобсон (его крестный отец). Вас. Аксенов называет его "университетский человек", хотя и совсем не типичный. Но живет всего, с любовью, но без идеализации, написал о К. Б. Влад. Войнович ("Штрихи к портрету"). Он находит у него чувство комического... Говорит о его любви к застолью, к спорам о структурализме: он умел работать академически, но, по свидетельству Войновича, К. Б., такой деликатный, крепким непечатным словом отозвался о многих модных в наше время структуралистах!

В конце книги снимки. А вот дружеский словесный портрет К. Б.: "Его некрасивое, узкое как бы птичье лицо (длинный нос, уходящие назад лоб и подбородок) были одухотворены живым и умным взглядом — иногда любознательным, иногда ироническим, иногда с озорной смешиной" (И. Рожданский). Отзыв Г. Барабтардло: "Б. был один из совсем немногих (вряд ли наберется и десяток) *свободных* людей в Сов. России..."

Словопоклонником называет К. Б. германист, недавно эмигрировавший — Л. З. Копелев. В книге находим отклики и западных писателей, ученых, включая Генриха Бёлля (Нобелевского лауреата). Отметим и отзыв проф. Г. П. Струве, который переписывался с К. Б. (о поэзии Рильке). Но всех откликов не перечислить.

Г. Айги прав, выделяя простые стихи, посвященные К. Б. его сокамерником-солдатом А. Дворянкиным:

Рисовал на тоске-чужбине
Голубые мечты-рассветы,
За труды его больно били
И молва, и колючий ветер.

(“Баллада о художнике”, Воркута, 1953-54)

Юрий Иваск

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПУТЕШЕСТВЕННИЦЕЙ-КНИГОЙ

*Экслибрис! Верный след бывлой библиотеки!...
Молчат источники, молчат надгробья, — ах!
Но ты немой рассказ ведешь о человеке,
О днях, когда он жил, душе его, мечтах.*

П. Н. Берков

Старая, вероятно, немецкая пословица гласит: “Человек собирает книги, но книги собирают человека”. Подчас для нас бывает важно знать, какие книги собирало то или иное лицо, отдаленное от нас временем. Неоценимую помощь в этом может оказать экслибрис. Книги живут века, человек — десятилетия. Естественно, книга переходит из одного собрания в другое. Бывало и так: “Библиотека ЦКБ пополнялась из фондов Бутырской тюрьмы. Были в ней Фет, Плещеев, Тютчев, Надсон, Блок, ну и, конечно, Пушкин и Лермонтов. Книги были из конфискованных частных собраний, и порой мы обнаруживали на них (экслибрисов в то время не уважали) пропущенные по недосмотру надписи “из книг Бухарина”, “А. И. Рыкова”. Две такие книжки один из наших библиофилов припрятал, эвакуация помешала их спасти”.¹ Да,

1. Озеров Г. Туполевская шарага. “Посев”. Франкфурт на Майне. 1971 г., стр. 77.

экслибрисы не только не уважали, но и уничтожали — ведь они — источник информации; это же подтверждает и А. Гинзбург: "Спасибо Лефортовской библиотеке — эти растрепанные книжки с оторванными экслибрисами, когда-нибудь я напишу о них, ..." ² Когда мне представилась возможность покинуть СССР, то таможенники с остервенением сдирали с моих книг, которые я взял с собой, мой же собственный экслибрис!?

В докладе "Экслибрис, оставленный на книге" коллекционер Е. Е. Фридлянд на интереснейших примерах рассказал удивительные путешествия книг; одно из путешествий книги "Deutsche und osterreichische Bibliothekzeichen ex libris" от барона А. Е. Фелькерзама (экслибрис работы немецкого художника Эмиля Деплера, 1899 г.) к одному из крупнейших собирателей отечественного экслибриса Б. А. Вилинбахову (худ. Труханов, 1933 г.) и дальше в библиотеку Н. М. Спиченко (худ. К. С. Козловский, 1962 г.). ³ Кого еще предстоит ей собирать? Кто будет следующим в этой уважаемой цепочке исследователей экслибриса? Экслибрис, оставленный на книге ее следующим владельцем — вот достойная память о человеке и подлинная признательность книге.

Еще одну судьбу книги "О библиотечных знаках, так называемых exlibris'ах, по поводу 200-летия их применения в России" поведал ученый О. Г. Ласунский. Эта книга оказалась еще более счастливой, принимая во внимание его же высказывание: "... а ведь экслибрисы на старой книге — это ордена на груди ветерана! Каждая века долгой и славной жизни как бы отмечена наградой". ⁴ У нее пять таких наград, выданных купцом Н. К. Синягиным, коллекционером А. М. Макаровым, уже знакомым нам Б. А. Вилинбаховым, москвичем С. И. Богомоловым и О. Г. Ласунским.

А вот случай, когда экслибрис, оставленный на книге, явился поводом для несколько иной оценки событий, как дней давно минувших, так и сегодняшних. Уже будучи далеко от родного дома, на чужбине, мне теперь человеку без определенных занятий и не имеющему каких-либо

2. Из письма А. Гинзбурга. В кн. "История одной голодовки". "Посев". Франкфурт на Майне, 1971 г., стр. 101-102.

3. Фридлянд Е. Е. — Экслибрис, оставленный на книге. Памятка 36 заседания ЛКЭ, 28.IV.1972 г. Ленинград.

4. Ласунский О. Г. Судьба экземпляра. В сб. "Альманах Библиофила", выпуск 4, Изд-во "Книга", Москва 1977 г., стр. 133.

приличествующих документов в человеческом обществе, встреча с одной из путешественниц-книг принесла приятные минуты воспоминаний и раздумий. Встреча произошла в Вене на квартире бывшего эмигранта, в настоящее время гражданина Австрии, у которого я и увидел несколько старых русских книг. На мое недоумение — откуда эти книги? (ведь не секрет, что не только русские книги, но даже и советские, изданные до 1946 года, запрещено вывозить из СССР; больше того, мне запретили вывезти современные книги, изданные тиражом менее 50 тыс. экземпляров) — хозяин квартиры сообщил, что эти книги он взял для чтения в местной университетской библиотеке. Можете себе представить, как трудно было удержаться от восклицания: "Да ведь эта книга Соболевского! Видите на внутренней стороне переплета, в левом верхнем углу его экслибрис — полукругом над фамильным гербом надпись "EX BIBLIOTHECA SOBOLEWSKIANA", внизу — "Division — Serie — № — ". В графе "дивизион" чернилами от руки вписано "Rossica".

Какого Соболевского?

Сергея Александровича!

Давайте заглянем на полтора века назад и вместе с мемуаристом Иваном Панаевым посетим лавку Смирдина. Его книжный магазин был своеобразным литературным салоном, где бывали В. Жуковский, И. Крылов, А. Пушкин... Вот что рассказывает И. Панаев: "В одно почти время со мной вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватою эспаньелкой, одетый франтовски; другой среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с кучерявыми белокурыми волосами, с несколько арабским профилем, толстыми выдающимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина, по известному портрету Кипренского... Он спросил у Смирдина, не помню, какую-то книгу и перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием... Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньелкой: "Счастливец!... Кто бы это такой?" С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки".⁵ Справедливости ради, надо отметить, что до этого случая И. Панаев с А. С. Пушкиным не встречался и утверждает, что узнал его по портрету Кипренского, хотя

5. Альманах библиофила. Изд-во "Книга". Москва 1973 г., стр. 79-80.

трудно там Пушкина назвать белокурый. Но вот какие сведения доносит до нас декабрист Н. И. Лорер: "Лев Сергеевич похож лицом на своего брата: тот же африканский тип, те же толстые губы... умные глаза, но он — блондин, хотя волосы его так же вьются, как черные кудри Александра Сергеевича... Лев Сергеевич ниже своего брата ростом, широкоплеч, вечно весел и над всем смеется и обыкновенно бывает очень находчив и остер в своих ответах..."⁶

Да, но вернемся в лавку, где мы оставили Ивана Ивановича, уверенного в том, что Пушкина он узнал по известному портрету. Ведь надо же узнать, кто тот счастливек, да еще с рыжей эспаньелкой? "Это С. А. Соболевский, — ответил Смирдин, — прекраснейший человек и друг Александра Сергеевича-с. Он пишет на всех удивительные эпиграммы в стихах-с". Еще Смирдин мог сказать о Сергее Александровиче Соболевском (1803-1870), обладателе громадной библиотеки в 25 тысяч томов, библиографе, что он был одним из ближайших друзей А. Мишкевича, Мериме. А о том, что в 1973 году библиотека Соболевского была распродана с аукциона Смирдин сказать уже не мог. Часть книг оказалась в Британском музее, другая часть разошлась по различным библиотекам и частным собраниям по воле его величества Случая. Но экслибрис может помочь найти книги, принадлежавшие Соболевскому. Таким путем нашлась наша путешественница-книга, в потертом, издавшем виды, переплете, 10 выпусков Русских достопамятностей, изданных в Москве, в типографии Бахметева (1862). На титульном листе первого выпуска чья-то рука вывела латинскими буквами трудное для произношения иностранцу слово "Dostopamjatnosti". Сколько воды утекло с тех пор... сохранилась книга в австрийской библиотеке, не пошла на пыжи.

— Причем тут пыжи? Дело в том, что перед самым началом франко-прусской войны (1870 г.) книгопродавец из Германии Альберт Кон писал Соболевскому: "В дни войны книги идут на пыжи для ружей. Подумайте о де Бри,⁷ который полетит из русских мушкетов в физиономии австрийцев".

6. Записки декабриста Николая Ивановича Лорера. Социально-экономическое изд-во. Москва 1931 г., стр. 197.

7. С 1590 по 1634 гг. фирмой Теодора де Бри во Франкфурте на Майне издавалась серия описаний путешествий в Америку и в Индию с гравюрами лучших мастеров. Издание получило всемирную известность под названием "Большие и малые путешествия де Бри".

Не пошли книги, принадлежавшие Соболевскому, на пыжи, не говоря уж о де Бри, который и по тем временам стоил баснословно дорого; сегодня стоимость его, предположительно, на вес золота.

По сей день служат книги Соболевского людям, находясь в различных библиотеках Европы и Советского Союза.

Экслибрис, оставленный на книге, может рассказать многое; он — исторический и библиографический источник. Он ценен как предмет собирательства, как произведение графического искусства. Можно еще привести много примеров пользы экслибриса, но ограничимся похвалой экслибрису профессора П. Н. Беркова, где он подметил еще одну грань экслибриса:

К ЭКСЛИБРИСУ НЕВЕДОМОЙ БИБЛИОТЕКИ.⁸

Ты есть, и я уж не ничто...

Державин

Проходит в жизни всё, меняют русла реки,
И царства рушатся, вожди нисходят в прах,
А книжный знак, как сфинкс безмолвный некий,
Стоит, незыблемый, в бегущих вдаль веках.
Экслибрис! Верный след былой библиотеки!...
Молчат источники, молчат надгробья, — ах!
Но ты немой рассказ ведешь о человеке,
О днях, когда он жил, душе его, мечтах.
Быть может, потому мы любим эти знаки,
Что в них надеемся себя мы пережить,
Что утверждается по-своему в них всякий,
С потомством видя в них связующую нить.
Немая летопись погибшего во мраке,
Ты громко говоришь: "Да, быть,
а не — не быть!"

Виктор Шатиль, Вена.

8. Берков П. Н. К экслибрису неведомой библиотеки. Ж-л "В мире книг", № 1, 1973 г., стр. 83.

КНИГИ ДЛЯ ОТЗЫВА

Михаил Армалинский. После прошлого. Стихи 1977-1981. Эрмитаж. Анн Арбор. 1982. (109 стр.)

"Жарь-Птица". Выпуск No. 1. Париж. Берлин. Изд. Русское Искусство, 1921. Reprint by Ардис. 1983 (43 стр.)

Фазиль Искандер. Кролики и удавы. Ардис. Анн Арбор. 1982. (149 стр.)

Каталог. Сборник. Ардис. Анн Арбор. 1982 (262 стр.)

О. Мандельштам. Проза. Ардис. Анн Арбор. 1983. (179 стр.)

Чеслав Милош. Поэтический трактат. Перевела с польского Наталья Горбаневская. Ардис. Анн Арбор. 1982 (54 стр.)

С. Полякова. Закатные оны дни: Цветаева и Парнок. Ардис. Анн Арбор. 1983. (128 стр.)

"Тайноведение" № 3. Ред. А. Шифрин. Израиль. 1982.

Лия Владимирова. Снег и песок. Третья книга стихов. Израиль. 1982.

Edward J. Brown. Russian Literature Since the Revolution. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England. 1982. (413 pages)

Catherine Edwards Sadler. Sasha. The Life of Alexandra Tolstoy. G. P. Putnam's Sons, New York. (138 pages)

М. Генделев. Послания лемурам. Стихи. Иерусалим. 1981.

Я. Землянин. Анти-Лолита. Рассказы. Изд. Анакреон. Нью Йорк. 1982.

А. Вертинский. Записки русского Пьерро. Нью Йорк. 1982.

Д. Михеев. Идеалист. Изд. Эрмитаж. Анн Арбор. 1982.

*"Проблемы Восточной Европы". №№ 3-4, 5-6. Ред. Ф. и Л. Силнищие.
Чалидзе Пабλικейшенс. Н. Й. 1982.*

А. Давыдов. Воспоминания. Изд-во "Альбатрос". Париж. 1982.

STATEMENT OF OWNERSHIP, MANAGEMENT AND CIRCULATION

(Required by 39 U. S. C. 3685)

1. Title of Publication — The New Review. — A. Publication No. 596680

2. Date of Filing — [Oct. 31. 82]

3. Frequency of issue — Quarterly. — A Number of issues published annually — 4

— B. Annual Subscriptions price \$24.

4. Location of known office of publication — 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025.

5. Location of the headquarters or general business offices of the publishers — 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025.

6. Names and complete addresses of publisher, editor and managing editor — Publisher. The New Review Incorp. 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025; Editor, Roman Goul, 506 West 113-th Street, New York, N. Y. 10025.

7. Owner (If owned by a corporation, its name and address must be stated and also immediately thereunder the names and addresses of stockholders owning or holding 1 percent or more of total amount of stock. If not owned by a corporation, the names and addresses of the individual owners must be given. If owned by a partnership or other unincorporated firm, its name and address, as well as that of each individual must be given.)

The New Review Inc. — 2700 Broadway, New York, N. Y. 10026; Roman Goul — president, 506 West 113-th Street, New York, N. Y. 10025. Zoya Yurieff — secretary 46-04, 196-th Street, Flushing, N. Y. 11358. Peter Muraviev — treasurer 316 Monroe Ave. Wyckoff, N. J. 07481.

8. Known bondholders, mortgagees, and other security holders owning or holding 1 percent or more of total amount of bonds, mortgages or other securities. — None

9. For completion by nonprofit organizations authorized to mail at special rates (Section 132.122, Postal Manual).

The purpose, function, and nonprofit status of this organization and the exempt status for Federal income tax purposes. — Have not changed during preceding 12 months.

10. Extent and nature of circulation

	<i>Average No. copies each issue during preceding 12 months</i>	<i>Actual number copies of single issue published nearest to filing date</i>
A. Total No. copies printed (Net Press Run)	1400	1400
B. Paid circulation		
1. Sales through dealers and carriers, street vendors and counter sales	60	60
2. Mail Subscriptions	1,099	1,091
C. Total paid circulation	1,159	1,151
D. Free distribution by mail, carrier or other means, samples, complimentary, and other free copies	40	40
E. Total distribution (Sum of C and D)	1,199	1,191
F. Copies not distributed		
1. Office use, left over, unaccounted, spoiled after printing	201	209
2. Returns from news agents		
G. Total (Sum of E & F and 2 — should equal net press run shown in A)	1400	1400

11. I certify that the statements made by me above are correct and complete, (Signature of editor, publisher, business manager, or owner) — Roman Goul, Ed.

12. For completion by publishers mailing at the regular rates (Section 132.121 Postal Service Manual).

Signature and Title of Editor, Publisher, Business Manager, or owner

Roman Goul, Editor

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией
РОМАНА ГУЛЯ
и
Е. Л. МАГЕРОВСКОГО

■
В 1982 году выйдут ЧЕТЫРЕ КНИГИ

■
Подписная цена на 1982 год 24 доллара
(за 4 книги)

Цена одной книги — 7 долларов
Во Франции — 25 франков

■
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В КОНТОРУ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

THE NEW REVIEW, 2700 BROADWAY
NEW YORK, N Y 10025

Телефон редакции и конторы 666-1692

Прием по делам редакции и конторы — по понедельникам и сре-
дам, от 10-ти до 12-ти час дня
